

Песнь Обреченного Мира
Пепел и Звёзды

18+

Песнь Обреченного Мира

Григорий Кудряшов

**Песнь Обреченного
Мира: Пепел и Звёзды**

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Песнь Обреченного Мира: Пепел и Звёзды / Г. Д. Кудряшов —
«Автор», 2026 — (Песнь Обреченного Мира)

Она охотится за душой дракона, закованной в колючий шар. Он ищет бога, которого стёрли из памяти. А та, что правила с морских скал, просыпается в борделе, потому что её замок продали вампиру. Астрид, глава Картеля, собрала древний меч Лоуренса — но последняя деталь украдена. Её бывший ассасин ушёл в снега, и за ним тянутся ледяная дева в стальной броне и молчаливое красное чудовище, которое продолжает сражаться даже отрубленной рукой. Маромал, архимаг имперской Коллегии, едва выжил после выстрела в затылок. Теперь он читает пыль, складывающуюся в слова на библиотечных полках, и узнаёт, что все боги — ложные, а истинный творец ждёт в космической пустоте. Морвейн, тан тёмных эльфов, ведёт сотню орков на столицу, чтобы вернуть себе право на жизнь. Но в тылу у неё уже режут глотки её же союзники. Их миры сходятся в пепле. Ставка — не власть. Ставка — не сойти с ума от голосов мёртвых, которые теперь звучат в твоей крови.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Песнь Обреченного Мира: Пепел и Звёзды

Эту книгу хочу посвятить всем, кому не безразлична серия «Песнь Обреченного Мира».

Давным-давно, в мире необъятном и далёком...

Песнь Обреченного Мира: Пепел и Звёзды

Тень тана

Она бежала.

Это было неподобающе для тана Ихта — носиться по коридорам замка, как перепуганная служанка, подол платья развевается, щёки горят румянцем, дыхание сбито. Но Морвейн было плевать на приличия. Она сделала это. Свершила то, над чем её предшественники бились десятилетие. И сейчас, когда свитки с расчётами были готовы, когда каждая цифра сошлась, когда судьба целого народа оказалась в её руках, она имела право на маленькую слабость.

Коридоры замка Ихта были узкими, тёмными, вырубленными в толще скалы, на которой стоял этот самый древний город тёмных эльфов. Стены, сложенные из чёрного вулканического туфа, поглощали звук, делая шаги Морвейн почти неслышными. Факелы, горевшие в бронзовых бра, отбрасывали пляшущие тени, и казалось, что по стенам скользят призраки — те, кто жил здесь раньше, кто правил, кто умирал, кто ждал.

Морвейн не обращала на них внимания. Она знала этот коридор с детства. Каждый выступ, каждую трещину, каждый скрытый проход. Здесь, в Ихте, крупнейшем портовом городе Элфтенхолда, она выросла. Здесь научилась читать, писать, считать. Здесь поняла, что её народ — тёмные эльфы — находится на краю пропасти. И здесь поклялась сделать всё, чтобы их спасти.

Она была молода. По человеческим меркам — девятнадцать лет. По эльфийским — почти ребёнок. Но в её глазах, тёмных, глубоких, с вертикальными зрачками, горел огонь, который бывает только у тех, кто знает цену времени. У тех, кто не может ждать.

Должность тана не передавалась по наследству. Её не покупали и не продавали. Таном становился тот, кто доказал свою мудрость, силу и преданность народу. Морвейн стала тан Ихта три года назад, когда предыдущий управитель — её наставник — погиб при загадочных обстоятельствах. Ей было шестнадцать. Её считали слишком юной, слишком неопытной, слишком слабой.

Она быстро развеяла эти сомнения.

В Элфтенхолде, как и во всём мире, наступили смутные времена. Империя людей на севере росла и крепла. Гондерфелл на юге давил своей военной мощью. Догур тоже давал о себе знать. А тёмные эльфы, чьи земли лежали рядом с этими гигантами, могли либо стать разменной монетой в большой игре, либо... либо взять судьбу в свои руки.

Морвейн выбрала второе.

Она работала дни и ночи. Свитки, карты, расчёты, переговоры, интриги, шпионаж. Всё, что могло дать её народу преимущество. Всё, что могло превратить Элфтенхолд из лакомого куска в игрока, с которым считаются. И сегодня, в этот самый момент, когда она забежала в свой кабинет и рухнула в кресло, она знала — плоды её трудов созрели.

Кабинет был небольшим, но уютным. Стены, обшитые тёмным деревом, на котором искусные резчики изобразили сцены из истории тёмных эльфов — от прихода на остров до великой войны с людьми. Тяжёлые шторы из тёмно-синего бархата закрывали окна, не пропускавая дневной свет — глаза тёмных эльфов лучше видели в сумерках. Пол, выложенный плитами чёрного мрамора, был устлан толстым ковром, на котором едва слышались шаги.

В центре комнаты стоял стол. Массивный, из морёного дуба, заваленный свитками, книгами, письмами. Морвейн бросила на него очередную стопку — ту самую, с которой бежала по коридорам. Свитки развернулись, обнажая столбцы цифр, диаграммы, карты с пометками.

Она села в кресло — высокое, с резной спинкой, обитое бархатом. Несколько мгновений просто сидела, закрыв глаза, слушая, как бьётся сердце. Потом открыла их и перечитала всё заново.

Цифры сходились. Каждая строчка, каждый расчёт, каждая вероятность. Тёмные земли — их ресурсы, их войска, их союзники — были готовы к обоим развитиям событий. Если королевство тёмных эльфов решит провозгласить независимость от Элфтенхолда (а это был тот ещё клубок политических противоречий), они выстоят. Если же совет танов Тёмных земель решит свергнуть династию Экри, правящую уже тысячу лет, и установить избирательную власть, у них будет для этого достаточно сил.

— Я сделала это, — прошептала Морвейн. — Я действительно сделала это.

Она откинулась на спинку кресла, и на её губах расцвела улыбка. Не победная, не надменная — уставшая, счастливая, почти детская. Улыбка человека, который закончил самый трудный экзамен в своей жизни.

Дверь открылась бесшумно. Морвейн не слышала шагов — ковёр заглушал их, — но почувствовала присутствие. Тот, кто вошёл, был ей знаком с детства.

Тёмный эльф.

Крепкий, широкоплечий, с лицом, которое трудно было назвать красивым, но оно притягивало взгляд — волевое, мужественное, с лёгкой асимметрией, которая делала его живым, настоящим. Его одежды были чёрными, из плотной ткани, которая служила лёгкой бронёй — не такой тяжёлой, как латы, но достаточно прочной, чтобы выдержать удар меча. Поверх одежды был накинут плащ — тёмно-серый, почти сливающийся с тенями. На поясе, в простых, но дорогих ножнах, висел меч. Его рукоять украшал фиолетовый драгоценный камень в форме ромба — редкий, мифический артефакт, давно павшего Тёмного ордена.

Он был старше Морвейн. Намного старше. Не по человеческим меркам — для эльфов разница в полвека ничего не значит, — а по взгляду. В его глазах, таких же тёмных, как у неё, но с более глубокими тенями, читался опыт. Он видел войны, предательства, смерти. Он знал цену словам и цену молчанию. И он был единственным, кому Морвейн доверяла полностью.

— Ну что? — спросил он, закрывая за собой дверь.

Его голос был низким, спокойным, без тени волнения. Но Морвейн знала — внутри он так же напряжён, как и она. Просто умел это скрывать.

— Я сделала это! — Она вскочила с кресла, едва не опрокинув стопку свитков. — Это возможно!

— Что именно? — Он подошёл ближе, встал у стола, глядя на неё сверху вниз.

— Всё! — Морвейн заходила по кабинету, размахивая руками. — Тёмные земли готовы к обоим развитиям событий! Если мы захотим независимости — у нас есть ресурсы, союзники и план. Если Совет решит свергнуть Экри — у нас есть поддержка народа, армия и легитимность. Всё сошлось, папа! Все цифры, все расчёты, все вероятности! Мы сможем!

— Папа.

Это слово, тёплое, почти детское, прозвучало в кабинете, где обычно говорили о судьбах народов. Мужчина улыбнулся — впервые за долгое время. Его лицо, обычно суровое, непроницаемое, вдруг смягчилось, стало почти нежным.

— И когда ты всё успеваешь? — спросил он, и в его голосе слышалась гордость. Не та, показная, о которой говорят на публике, а настоящая — отцовская.

Морвейн подбежала к нему, обняла. Он был выше на голову, и она уткнулась лицом ему в грудь, чувствуя знакомый запах — кожа, металл, и ещё что-то, что всегда ассоциировалось у неё с домом.

— Ты даже не представляешь, сколько я не спала, — пробормотала она. — И сколько кофе выпила.

— Представляю, — он погладил её по голове. — Я видел свет в твоём окне. Все ночи.

— И не пришёл?

— Ты бы не оценила.

— Оценила бы. — Она отстранилась, посмотрела на него. — Ты всегда приходишь, когда нужно.

Он усмехнулся.

— Это моя работа.

— Твоя работа — быть моим отцом, — возразила Морвейн. — А не шпионить за мной по ночам.

— А если и то, и другое?

Она хотела ответить, но в дверь постучали. Три коротких удара — условный сигнал, означавший, что пришёл гонец.

— Войдите, — сказала Морвейн, мгновенно превращаясь из дочери в тана.

Гонец был молод — даже по человеческим меркам. Лет семнадцать, не больше. Его одежда была простой, даже бедной — серая куртка, кожаные штаны, высокие сапоги. На поясе — короткий меч, больше для вида, чем для дела. Лицо покраснело от быстрого бега, глаза горели.

— Тан Морвейн, — он склонил голову. — Послание из совета танов. Срочное.

Он протянул запечатанный свиток с тремя печатями — серебряной, золотой и чёрной. Печати совета. Такие ставили только на самых важных документах.

Морвейн взяла свиток, сломала печати. Пробежала глазами текст. Её лицо, ещё минуту назад сиявшее радостью, помрачнело.

— Что там? — спросил отец.

— Совет собирается через три дня, — ответила она, не поднимая глаз. — Вопрос о будущем Элфтенхолда. О нашем месте в этом мире. О... — она замолчала, потом дочитала. — О том, должны ли мы оставаться нейтральными или присоединиться к одной из сторон.

— К одной из сторон?

— Империя, Гондерфелл, Догур, Картель — все они ищут союзников. И все готовы платить. — Она отложила свиток. — Но цена может оказаться слишком высокой.

Отец подошёл к ней, взял за плечи.

— Ты готова?

— Я готова, — ответила Морвейн. — Мы готовы.

Гонец, всё это время стоявший у двери, кашлянул.

— Тан, мне велено ждать ответа.

— Ответа не будет, — сказала Морвейн. — Передай Совету, что я явлюсь лично. И приведу доказательства.

— Доказательства?

— Того, что тёмные эльфы больше не пешки в чужой игре.

Гонец поклонился и вышел.

Морвейн осталась с отцом. Они стояли у окна, глядя на Ихт — город, раскинувшийся внизу, на скалах, в лучах заходящего солнца. Чёрные дома, узкие улочки, высокие башни. Город, который был её домом. Город, который она должна была защитить.

— Папа, — сказала она тихо.

— Да?

— Мы справимся?

Он обнял её за плечи.

— Мы справимся. Потому что у нас нет выбора.

Солнце село. Тени сгустились. И в этом сумраке, на границе света и тьмы, тан Ихта и её отец готовились к битве, которая могла изменить всё.

История только начиналась.

Глава 1: Город под пеплом

Рассвет над Валдерфейном наступал не с первыми лучами солнца, а с первым ударом колокола на Башне Порядка. Его низкий, протяжный гул растекался над городом, проникая в каждый переулок, в каждую щель между камнями, в каждый ещё не проснувшийся разум. Это был не призыв к молитве и не сигнал тревоги. Это был пульс. Ритм, которому подчинялась столица Средне-Северной Империи.

Двенадцать лет.

Двенадцать лет прошло с той ночи, когда повстанцы Стоунстейта, ведомые своей Истинной Королевой, проникли в самое сердце Валдерфейна через канализацию. Двенадцать лет с тех пор, как клинок Вечного Императора оборвал жизнь Виталии в тронном зале Главного Чертога. Двенадцать лет с того момента, как «Замерзшая Кровать» с горсткой выживших растворилась в морском тумане, унося с собой последние искры мятежа.

Теперь об этом почти не вспоминали.

Валдерфейн не просто выжил. Он расцвел. Империя, рождённая девятнадцать лет назад из крови и стали, теперь казалась вечной и незыблемой, как сами горы, на склонах которых раскинулся город. Вечный Император, чьё имя произносили только шёпотом или в официальных речах, победным маршем прошёл по всему Стоунстейту. Города, ещё недавно поднимавшие белое знамя с чёрно-золотыми кирками, один за другим склоняли головы. Оргред, Флетледс, Риверстоун, Отривер — все они вновь стали частью Империи. Соппротивление, казавшееся таким яростным и непоколебимым, рассыпалось, как картонный домик под порывом ураганного ветра.

Теперь на улицах Валдерфейна не было слышно крамольных речей. Не было тайных сходов в подвалах. Не было листовок с призывами к свободе, которые когда-то расклеивали по ночам отчаянные юнцы. Всё это ушло в прошлое, ставшее почти легендарным — и почти забытым.

Город просыпался.

Первыми, как всегда, поднимались пекари. Ещё затемно в их печах загорался огонь, и вскоре над кварталом Ремесленников начинал виться сладковатый дым, пахнувший свежим хлебом, корицей и мёдом. Булочные Валдерфейна славились на всю Империю: здесь пекли хлеб из муки, привозимой с равнин Стоунстейта, добавляя в него специи из Дезертстейта и мёд с пасек Флеттенхолда. Огромные караваны с хрустящей корочкой, посыпанные кунжутом, выкладывали на деревянные лотки, и вскоре к дверям булочных начинали стекаться первые покупатели — служанки из богатых домов, подмастерья, спешащие на работу, стражники, сменившиеся с ночного дежурства.

Вслед за пекарями просыпались кузнецы. Их молоты начинали свой вечный ритмичный перестук, разносящийся по узким улочкам Железного Квартала. Здесь, в вечном полумраке и жаре, ковали всё: от подков и гвоздей до изящных решёток для окон и массивных ворот для городских усадеб. Но главной продукцией кузнецов Валдерфейна было оружие. Империя росла, и ей нужны были мечи, наконечники для копий, кольчуги и латы. Кузнецы работали без усталости, и их труд щедро оплачивался имперской казной.

Чуть позже открывались лавки ткачей, кожевников, ювелиров. Их витрины сверкали на солнце всеми цветами радуги: здесь были и простые льняные ткани, и драгоценный шёлк из Дезертстейта, и тончайшая кожа для перчаток и сапог, и серебряные украшения с самоцветами из горных копей Гиганттауна. Торговцы раскладывали товар, громко зазывая прохожих, и их голоса сливались в единый, живой гул.

Рыночная площадь Валдерфейна была сердцем города. Огромная, вымощенная светлым гранитом, она могла вместить тысячи людей. Здесь торговали всем, что только можно было представить: от экзотических фруктов, привозимых из южных провинций, до редких магических ингредиентов, добытых в подземельях гномов. Крестьяне из окрестных деревень привозили овощи, сыр, яйца и живность. Рыбаки с побережья — свежую рыбу, ещё трепещущую в корзинах с морской водой. Охотники — дичь, шкуры и рога. Всё это смешивалось в пёстрый, шумный, пахнущий жизнью водоворот.

И над всем этим — над рынком, над кварталами ремесленников, над узкими улочками и широкими проспектами — возвышался Главный Чертог Империи.

Он стоял в самом центре города, на вершине пологого холма, к которому со всех сторон сходились главные улицы. Огромное здание из чёрного базальта, лишённое внешних украшений, но подавляющее своей монументальностью. Его стены, казалось, впитывали свет, а колонны, поддерживающие массивный портик, были так широки, что десять человек, взявшись за руки, не смогли бы обхватить одну из них. Внутрь вели высокие бронзовые двери, всегда закрытые для простых смертных. Лишь высшие чины Империи, легаты и приближённые Императора имели право входить туда.

Горожане редко смотрели на Чертог. Не потому, что боялись — хотя и боялись тоже. Скорее, они просто привыкли к его присутствию, как привыкают к горе на горизонте или к течению реки. Чертог был. Он был всегда. И этого было достаточно.

Но те, кто обладал магическим даром, чувствовали иное.

Маги, проходя мимо Чертога, невольно ускоряли шаг. Они ощущали его — ауру Вечного Императора. Не злую, не угрожающую, но... подавляющую. Она давила на сознание, как низкое грозовое небо, заставляя внутренне сжиматься. Это было присутствие существа, чья мощь настолько превосходила человеческую, что даже осознавать её было почти невыносимо. Говорили, что сам Император редко покидает Чертог. Он предпочитал уединение, и лишь изредка его видели на балконе — высокую, закованную в чёрные латы фигуру, неподвижную, как изваяние, с рогатым шлемом, скрывающим лицо, и алым плащом, развевающимся на ветру.

Никто не знал, о чём он думает, глядя на свой город. Никто не осмеливался спросить.

Валдерфейн не был похож на другие города острова. Он был построен не для уюта, не для торговли, не для обороны. Он был построен как символ. Символ единства, порядка и незыблемости Империи.

Его архитектура была строгой и геометричной. Широкие, прямые улицы пересекались под идеально прямыми углами, образуя ровную сетку кварталов. Дома, сложенные из светлого гранита, добытого в каменоломнях Стоунстейта, были почти одинаковыми: два или три этажа, высокие окна с частыми переплётами, покатые крыши из серой черепицы. Никаких ярких красок, никаких излишеств. Только строгость, функциональность и порядок.

На перекрёстках стояли статуи. Не королей и героев прошлого, как в других столицах, а абстрактных понятий. Вот Прогресс — высокая женская фигура с факелом в одной руке и раскрытой книгой в другой. Вот Порядок — суровый муж в доспехах, сжимающий меч и весы. Вот Единство — три фигуры, стоящие плечом к плечу и держащие общий щит. Все статуи были высечены из того же светлого гранита и отполированы до блеска. Они были прекрасны и холодны, как сама идея, которую воплощали.

Вдоль улиц тянулись акведуки, по которым в город поступала чистейшая вода с горных родников. Под землёй, скрытая от глаз, работала сложная система канализации — гордость имперских инженеров. В Валдерфейне не было зловония, обычного для больших городов. Воздух был чистым, лишь с лёгкой примесью дыма из кузнечных кварталов.

Порядок поддерживался не только архитектурой, но и стражей. Имперские легионеры патрулировали улицы круглосуточно. Они были одеты в одинаковые доспехи из воронёной стали, с алыми плащами и шлемами, украшенными гребнями из конского волоса. Их лица

были бесстрастны, движения — чётки и выверены. Они не вступали в разговоры с горожанами, не улыбались, не проявляли эмоций. Они были воплощением закона — безличного, неумолимого и вездесущего.

Преступность в Валдерфейне была почти искоренена. Кражи, грабежи, убийства — всё это случалось крайне редко, и каждый такой случай расследовался с неумолимой тщательностью. Наказания были суровы и публичны. Раз в неделю на центральной площади проводились суды, и приговоры приводились в исполнение немедленно. Толпа собиралась поглазеть на это зрелище, но в её взглядах не было ни радости, ни сочувствия — лишь привычное, тупое принятие порядка вещей.

И всё же, несмотря на всю эту строгость, в городе чувствовалась жизнь. Не радостная, не бурлящая, но спокойная, уверенная, предсказуемая. Люди знали свои места, свои обязанности, свои права. Они знали, что завтра будет таким же, как сегодня, а послезавтра — таким же, как завтра. В этой предсказуемости была своя, особая форма счастья. Счастье тех, кто отказался от вопросов и принял ответы, данные свыше.

На южной окраине Валдерфейна, там, где городские кварталы уступали место пологим холмам и редким рощицам, раскинулся комплекс зданий, разительно отличавшийся от остальной столицы. Это была Коллегия Свободного Изучения Магической Природы — СИМП.

Если остальной Валдерфейн был воплощением порядка и единообразия, то Коллегия казалась островком хаотичной, бурлящей жизни. Её здания, построенные в разное время, лепились друг к другу, соединяясь переходами, мостиками и галереями. Здесь были и старые башни из тёмного базальта, помнившие ещё первые годы Империи, и более новые корпуса из светлого гранита, и совсем уж необычные строения — например, обсерватория с вращающимся куполом из меди и стекла, или оранжерея, где под огромным прозрачным колпаком выращивались редкие магические растения.

После падения старой Коллегии — той самой, что веками стояла на скалистом плато Флеттенхолда как символ независимого знания, — от СИМП не осталось ничего. Генерал Авес Дорлинг, командующий силами вторжения Гондерфелла, лично провёл древний догурский ритуал на выжженной равнине перед осаждёнными башнями. С неба упал не огненный метеор — рухнул сам кусок небесной тверди, гигантский валун тёмного камня, окутанный расплавленной породой и сжатой магической энергией. Он ударил прямо в сердце Коллегии. Ни башен, ни стен, ни библиотек — только дымящаяся воронка и груда щебня. Сотни магов, оставшихся внутри, погибли в одно мгновение.

Маромал, которому тогда едва исполнилось двадцать один, выжил лишь потому, что с двумя десятками учеников и учителей находился в лесу, в полутора часах ходьбы от Коллегии, — они собирали грибы, чтобы не умереть с голоду. Вернувшись, они увидели только пепел.

Именно тогда Маромал принял решение идти в Стоунстейт — не к Императору, а к повстанцам, к Гриду и Виталии. Но судьба распорядилась иначе. После разгрома восстания и гибели Виталии он, последний из трио, стоял перед Вечным Императором — не как пленник, а как проситель. И Император, вопреки всему, что о нём говорили, выслушал.

Он помнил старую СИМП. Он ценил её библиотеку — единственное место на острове, где хранились знания, не искажённые политикой и лестью придворных писцов. Он выделил средства. Не из милости — из холодного, прагматичного уважения к знанию. Под новую Коллегию отдали здание бывшей строительной конторы — просторное, добротное, но, конечно, не сравнимое с прежними белоснежными башнями. Строители переехали на пустовавший второй уровень Главного Чертога.

Так СИМП возродилась в Валдерфейне. Не как независимый оплот магии, а как часть Империи — на полном финансировании из казны, но с одним неписаным условием: в час угрозы боевые маги Коллегии встанут на защиту городских стен. Многие шептались, что

СИМП предала свои идеалы, променяв вековую политическую отрешённость на государственный кошт. Но эти голоса быстро затихали. Иначе было не выжить.

Теперь, двенадцать лет спустя, Коллегия разрослась до масштабов, сопоставимых с прежними. Огромная башня факультета зачарования, зал призыва элементарей, отдельные аудитории для каждой школы стихии и прикладной магии — всё это было отстроено заново, на имперские деньги. Библиотека, хоть и восстановленная лишь частично, уже сейчас считалась лучшей на острове. Император, питавший к ней особую слабость, часто присылал гонцов за книгами и всегда возвращал взятое — он был человеком слова.

Учеников теперь отбирали иначе. Не всех, в ком теплилась хоть искра дара, а только самых одарённых. Не хватало ни средств, ни мастеров, чтобы учить всех без разбора. Коллегия всё ещё стояла на коленях — но уже распрямляла спину. А Маромал, глядя на то, как его дом медленно, но верно обретает былое величие под крылом Империи, всё реже вспоминал о старой мечте вернуть СИМП её нейтралитет. Он остыл к этой мысли. Но пока никому об этом не говорил.

Теперь в СИМП обучались сотни студентов со всех провинций Империи. Люди, эльфы, полукровки, даже несколько орков и гномов — все, в ком была искра магического дара, могли претендовать на место в Коллегии. Разумеется, после тщательной проверки на благонадёжность. Имперские чиновники внимательно следили за тем, чтобы в стенах СИМП не зрели крамольные идеи. Преподаватели, получавшие щедрое жалование из казны, благоразумно избегали политических тем, сосредотачиваясь на чистой науке.

И наука эта цвела пышным цветом.

В лабораториях Коллегии кипела работа. Алхимики в защитных очках и кожаных фартуках склонялись над ретортами и перегонными кубами, синтезируя новые зелья и эликсиры. Маги-стихийники тренировались на специальных полигонах, вызывая огненные вихри, водяные смерчи и каменные глыбы. Артефакторы работали с драгоценными металлами и кристаллами, создавая амулеты, посохи и защитные талисманы. Теоретики корпели над древними манускриптами, пытаясь расшифровать забытые заклинания и постичь природу магии.

Библиотека СИМП была гордостью Коллегии. Огромный зал с высоченными стеллажами, уходящими под самый потолок, вмещал десятки тысяч томов. Здесь были книги по всем мыслимым разделам магии: от элементарных учебников для новичков до запретных гримуаров, доступ к которым имели лишь высшие магистры. Вдоль стен стояли лестницы на колёсиках, и библиотекари, похожие на бесшумных призраков, скользили по ним, доставая нужные фолианты. Воздух в библиотеке был особым — сухим, пахнущим старой бумагой, кожей переплётов и лёгким, едва уловимым запахом магии, пропитавшей эти стены за долгие годы.

В главном холле Коллегии, куда выходили двери всех основных корпусов, всегда было многолюдно. Студенты сновали туда-сюда с охапками книг и свитков, собирались в группки, обсуждая лекции и предстоящие экзамены, спорили о теории магии или просто болтали, сидя на каменных скамьях. Их мантии — серые у новичков, синие у старших, зелёные у специализирующихся на природной магии, красные у боевых магов — мелькали повсюду, создавая пёструю, живую картину.

И всё же, несмотря на всё это оживление, в Коллегии чувствовалась какая-то... приглушённость. словно невидимая рука сдерживала её обитателей, не давая им развернуться в полную силу. Студенты смеялись, но их смех был негромким. Они спорили, но их голоса не повышались до крика. Они учились, но их рвение было лишено того безумного, всепоглощающего огня, что горел в глазах учёных прошлых эпох. Они были осторожны. Они знали, что за ними наблюдают. И они не хотели привлекать к себе лишнего внимания.

Высоко над суетой Коллегии, над её башнями и переходами, над библиотекой и лабораториями, возвышалась Обсерватория. Она была построена на самой вершине старой базаль-

товой башни — самой высокой точке СИМП. Её медный купол, позеленевший от времени, медленно вращался, следуя за движением небесных светил. Внутри, в прохладном полумраке, среди сложных механизмов из шестерёнок и линз, среди астробий и звёздных карт, проводил свои дни и ночи Маромал.

Двенадцать лет изменили его.

Он больше не был тем угловатым, вечно сомневающимся юнцом, что когда-то бежал из дома с Гридом и Витой, мечтая о великих открытиях. Теперь это был мужчина в расцвете лет — высокий, худощавый, с резкими, обострившимися чертами лица. Его волосы, когда-то тёмно-русые, теперь были тронуты ранней сединой на висках. Глаза, некогда горевшие любопытством и надеждой, стали глубокими и тёмными, как колодцы, в которых отражалось только небо — бескрайнее, холодное, равнодушное.

Он носил простую серую мантию без знаков отличия — одежду, которую в Коллегии выдавали самым младшим студентам. Не потому, что не заслужил более высокого ранга. Напротив, его дар, его уникальная звёздная магия, ставила его выше большинства магистров. Но Маромалу было всё равно на звания и регалии. Он отказался от них так же легко, как отказывался от приглашений на советы, от предложений возглавить кафедру, от попыток коллег вовлечь его в свои исследования.

Он стал отшельником в самом сердце Коллегии.

Его мир сузился до стен Обсерватории. Здесь, среди карт звёздного неба и расчётов движения планет, он искал ответы. Ответы на вопросы, которые мучили его с той самой ночи, когда он впервые вызвал крошечную золотую звезду между ладоней. Что это за сила? Откуда она приходит? Почему она не подчиняется ни одному из известных законов магии?

Он перечитал сотни книг. Он изучил все труды по астрономии, астрологии, космогонии и теории магии, какие только нашлись в библиотеке СИМП. Он проводил долгие часы у телескопа, наблюдая за движением звёзд, пытаясь уловить связь между их светом и своей силой. Он ставил эксперименты — осторожно, боясь повторить ту вспышку, что убила бандитов в пещере, боясь причинить вред невинным.

Всё было тщетно.

Звёздная магия оставалась для него загадкой. Она приходила, когда хотела, и уходила, когда ей вздумается. Он мог вызывать её — теперь уже без труда, — но не мог понять её природу. Она была как дикий зверь, который позволяет себя гладить, но в любой момент может укусить. И Маромал чувствовал: в этой силе есть что-то ещё. Что-то, скрытое глубоко внутри, за гранью его понимания. Что-то... чужое.

Сегодня, как и всегда, он сидел за своим рабочим столом — массивной каменной плитой, заваленной свитками, чертежами и исписанными мелким почерком листами пергамента. Перед ним лежала раскрытая книга — древний трактат по астрономии, написанный каким-то давно забытым учёным из Дезертстейта. Маромал водил пальцем по строкам, но его мысли были далеко.

Он думал о прошлом.

О Гриде. О Виталии. О той ночи, когда всё рухнуло.

Он помнил, как стоял в доме у озера, прижатый к стене, и смотрел в глаза Виты, полные ярости и решимости. Он помнил, как Грид вошёл в дверь и увидел их — своего лучшего друга и свою возлюбленную, застывших в смертельном противостоянии. Он помнил, как Грид выбрал её.

«Прости меня, Мар... но ей я верю больше».

Эти слова до сих пор жгли его изнутри, как раскалённое железо. Не потому, что Грид ошибался. Нет, Грид был прав. Вита не нападала первой. Это он, Маромал, поддался ярости и выпустил звезду. Он едва не убил её. И Грид, увидев правду, сделал единственно возможный выбор.

Но от этого было не легче.

Маромал потерял всё. Он потерял друга, который был ему ближе брата. Он потерял мечту, которая вела его вперёд. Он остался один — со своей силой, которую не понимал, и со своей виной, которую не мог искупить.

Он слышал, что Грид и Виталия погибли. Не в ту ночь, нет. Позже, когда Вечный Император разгромил повстанцев. Говорили, что Виталия пала в тронном зале от руки самого Императора. Говорили, что Грид, обезумев от горя, бросился на него и был убит. Никто не знал точно. Но Маромал чувствовал — их больше нет. Связь, которая когда-то соединяла их троих, оборвалась навсегда.

Он остался последним.

Он тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли, и снова склонился над книгой. Сейчас не время для воспоминаний. Сейчас время для работы. Он должен понять. Должен разгадать тайну звёздной магии. Это единственное, что у него осталось.

Он перевернул страницу и замер.

На пожелтевшем пергаменте был изображён сложный астрономический чертёж — схема движения небесных сфер, испещрённая непонятными символами. Но внимание Маромала привлекла не сама схема, а короткая запись на полях, сделанная мелким, убористым почерком. Чернила выцвели, и прочесть её было почти невозможно. Маромал поднёс книгу ближе к свету масляной лампы, напрягая зрение.

«...ибо звёзды — не огни в небесной тверди, но врата. И тот, кто откроет их, впустит в мир то, что спало от начала времён».

Маромал почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он перечитал строку ещё раз, потом ещё. Что это значит? Какие врата? Что за существа спят от начала времён? И почему эта запись, сделанная, судя по всему, много веков назад, так пугающе перекликается с его собственными ощущениями от звёздной магии?

Он захлопнул книгу и откинулся на спинку стула, тяжело дыша. Его сердце колотилось где-то в горле. Впервые за долгие годы он почувствовал не просто любопытство или разочарование. Он почувствовал страх. Страх перед тем, что он, возможно, уже открыл эти врата — сам того не зная.

День в Валдерфейне клонился к закату. Солнце, огромное и багровое, медленно опускалось за горизонт, окрашивая светлый гранит зданий в тёплые розоватые тона. Тени удлинялись, выползая из переулков и подворотен, словно живые существа, ждущие своего часа.

Рынок пустел. Торговцы сворачивали свои лотки, убирали товар в заплечные мешки и тележки. Последние покупатели, запоздавшие служанки и подмастерья, спешили по домам, прижимая к груди свёртки с покупками. Шум стихал, уступая место вечерней тишине.

В квартале Ремесленников гасли огни в кузницах. Молоты замолкали один за другим, и над улицами повисал тяжёлый, горячий воздух, пропитанный запахом остывающего металла и угля. Кузнецы, усталые и пропотевшие, выходили на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха, перекинуться парой слов с соседями и неспешно направиться в таверны — промочить горло кружкой-другой эля.

Таверны Валдерфейна были особым миром. Здесь, в полумраке, под низкими закопчёнными потолками, собирались те, кто хотел на время забыть о строгости имперского порядка. Здесь пили, ели, играли в кости, слушали бродячих музыкантов и рассказывали истории. Истории о прошлом — о войнах, о героях, о чудесах. Истории, которые днём, на залитых солнцем улицах, рассказывать было не принято.

В одной из таких таверн, носившей название «Три монеты», в этот вечер было особеннолюдно. Старый трактирщик, толстый и лысый, сновал между столами, разнося кружки с пенным элем и тарелки с жареным мясом. В углу, на небольшом возвышении, сидел седой бард

с потрёпанной лютней. Он перебирал струны, наигрывая простую, печальную мелодию, и его тихий голос разносился по залу:

«Давным-давно, в мире необъятном и далёком,
Где звёзды падали в ладони, как роса,
Жил воин, что искал отца в краю жестоком,
И верил, что его услышат небеса...»

Посетители слушали, не прерывая своих разговоров. Кто-то вполуха, кто-то — задумавшись о своём. История, которую пел бард, была старой, почти забытой. Но что-то в ней цепляло, заставляло сердца биться чуть быстрее. Может, отголоски прошлого, которое, казалось, ушло навсегда, но всё ещё жило в этих песнях, в этих тенях, в этих душах, уставших от порядка.

А высоко над городом, в своей Обсерватории, Маромал всё ещё сидел над раскрытой книгой, вглядываясь в пожелтевшие строки. Он не слышал песни барда. Он не видел, как гаснут последние огни в окнах домов. Он не чувствовал, как ночной ветер, холодный и колкий, задувает в щели под куполом.

Он видел только звёзды. И слышал только их молчаливый, пугающий зов.

Где-то далеко, за морем, за горами, за пределами этого упорядоченного, предсказуемого мира, пробуждалось то, что спало от начала времён. И тонкая нить, соединяющая его с этим миром, проходила через сердце человека, который когда-то мечтал о великих открытиях, но не знал, какую цену за них придётся заплатить.

Ночь опустилась на Валдерфейн.

Город спал, но сон его был тревожен.

Глава 2: Наследник поневоле

Солнце ещё не поднялось над шпилями Главного Чертога, а Артус Вейл уже не спал. Впрочем, «не спал» — не совсем точное слово. Он лежал на огромной кровати, застеленной шёлковыми простынями, и лениво разглядывал потолок, расписанный сценами из имперской мифологии. Рядом, разметав по подушке золотистые волосы, спала девушка. Он даже не помнил её имени. Кажется, Марта? Или Мира? Что-то на «М». Вчера вечером это казалось неважным, а сегодня — тем более.

Он потянулся, чувствуя, как приятно ноют мышцы после бурной ночи. Двадцать два года — прекрасный возраст. Всё ещё молод, но уже не мальчик. Тело слушается, голова варит, а женщины... женщины сходят с ума от одного его взгляда. И правильно делают.

— Просыпайся, — сказал он, легонько толкнув девушку в плечо. — Тебе пора.

Она что-то пробормотала, перевернулась на другой бок. Артус вздохнул, взял с прикроватного столика небольшой колокольчик и позвонил. Через несколько секунд в дверях появился слуга — вышколенный, бесшумный, с лицом, лишённым всякого выражения.

— Проводи гостью, — распорядился Артус. — И проследи, чтобы ей дали что-нибудь на завтрак. И... — он сделал паузу, изображая заботу, — положи ей в сумочку пару золотых. За беспокойство.

Слуга кивнул. Девушка, окончательно проснувшись, села на кровати, придерживая простыню у груди. В её глазах мелькнула обида — она явно ожидала, что её оставят хотя бы до полудня, а может, и навсегда. Артус улыбнулся ей — обворожительно, тепло, так, как умел только он.

— Прости, милая, дела. Сама понимаешь — город не ждёт.

Она кивнула, попыталась улыбнуться в ответ, но получилось жалко. Артус уже не смотрел на неё. Он встал, накинул халат и направился в ванную. Вода была горячей — слуги знали, что он любит. Он погрузился в мраморную купель, закрыл глаза и позволил себе несколько минут абсолютного, ничем не омрачённого удовольствия.

Жизнь была прекрасна.

Он вспомнил отца. Кассиус Вейл всегда был таким... напряжённым. Вечно носился со своими картами, отчётами, налогами. Вечно волновался, что что-то пойдёт не так. И что в итоге? Умер. А он, Артус, жив. И не просто жив — процветает. У него есть власть, деньги, женщины. Всё, о чём только можно мечтать.

И за это он был благодарен. Не богам, не судьбе — палачам, которые увели его отца в тот день. Если бы не они, он так и остался бы сыном управителя — вторым человеком в семье, вечно в тени отца. А теперь он сам — управитель. И никого над ним, кроме Императора. А Император... Император далеко. И ему, по большому счёту, плевать на то, как Артус проводит свои дни, лишь бы город функционировал.

А город функционировал. Худо-бедно, но функционировал.

Он вылез из купели, вытерся мягчайшим полотенцем и подошёл к гардеробу. Сегодня он выбрал костюм из тёмно-зелёного бархата с золотым шитьём — вызывающе, дорого, кричаще. Именно то, что нужно. Пусть все видят: управитель Валдерфейна молод, богат и ни в чём себе не отказывает.

Он оделся, поправил манжеты, бросил последний взгляд в зеркало. Оттуда на него смотрел молодой человек с красивым, немного надменным лицом, с глазами, в которых плясали чёртики, и улыбкой, от которой таяли даже самые неприступные дамы. Артус Вейл. Двадцать два года. Управитель величайшего города Империи. Хозяин жизни.

Он вышел из спальни, насвистывая модную песенку.

В коридоре его ждал Орест. Старый секретарь, служивший ещё его отцу, стоял с неизменной папкой в руках и выражением вечной озабоченности на лице. Артус иногда думал, что Орест родился с этим выражением — оно было такой же частью его облика, как седые волосы и сутулые плечи.

— Доброе утро, господин, — Орест склонил голову. — Расписание на сегодня.

— Валяй, — Артус махнул рукой, направляясь в сторону малой столовой. Он привык завтракать, слушая доклады. Это экономило время.

— В девять — приём просителей. В одиннадцать — встреча с представителями гильдий. В час — обед с легатом Северного гарнизона. В три — совет по городскому бюджету. В пять — аудиенция у Его Величества.

Артус скривился.

— Аудиенция? Опять? Мы же виделись в прошлом месяце.

— Его Величество желает лично заслушать отчёт о состоянии города.

— Его Величество мог бы просто прочитать отчёт, — проворчал Артус, усаживаясь за стол. — Я ему каждый месяц отправляю. Там всё написано.

Орест промолчал. Он давно усвоил: когда управитель жалуется на Императора, лучше делать вид, что ты ничего не слышишь.

Артус принялся за завтрак. Яйца пашот, поджаренный хлеб, тонкие ломтики ветчины, свежие фрукты, графин с лёгким белым вином. Он ел с аппетитом, не обращая внимания на Ореста, который терпеливо стоял у двери.

— Что там с просителями? — спросил он, прожёвывая. — Много?

— Двенадцать человек, господин.

— Двенадцать? — Артус поморщился. — Сократи до шести. Остальных — к помощникам. У меня нет времени на каждого.

— Но, господин, среди них есть важные...

— Важные — это те, кто может быть полезен мне, — перебил Артус. — Остальные — неважные. Разберись.

Орест вздохнул, но кивнул. Он привык. Кассиус Вейл, отец нынешнего управителя, лично выслушивал каждого просителя, каким бы незначительным ни было его дело. Артус

Вейл считал это пустой тратой времени. И, честно говоря, был по-своему прав: город от этого не рушился. Налоги собирались, стены стояли, канализация работала. А что ещё нужно?

После завтрака Артус отправился в кабинет. Приём просителей он провёл быстро, почти не вслушиваясь. Купцу, у которого сгорел склад, подписал отсрочку по налогам — не потому что проникся, а потому что мёртвый купец налогов не платит, а живой, глядишь, и расплатится. Ремесленника с мутным делом о краже отправил к судье — пусть там разбираются. Молодому пекарю разрешил открыть лавку — почему нет? Женщине, ищущей пропавшего мужа, пообещал помочь и тут же забыл о ней.

Встреча с гильдиями прошла по обычному сценарию. Они просили снизить пошлины, он обещал подумать. Они жаловались на конкуренцию, он сочувственно кивал. В итоге ничего не решили, но все разошлись довольные — гильдии чувствовали, что их услышали, а Артус не взял на себя никаких обязательств. Идеально.

Обед с легатом был скучен до зевоты. Старый вояка говорил только о новых осадных орудиях, стенах и нехватке людей. Артус ел, кивал, думал о том, как проведёт вечер. У него была на примете одна рыженькая из портового квартала — говорят, очень горячая штучка.

Совет по бюджету он провёл, почти не глядя в бумаги. Казначей бубнил о расходах, доходах, дефиците. Артус слушал вполуха, а когда казначей закончил, сказал:

— Делай, что считаешь нужным. Только без фанатизма. Налоги не повышать — люди и так злые. Сократи что-нибудь, но так, чтобы никто не заметил.

— Но, господин...

— Ты меня понял, — Артус встал, давая понять, что разговор окончен.

Казначей ушёл, качая головой. Артус откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Как же легко быть управителем, когда не принимаешь всё близко к сердцу. Отец вечно переживал, не спал ночами, высчитывал каждый грош. И что? Город стоял. Сейчас город тоже стоит. Разница только в том, что Артус спит по ночам спокойно. И, надо сказать, это гораздо приятнее.

Аудиенция у Императора была единственным, что действительно выбивало Артуса из колеи. Не потому, что он боялся — он давно перестал бояться кого бы то ни было. А потому, что в присутствии Императора всё его обаяние, вся его уверенность, вся его позолота куда-то исчезали. Оставался только голый факт: он — никто. А Император — всё.

Коридоры Главного Чертога были пусты. Артус шёл, и его шаги гулко отдавались от стен. Он ненавидел этот этаж. Слишком много воспоминаний. Слишком много теней прошлого, которые он предпочёл бы забыть.

Но сегодня он был спокоен. Он подготовился. Выучил цифры, которые мог спросить Император. Придумал ответы на возможные вопросы. Он был готов.

Тронный зал встретил его привычной пустотой и холодом. Император сидел на своём obsidianовом троне, в чёрных латах, с рогатым шлемом, из прорезей которого тлели красные точки. На коленях лежал меч с красными узорами. Он не читал сегодня — просто ждал.

Артус подошёл, склонил голову.

— Ваше Величество.

— Артус, — голос Императора был низким, тяжёлым. — Докладывай.

Артус начал. Он говорил чётко, уверенно, называл цифры, описывал ситуацию. Император слушал, не перебивая. Когда Артус закончил, повисла долгая пауза.

— Ты справляешься, — сказал наконец Император.

— Благодарю, Ваше Величество.

— Не благодари. Я говорю то, что вижу. Твой отец справлялся лучше. Но ты... ты справляешься по-своему.

Артус чуть заметно усмехнулся. «По-своему» — это точно. Отец вкладывал в город душу. Артус вкладывал ровно столько, чтобы город не рухнул, а у него оставалось время на удовольствия. И это работало.

— Есть что-то ещё? — спросил Император.

— Нет, Ваше Величество.

— Тогда иди. У тебя много дел.

Артус поклонился и вышел. В коридоре он позволил себе выдохнуть. Всё прошло гладко. Император, кажется, доволен. Или, по крайней мере, не раздражён. А это главное.

Он вернулся в свои покои, переоделся в более свободный костюм и вызвал слугу.

— Сегодня вечером я ужинаю в городе, — сказал он. — В «Золотой розе». Закажи столик. И передай... — он сделал паузу, вспоминая имя, — Лилии, что я жду её.

Слуга кивнул и исчез. Артус посмотрел на себя в зеркало, улыбнулся. Жизнь была прекрасна. И он намеревался взять от неё всё.

«Золотая роза» была лучшим заведением Валдерфейна. Не таверной, не трактиром — рестораном для избранных. Здесь подавали устриц с побережья, вина из южных провинций, десерты, от которых текли слюнки. Здесь играла живая музыка, и дамы блистали драгоценностями, а господа — остроумием.

Артус вошёл, как всегда, чуть позже назначенного времени — он любил, чтобы его ждали. Лилия уже сидела за столиком, нервно теребя край платья. Она была хороша — светлые волосы, огромные зелёные глаза, фигура, от которой захватывало дух. Артус познакомился с ней неделю назад на приёме у одного из гильдейских старшин и сразу понял: эта будет его.

— Прости, задержали дела, — сказал он, усаживаясь напротив. — Ты, как всегда, ослепительна.

Лилия расцвела. Артус улыбнулся. Он знал, что говорить, как говорить, когда улыбнуться, когда прикоснуться к руке. Это было его искусство. И он владел им в совершенстве.

Вечер прошёл великолепно. Устрицы, вино, смех, намёки, обещания. Когда они вышли из «Золотой розы», луна уже стояла высоко. Артус подал Лилии руку, помогая сесть в экипаж.

— Ко мне? — спросил он с той самой улыбкой, от которой у дам подкашивались ноги.

Она кивнула, краснея.

Экипаж тронулся. Артус откинулся на сиденье, глядя на проплывающий мимо ночной Валдерфейн. Город был прекрасен. Город был его. И он наслаждался этим каждую секунду своей жизни.

Он не думал об отце. О матери. О сестре, которая где-то там, в темнице, возможно, всё ещё жива. Зачем? Прошлое умерло. А он жив. И он будет жить так, как хочет.

Долго, вкусно и без оглядки.

Утром Артус проснулся в отличном настроении. Лилия ещё спала, разметав волосы по подушке. Он посмотрел на неё, улыбнулся и позвонил слуге.

— Завтрак на двоих, — распорядился он. — И приготовь ванну для дамы. Когда проснётся.

Он уже предвкушал, как проведёт этот день. Может, прокатиться за город, к озеру? Или навестить ипподром — говорят, привезли новых лошадей из Дезертстейта.

В дверь постучали. Вошёл Орест. Его лицо было ещё более озабоченным, чем обычно.

— Господин, там посетитель. Он не записан, но настаивает на встрече.

— Кто?

— Он не назвал имени. Сказал только, что знал вашего отца.

Артус поморщился. Опять. Каждый год кто-нибудь приходит с этими словами. «Я знал вашего отца». «Ваш отец был великим человеком». «Я хочу отдать вам долг памяти». Скучно. Предсказуемо. Бесполезно.

— Гони в шею, — сказал он. — У меня нет времени на ностальгию.

— Но, господин...

— Орест, — Артус посмотрел на секретаря с лёгким раздражением. — Ты меня слышал. Гони. В шею.

Орест вздохнул, кивнул и вышел.

Артус откинулся на подушки. Отец. Все они говорят об отце так, будто это был святой. А он был просто человеком. Человеком, который умер. А мёртвые — они в прошлом. Артус жил настоящим. И будущим — своим будущим, полным удовольствий, власти и свободы.

Он не жалел о смерти отца. Если бы не она, он бы до сих пор был никем. Вторым, сыном, вечно в тени. А теперь он — управитель. Хозяин. И он благодарен тем, кто убрал Кассиуса Вейла с его пути.

— Спасибо вам, палачи, — прошептал он, глядя в потолок. — Вы дали мне всё.

Лилия пошевелилась во сне, что-то пробормотала. Артус улыбнулся, провёл рукой по её волосам.

Жизнь была прекрасна.

И он не собирался тратить её на пустые сожаления.

Глава 3: Лёд и молчание

Холодный ветер гулял по заснеженным склонам Нордленда, завывая в кронах вековых сосен и вздымая облака колючей снежной пыли. Небо над горами было серым, тяжёлым, обещающим новый снегопад. В такой день даже звери прятались в норы, а люди предпочитали сидеть у очагов, потягивая горячий сбитень. Но Оливия не могла позволить себе такой роскоши.

Она была привязана к дереву.

Верёвки, грубые, пропитанные дёгтем, впивались в запястья, стянутые за спиной вокруг толстого ствола старой сосны. Ноги тоже были связаны — в лодыжках, так что она не могла даже пошевеливаться. Холод пробирал до костей, несмотря на тёплую одежду: меховую куртку, подбитую овчиной, под которой угадывалась лёгкая стальная броня — нагрудник из нескольких пластин, искусно подогнанных друг к другу, и такие же наплечники, не стеснявшие движений, но способные выдержать удар меча. Плотные штаны были заправлены в высокие сапоги с прочной стальной оковкой на голенищах и носках, а руки защищали перчатки с металлическими вставками на костяшках — сейчас, впрочем, стянутые верёвками и бесполезные. Она провела здесь уже несколько часов и начинала терять чувствительность в пальцах.

Но холод был не самой большой её проблемой.

Перед ней, расположившись полукругом, стояли трое. Головорезы. Наёмники. Те, кому Драконий культ заплатил за её голову. Они не торопились. Им было весело.

Первый — здоровенный детина с бычьей шеей и маленькими, заплывшими жиром глазами. Его звали Гурт, и он был главным. В руках он держал нож — длинный, с зазубренным лезвием, которым он лениво поигрывал, то и дело проводя пальцем по кромке.

Второй — тощий, вертлявый, с крысиным лицом и бегающими глазами. Он постоянно облизывал губы и хихикал, когда Гурт отпускал свои шуточки. Его звали Скиннер, и он был специалистом по «убеждению». В его сумке лежали инструменты, о которых Оливия старалась не думать.

Третий — молчаливый, мрачный, с лицом, изрезанным шрамами, и пустыми глазами убийцы. Он просто стоял, скрестив руки на груди, и ждал. Его звали Ржавый — из-за цвета его доспеха, старого, видавшего виды, но всё ещё крепкого. Он был здесь для того, чтобы она не сбежала. Не то чтобы у неё был шанс.

— Ну что, красавица, — протянул Гурт, присаживаясь на корточки перед ней, — надумала? Может, поклянёшься, что забудешь про свой дурацкий поход? Скажешь: «Всё, Гурт, я одумалась, не буду больше совать нос в дела Драконьего культа», — и, глядишь, умрёшь быстро. Без мучений.

Оливия молчала.

Она смотрела на него своими большими, серо-голубыми глазами — прозрачными, как вода в горном озере, — и в этом взгляде не было ни страха, ни мольбы. Только холод. Тот самый холод, который она научилась носить в себе за эти двенадцать лет.

Гурт поморщился. Ему не нравился этот взгляд. Он привык, чтобы его боялись. А эта девка смотрела так, будто это он был привязан к дереву, а не она.

— Молчишь? — он усмехнулся, показывая гнилые зубы. — Ну-ну. Культ заплатил нам, чтобы ты навсегда забыла дорогу к их тайнам. Либо ты сама откажешься от своей охоты — прямо здесь, при свидетелях, — либо Скиннер тебе поможет. Он у нас мастер убеждения. Пальчик за пальчиком, и ты не то что про культ — про собственное имя забудешь. Правда, Скиннер?

Тощий захихикал, потирая руки.

— Правда, босс. У меня и инструменты с собой. Остренькие. А если одного раза мало будет — у нас времени много. Всё равно никто сюда не ходит.

Он полез в свою сумку, и Оливия услышала металлический звон. Её сердце пропустило удар, но она не позволила страху отразиться на лице. Отказаться? От того, ради чего она жила последние годы? От мести за Алвулсема? От единственной цели, которая придавала смысл её существованию? Нет. Никогда.

Двенадцать лет. Двенадцать лет она училась контролировать свой дар — и свои эмоции. Лёд был её сутью. Холод был её щитом. И даже сейчас, привязанная к дереву, беспомощная, она не собиралась сдаваться.

Гурт поднялся, потеряв интерес к её молчанию.

— Ладно, — сказал он, — начнём. Скиннер, покажи даме, что мы не шутим. Пальчик для начала. Мизинец, чтоб не так жалко. А там, глядишь, и поклянётся забыть про свой культ навсегда.

Скиннер осклабился и шагнул к ней, доставая из сумки маленькие, изогнутые щипцы. Оливия сжала зубы. Она пыталась призвать лёд — свой дар, который столько раз спасал её. Но верёвки, пропитанные какой-то дрянью, блокировали магию. Она чувствовала, как сила внутри неё бьётся, пытаясь вырваться, и не может.

«Бесполезно, — пронеслось в голове. — Всё бесполезно».

Скиннер приблизился, протянул руку к её связанным запястьям...

И в этот момент из леса вышла тень.

Он появился беззвучно.

Просто в какой-то момент воздух за спинами наёмников сгустился, и из снежной пелены выступила фигура. Огромная, закованная в красную броню, с мечом, который казался продолжением его тела. Шлем с узкими прорезями скрывал лицо, но в этих прорезях темнела пустота — не та, что бывает у мёртвых, а иная, живая, внимательная.

Аз Дек.

Он не знал эту девушку. Не знал, почему она привязана к дереву и кто эти трое. Но он видел достаточно: трое вооружённых мужчин, одна беззащитная пленница, инструменты для пыток. Этого было достаточно.

Гурт первым почувствовал неладное. Он обернулся и замер, увидев красную фигуру.

— Ты кто такой?! — рывкнул он, хватаясь за нож.

Аз Дек не ответил. Он не мог ответить. Молчание было его сутью, его проклятием, его даром. Вместо слов он сделал шаг вперёд.

Гурт, не будь дураком, понял: это враг. Он махнул рукой Ржавому.

— Убей его!

Ржавый, молчаливый убийца, выхватил меч и бросился на Аз Дека. Его движения были быстры, отточены годами практики. Он был профессионалом. Но Аз Дек был чем-то иным.

Меч Ржавого описал дугу, целя в шею. Аз Дек даже не шелохнулся. В последний момент его собственный клинок взметнулся, встречая удар. Сталь зазвенела, высекая искры, и меч Ржавого отлетел в сторону, выбитый из рук с нечеловеческой силой.

Ржавый не успел удивиться. Красный меч описал короткую, смертоносную дугу и рассёк его от плеча до пояса. Тело рухнуло на снег двумя неровными половинами, заливая всё вокруг кровью.

Скиннер завизжал.

Он бросился бежать, забыв про свои шипцы, про босса, про всё на свете. Но Аз Дек был быстрее. Два шага — и он настиг тощего наёмника. Меч вошёл в спину и вышел из груди, пробив насквозь. Скиннер захрипел, закашлялся кровью и обмяк, повиснув на клинке, как тряпичная кукла. Аз Дек стряхнул его, как надоедливое насекомое, и повернулся к последнему.

Гурт стоял, прижавшись спиной к дереву, и его глаза были полны ужаса. Он видел, как погибли его люди. Видел, с какой лёгкостью это красное чудовище расправилось с ними. И понимал: ему не выжить.

— Стой! — закричал он, выставляя перед собой нож. — Я сдаюсь! Я всё расскажу! Кто нанял, зачем, сколько заплатили! Всё расскажу!

Аз Дек остановился. Гурт, почувствовав надежду, затараторил:

— Драконий культ! Это они! Им нужна была девка! Они сказали, что она слишком много знает! Что она опасна! Я просто выполнял заказ! Я не хотел!

Аз Дек смотрел на него. Пустые прорези шлема были обращены прямо на Гурта, и тот чувствовал, как по спине стекает холодный пот.

А потом Аз Дек сделал шаг вперёд.

Гурт попытался ударить ножом — отчаянно, безнадёжно. Красный меч легко отвёл удар и рассёк его горло. Кровь хлынула на снег, и Гурт рухнул, захлёбываясь ею. Аз Дек стоял над ним, глядя, как жизнь уходит из его глаз. Он не испытывал ни гнева, ни удовлетворения. Только холодную, ясную уверенность: угроза устранена.

Он вытер меч о плащ убитого и повернулся к девушке.

Оливия смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она видела всё. Как он появился из снега, как расправился с тремя вооружёнными мужчинами за считанные секунды, как стоял над трупами, спокойный и неумолимый, словно сама смерть. И теперь он шёл к ней.

Она сжалась, ожидая чего угодно. Но Аз Дек, подойдя, просто наклонился и одним движением меча перерезал верёвки, стягивавшие её запястья. Потом — верёвки на ногах. Она рухнула на колени в снег, не в силах устоять, и почувствовала, как онемевшие руки наливаются болью.

Аз Дек отступил на шаг, давая ей пространство. Потом достал из-за пояса небольшую записную книжку — потрёпанную, в кожаной обложке, — и уголёк. Раскрыл, что-то быстро нацарапал и протянул ей.

Оливия, всё ещё не отошедшая от шока, машинально взяла книжку. Почерк был угловатым, неловким — видно, что человек не привык писать. Но слова были разборчивы.

«Привет, как тебя зовут?»

Она подняла глаза на красную фигуру. Тот стоял неподвижно, ожидая ответа. Молчание было его голосом. А записная книжка — языком.

— Оливия, — выдохнула она, и её голос дрогнул.

Аз Дек кивнул, забрал книжку и снова принялся писать. Через несколько секунд протянул ей.

«Почему ты была привязана к дереву?»

Оливия посмотрела на трупы, на снег, пропитанный кровью, на свои дрожащие руки. И вдруг почувствовала, как напряжение последних часов отпускает. Она жива. Она свободна. И перед ней стоит существо, которое только что спасло её, не прося ничего взамен.

— Э-э-э... это долгая история, — пробормотала она, пытаясь собраться с мыслями. — А кто ты?

Аз Дек снова застрочил в книжке.

«Аз Дек. Уверен, у тебя есть большие проблемы, и я хотел бы предложить тебе свою помощь».

— Какую?

«На таких, как ты, охотятся. Я же буду твоим телохранителем. Безвозмездно. Это нужно не столько тебе, сколько мне. Мне нужно только твоё согласие».

Оливия перечитала эти строки дважды. Безвозмездно. Телохранитель. Ей, которую только что едва не убили наёмники Драконьего культа. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Но зачем это тебе? — спросила она, глядя на него с недоверием.

Аз Дек ткнул пальцем в слово «нужно». Никаких объяснений. Только это.

Оливия смотрела на него. На эту красную броню, на меч, с которого ещё капала кровь, на пустые прорези шлема, за которыми угадывалось что-то живое. Она не знала его. Не знала, откуда он взялся, кто он такой и почему решил ей помочь. Но выбора у неё не было. Совсем.

— Я не в том положении, чтобы отказываться, — медленно произнесла она. — Хорошо. Согласна.

Аз Дек кивнул. Просто кивнул, будто ничего особенного не произошло. Будто он каждый день спасает незнакомых девушек от наёмников и предлагает им свою защиту.

Оливия поднялась на ноги, потирая запястья. Они горели огнём, но кости были целы. Она посмотрела на восток, туда, где за горами и лесами лежала граница с Гиганттауном.

— Мы направляемся в руины Ксель-Харда, — сказала она, и её голос стал твёрже. — Когда-то в этом месте было главное пристанище культа Дракона. Там они vyhаживали Дирнкринга — Пожирателя Миров. Но он был убит основателем Картеля. Лоуренсом его вроде звали... впрочем, это неважно. Важно то, что там, скорее всего, будут зацепки по современному Драконьему культу. Находится это на границе Нордленда и Гиганттауна. Отправляемся сейчас же.

Аз Дек кивнул. Снова этот простой, уверенный кивок. Он не спрашивал, зачем ей это. Не спрашивал, кто такой Дирнкринг и при чём тут Картель. Он просто принял её слова как данность. И это было... странно приятно.

Оливия поправила куртку, проверила, на месте ли её собственное оружие — короткий меч и несколько метательных ножей, которые наёмники, к счастью, не нашли, обыскивая её. Потом развернулась и зашагала на север, в сторону границы.

Аз Дек последовал за ней. Бесшумный, огромный, в своей красной броне, он двигался, как тень, не отставая ни на шаг. Оливия не оглядывалась, но чувствовала его присутствие за спиной. И впервые за долгое время ей было спокойно.

Они шли уже несколько часов. Лес постепенно редел, сменяясь каменистыми предгорьями. Ветер здесь был сильнее, злее, он швырял в лицо колючий снег и заставлял кутаться в меховой воротник. Оливия шагала молча, погружённая в свои мысли.

Двенадцать лет.

Целая жизнь прошла с того дня, как она впервые встретила Алвулсема. Тогда она была испуганной девчонкой, только что потерявшей всё — семью, дом, будущее. Её дар, проснувшийся так страшно и внезапно, казался проклятием. Это Алвулсем показал ей, что проклятие может стать силой. Он учил её контролировать лёд, направлять его, использовать. Он дал ей цель.

И его убили.

Она помнила тот день, как будто это было вчера. Они возвращались из очередной экспедиции в догурские курганы. Алвулсем был оживлён, он нашёл что-то важное, какой-то фраг-

мент древнего текста, и всю дорогу рассуждал о том, что они на верном пути. А потом из темноты вылетела стрела.

Наёмник. Один. Профессионал. Он не стал вступать в разговоры, не требовал выкупа. Просто выстрелил. Стрела попала Алвулсему в горло. Он умер почти мгновенно, захлёбываясь кровью, и его последний взгляд был обращён к ней — удивлённый, почти обиженный. «Как же так? — говорили его глаза. — Я же только начал понимать...»

Оливия убила наёмника. Лёд, повинаясь её ярости, вырвался наружу и превратил убийцу в ледяную статую. Она стояла над телом учителя, над ледяным трупом врага, и понимала: теперь она одна. Совсем одна.

Потом она узнала, кто заказал убийство. Драконий культ. Те, кто охотился за мечом Лоуренса, за душой Дирнкринга, за древней силой. Алвулсем слишком близко подобрался к их тайнам. И они убрали его.

С тех пор её жизнь превратилась в бесконечную охоту. Она искала информацию о культе — любые зацепки, любые следы. Она хотела остановить их. Не из мести — хотя месть тоже была. А потому, что Алвулсем верил: если культ доберётся до меча, если они освободят душу Пожирателя Миров, случится катастрофа. И она должна была предотвратить это. Ради него. Ради себя. Ради всех, кто ещё жив.

Она многое узнала за эти годы. Культ был древним — старше, чем она могла представить. Они существовали ещё до прихода людей на остров Родера. Они поклонялись драконам, выращивали их, вскармливали магией и кровью. Дирнкринг был их величайшим творением — и их величайшей потерей. Когда Лоуренс убил его и заточил душу в меч, культ не исчез. Они ушли в тень, ещё глубже, чем раньше, и всё это время ждали. Искали меч. Готовились.

Теперь они знали о ней. Знали, что она охотится за ними. И прислали наёмников.

Оливия потрогала запястья — кожа всё ещё саднила от верёвок. Если бы не Аз Дек...

Она обернулась. Красная фигура шагала в нескольких метрах позади, бесшумно и неотвратимо. Он не задавал вопросов, не пытался заговорить. Просто шёл. И это молчание было странно успокаивающим.

«Кто ты такой? — думала она. — Откуда ты взялся? Почему помогаешь мне?»

Но ответов не было. Только ветер, снег и бесконечная дорога на север.

Ксель-Хард.

Название это мало что говорило большинству людей. На картах, если оно и встречалось, то лишь как пометка «руины» в глухом углу на границе Нордленда и Гиганттауна. Никто не ходил туда. Никто не жил там. Это было мёртвое место.

Но Оливия знала: когда-то, тысячи лет назад, здесь билось сердце Драконьего культа. Здесь они построили своё главное святилище — огромный комплекс, вырубленный в скале, с залами, способными вместить дракона, с алтарями, на которых приносились жертвы, с библиотеками, полными древних знаний. Здесь они выхаживали Дирнкринга — Пожирателя Миров, величайшего из драконов, которого когда-либо знал этот мир.

Когда Лоуренс убил Дирнкринга, Ксель-Хард опустел. Культ бежал, спасаясь от гнева новообразованного Картеля, и забросил своё святилище. Века, тысячелетия делали своё дело — крыши обрушились, стены потрескались, залы засыпало камнями и пылью. Но Оливия верила: что-то там осталось. Какие-то записи, артефакты, подсказки. То, что поможет ей найти современный культ и остановить их.

Они добрались до руин на третий день пути.

Ксель-Хард выглядел именно так, как она представляла — мрачно, величественно, пугающе. Огромные каменные ворота, украшенные резьбой в виде драконьих голов, были полузасыпаны снегом. За ними угадывались тёмные провалы коридоров, уходящих вглубь скалы. Ветер завывал в пустых проёмах, создавая жуткую, потустороннюю мелодию.

Оливия остановилась у входа, глядя на драконьи головы. Они были вырезаны с удивительным мастерством — казалось, что они вот-вот оживут и извергнут пламя.

— Здесь, — сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Аз Деку. — Если где-то и есть ответы, то здесь.

Аз Дек стоял рядом, разглядывая руины. Его пустые прорези шлема были обращены к вратам, и невозможно было понять, что он думает. Потом он достал записную книжку и написал:

«Что мы ищем?»

— Всё, что связано с культом, — ответила Оливия. — Записи, карты, артефакты. Особенно то, что может указать на их нынешнее местонахождение. Алвулсем... мой учитель... он говорил, что культ не исчез, а ушёл в тень. Что они где-то прячутся, возможно, в гномьих колониях или в подземельях под старыми городами. Мы должны найти хоть какую-то зацепку.

Аз Дек кивнул и шагнул в темноту первым.

Внутри было холодно, но не так, как снаружи. Этот холод был другим — древним, могильным, пропитанным веками забвения. Свет, проникавший через проломы в сводах, выхватывал из темноты фрагменты былого величия: обломки колонн, покрытых резьбой, осколки мозаик, изображавших драконов в полёте, пустые постаменты, на которых когда-то стояли статуи.

Оливия зажгла магический светлячок — маленький ледяной шар, светящийся голубоватым светом. Он поплыл впереди, освещая путь. Аз Дек шагал рядом, его красная броня тускло мерцала в этом призрачном свете.

Они продвигались вглубь. Коридоры петляли, разветвлялись, некоторые были завалены обломками. Оливия ориентировалась по старым картам, которые нашла в записях Алвулсема. Главный зал, по её расчётам, должен был находиться в самом сердце комплекса.

Они нашли его через час блужданий.

Это было огромное помещение, вырубленное в скале. Свод терялся в темноте, но даже в полумраке было видно, что он украшен фресками — сценами поклонения дракону, жертвоприношений, битв. В центре зала возвышался алтарь — массивный каменный блок, на котором были вырезаны древние руны. А за алтарём...

Оливия замерла.

За алтарём, в стене, зиял огромный пролом. Не естественный — его пробили чем-то невероятно мощным. Камни были оплавлены по краям, будто здесь прошёл огненный смерч. А за проломом угадывалось ещё большее пространство — пещера, способная вместить что-то огромное. Что-то размером с дракона.

— Здесь они держали его, — прошептала Оливия. — Дирнкринга. Здесь он рос, набирался сил. А потом... потом Лоуренс пришёл и убил его.

Она подошла к алтарю, провела рукой по холодному камню. Пальцы нащупали углубления — руны, вырезанные тысячи лет назад. Она не могла их прочесть, но чувствовала исходящую от них древнюю силу.

Аз Дек тем временем обследовал зал. Его внимание привлекла груда обломков в углу — там, где когда-то, возможно, стояли стеллажи или сундуки. Он начал разгребать камни, и Оливия поспешила к нему.

Под обломками обнаружилось то, что они искали.

Несколько каменных табличек, покрытых письменами. Свитки, рассыпающиеся от прикосновения, но всё ещё хранящие следы чернил. И — главное — карта. Не полная, фрагментарная, но на ней были отмечены точки. Одна из них находилась где-то в горах Флеттенхолда. Другая — в Междуречье. Третья — в Элфтенхолде.

— Это их схроны, — прошептала Оливия, склоняясь над картой. — Места, где культ прятал свои реликвии. Или где они собирались. Если мы проверим их, может быть, найдём след.

Она бережно свернула карту, убрала в поясную сумку. Аз Дек наблюдал за ней, не вмешиваясь.

— Здесь больше ничего нет, — сказала она, оглядывая зал. — Пора уходить.

Аз Дек кивнул. Он не спрашивал, куда они направятся теперь. Он просто был готов идти.

Они выбрались из руин, когда солнце уже клонилось к закату. Ветер стих, и над горами разлилась тишина — глубокая, звенящая, какая бывает только в зимних сумерках. Оливия стояла у входа в Ксель-Хард, глядя на карту в своих руках. У неё была зацепка. Настоящая, первая за долгие месяцы. Она не знала, куда приведёт этот след. Но она была готова идти до конца.

Рядом стоял Аз Дек. Молчаливый, неподвижный, в своей красной броне. Он ждал. Он был её тенью, её защитником, её немым спутником. И она была благодарна ему за это.

— Спасибо, — сказала она, не глядя на него. — За то, что спас меня. За то, что идёшь со мной.

Аз Дек не ответил. Он не мог. Но в его молчании было больше, чем в любых словах.

Оливия убрала карту, поправила куртку и зашагала на юго-запад, туда, где в горах Флеттенхолда, если верить карте, находился один из схронов культа. Аз Дек последовал за ней.

Ночь опускалась на Нордленд, укрывая землю снегом и тишиной. А где-то там, впереди, ждали ответы. Или новые вопросы. Или смерть.

Но Оливия больше не боялась. У неё была цель. И у неё был спутник, который не бросит. А это уже немало.

Глава 4: Три изумруда

Ночь над Тайнкором была тихой, но не спокойной. Город, переживший восстание, поражение и повторное подчинение Империи, дышал тяжело, как раненый зверь,лизывающий раны. Днём на улицах царил порядок — имперские патрули, чиновники, торговцы, обыватели, старающиеся не привлекать внимания. Но с наступлением темноты город менялся. Тени становились длиннее, а люди — смелее.

В подвале старого склада в портовом квартале, куда не заглядывали даже крысы, горел одинокий фонарь. Его свет выхватывал из мрака лица тех, кто собрался здесь этой ночью.

Трое.

Берн, огромный, как медведь, сидел на перевёрнутом ящике, и его могучие руки, покрытые шрамами, лежали на коленях. Он почти не изменился за двенадцать лет — разве что седины в бороде прибавилось да взгляд стал тяжелее. Рядом с ним, прислонившись к стене, стояла Эльза. Время пощадило её — она всё так же была худа, жилиста, с цепкими глазами, которые, казалось, видели всё насквозь. Только морщинки у глаз да пара седых прядей в тёмных волосах выдавали её возраст.

За грубым столом, сколоченным из досок, сидел Торн. Он был старше их обоих, и годы брали своё — спина сторбилась, руки дрожали, когда он не был занят делом. Но глаза оставались прежними: острыми, умными, всё понимающими. Перед ним лежали бумаги — списки, отчёты, карты. Он водил по ним пальцем, что-то бормоча себе под нос.

— Опаздывает, — проворчал Берн, потирая затёкшую шею. — Второй раз за месяц.

— Она всегда опаздывает, — отозвалась Эльза, не открывая глаз. — Привыкай.

— Я привык, — Берн вздохнул. — Просто... раньше она хотя бы предупреждала.

— Раньше многое было иначе, — тихо сказал Торн, не поднимая головы от бумаг.

В подвале повисла тишина. Все трое думали об одном и том же, но никто не решался заговорить первым. Двенадцать лет. Целая жизнь прошла с того дня, как они вошли в тронный зал Валдерфейна, полные надежды и ярости. С того дня, как Император одним ударом

меча оборвал жизнь королевы Виталии. С того дня, как Гридмер, лучший алхимик острова, бросился на него и был убит. С того дня, как Дарлион, старый воин, пал, прикрывая их отход.

Они выжили. Не все. Из пятидесяти бойцов, вошедших в Чертог, обратно выбрались меньше десятка. Но те, кто выжил, не сдались. Не могли сдаться. Потому что сдаться означало предать память тех, кто умер.

Дверь скрипнула. Все трое мгновенно напряглись, руки легли на оружие. Но это была она.

Адель вошла бесшумно, как всегда. Плащ, тёмно-серый, почти чёрный, покрывал её с головы до пят, скрывая фигуру и лицо. Только когда она откинула капюшон, стали видны её черты — острые, как у хищной птицы, с высокими скулами и золотистой кожей, которая, казалось, светилась даже в полумраке. Лесной лод. Полукровка. Наследие двух народов, ни одному из которых она не принадлежала до конца.

Она изменилась. Громоздкая броня, в которой она когда-то сражалась, осталась в прошлом — там, где погибли её друзья и королева. Теперь на ней была лёгкая кожаная броня — куртка с металлическими вставками на груди и плечах, удобные штаны, высокие сапоги. Двигалась она легко, почти бесшумно, как тень. На поясе висел меч. Тот самый.

Кунцитовая рукоять — бледно-лиловая, полупрозрачная, с внутренним свечением — была знакома каждому в этой комнате. Когда-то этот меч принадлежал Гридмеру. Он носил его в Тайнкор, в Оргред, в Флетледс, в Отривер. Он сжимал его в тот последний миг, когда бросился на Императора, чтобы дать другим шанс спастись.

Меч принесли ей через месяц после краха в Валдерфейне. Один из немногих выживших — молодой парень, имени которого она уже не помнила, — пробрался в Тайнкор, рискуя жизнью, и передал ей свёрток. Внутри был он. Клинок с кунцитовой рукоятью, тот самый, что когда-то принадлежал мастеру Гридмеру. Парень рассказал, что нашёл его среди тел в тронном зале, рядом с телом Грида, всё ещё сжимавшего рукоять мёртвой хваткой. Он разжал пальцы мёртвого алхимика, взял клинок и поклялся, что доставит его той, кто продолжит дело. Адель тогда стояла посреди разрушенного Тайнкора — она организовывала оборону сначала приграничья, а потом и самого города, но оборона пала, имперские войска вошли в столицу, а повстанцы ушли в ещё большее подполье, чем когда-либо. Она взяла меч, провела пальцами по холодной рукояти и поклялась, что он ещё послужит делу, за которое они сражались.

Но теперь в рукояти было кое-что ещё.

Три изумруда.

Один — крупный, в центре, глубокого зелёного цвета, как море перед штормом. Два — поменьше, по бокам, чуть светлее, но такие же чистые. Они были вставлены в кунцит с такой точностью, что казались частью камня, его сердцем.

Эти изумруды раньше сияли на диадеме королевы Виталии. Они были последним, что осталось от неё — последним, что осталось от символа веры в то, что Стоунстейт вновь станет великим и свободным. Адель не могла оставить их Императору. Не могла допустить, чтобы символ их борьбы стал трофеем врага. И теперь изумруды были здесь, в рукояти меча, принадлежавшего человеку, который любил королеву больше жизни. Символ их единства. Символ того, что борьба не окончена.

— Простите за опоздание, — сказала Адель, усаживаясь за стол. Голос её был ровным, без эмоций. — Дела.

Никто не спросил, какие именно. Все знали: Адель не расскажет. Она вообще мало говорила о том, где бывает и что делает. Её вечные разъезды стали легендой среди уцелевших повстанцев. Одни говорили, что она ищет союзников в других провинциях. Другие — что охотится за имперскими чиновниками. Третьи шептались, что она пытается найти способ воскресить королеву — или хотя бы её дух.

Правду не знал никто.

— Докладывай, — сказала Адель, глядя на Торна.

Торн кивнул и разложил на столе бумаги.

— За последний месяц ситуация ухудшилась, — начал он. — Имперцы усилили патрули на южных дорогах. Трое наших связных арестованы в Оргреде. Один — казнён. Двоих держат в темнице, но вытащить пока не получается — слишком много охраны.

— Берн? — Адель перевела взгляд на здоровяка.

— Мои ребята готовы, — прогудел тот. — Скажешь «да» — вытащим хоть завтра. Но будет шумно. Очень шумно.

— Шум нам сейчас ни к чему, — покачала головой Адель. — Имперцы только и ждут повода, чтобы устроить облаву. Пусть пока сидят. Мы найдём другой способ.

Берн кивнул, хотя по его лицу было видно, что он предпочёл бы действовать.

— Эльза? — Адель повернулась к женщине, стоявшей у стены.

Эльза открыла глаза. В них не было ни сонливости, ни усталости — только холодная, расчётливая внимательность.

— Имперский наместник в Флетледсе готовит карательную экспедицию, — сказала она тихо. — Цель — деревни к востоку от города. Те, что помогали нам с провизией. У них списки. Имена. Если мы ничего не сделаем, через две недели там начнутся казни.

В подвале повисла тяжёлая тишина.

— Сколько у нас людей в том районе? — спросила Адель.

— Двенадцать бойцов, — ответил Торн, сверившись с бумагами. — Плюс местные ополченцы — ещё человек тридцать, если соберём всех. Но против имперского отряда...

— Ясно, — перебила Адель. — Боя не будет. Будем действовать иначе.

Она замолчала, обдумывая. Все ждали. Они привыкли к этой манере — Адель никогда не принимала решений стгоряча. Она взвешивала, просчитывала, искала лучший вариант. Этому её научил Грид. И этому её научила война.

— Эльза, — сказала она наконец. — Узнай, кто именно возглавит экспедицию. Всё — имя, привычки, слабости, семью, любовниц, долги. Мне нужен рычаг.

Эльза кивнула. Она была лучшим шпионом организации, и если кто-то мог раздобыть такую информацию, то только она.

— Торн, подготовь людей к эвакуации деревень. Если не получится остановить экспедицию, мы должны хотя бы спасти жителей.

Торн кивнул, делая пометки в своих бумагах.

— Берн, твои люди будут прикрывать отход. Без боя, если возможно. Но если придётся — бейте быстро и уходите.

— Сделаем, — прогудел Берн.

Адель поднялась. Совещание было окончено.

— Я уезжаю, — сказала она, накидывая капюшон. — Вернусь через несколько дней. Если что-то срочное — Торн знает, как меня найти.

Она уже шагнула к двери, когда Торн негромко произнёс:

— Адель.

Она остановилась, не оборачиваясь.

— Люди спрашивают. Где ты бываешь? Что делаешь? Они верят в тебя, но... им нужно знать, что ты не просто так исчезаешь.

Адель молчала долгую минуту. Потом ответила, не поворачиваясь:

— Скажи им, что я ишу надежду. А когда найду — они узнают первыми.

Дверь закрылась. В подвале остались трое.

— Она так и не сказала, — вздохнул Берн.

— Она никогда не говорит, — отозвалась Эльза. — Но она вернётся. Всегда возвращается.

Торн ничего не сказал. Он смотрел на дверь, за которой исчезла Адель, и думал о том, что надежда — это, конечно, хорошо. Но одной надежды мало. Нужны ещё сталь, деньги и люди. А с этим у организации «Три изумруда» было негусто.

После ухода Адель Торн остался в подвале один. Берн ушёл проверять своих бойцов, Эльза — готовиться к вылазке во Флетледс. А он сидел за столом, перебирая бумаги, и думал.

Двенадцать лет назад он был просто одним из доверенных людей Дарлиона. Старый воин, прошедший с ним Оргред и Флетледс, заслуживший уважение командира своей молчаливой преданностью и умением выполнять приказы. Тогда его обязанности были простыми: следить за оружием, распределять провизию, изредка — замещать Дарлиона на советах, когда тот был занят.

Теперь всё изменилось.

Теперь он был правой рукой Адель. Её заместителем. Человеком, который держал организацию на плаву, пока она пропадала в своих загадочных разъездах. И дел у него прибавилось десятикратное.

Он вёл учёт людей — кто где находится, кто чем занят, кто ранен, кто погиб. Он распределял скудные ресурсы — деньги, оружие, провизию, которые удавалось добыть. Он поддерживал связь с ячейками в других городах — через гонцов, через тайные послания, через цепочки доверенных лиц. Он решал споры, улаживал конфликты, находил компромиссы. Он был тем, кто делал так, чтобы организация «Три изумруда» продолжала существовать, несмотря ни на что.

И он уставал.

Не физически — хотя и физически тоже. Уставал от груза ответственности, который давил на него каждый день. Уставал от мыслей о том, что всё может рухнуть в любой момент — из-за предательства, из-за имперской облавы, из-за простой случайности. Уставал от того, что не мог ни с кем поделиться этой усталостью. Берн был хорошим бойцом, но не стратегом. Эльза была блестящим шпионом, но жила в своём мире теней и секретов. Адель... Адель была лидером, но её вечно не было рядом.

Он часто думал о Дарлионе. Старый командир умел держать всё под контролем, не показывая усталости. Торн пытался делать так же, но получалось не всегда. Иногда, вот как сейчас, он позволял себе минуту слабости — просто сидел в тишине, глядя на бумаги, и думал о том, как всё было раньше.

Раньше у них была королева. Был Гридмер — алхимик, стратег, человек, который умел находить выход из безвыходных ситуаций. Был Дарлион — стальной стержень, на котором держалась армия. Была надежда — настоящая, живая, осязаемая.

Теперь осталась только Адель. И три изумруда в рукояти меча.

Торн вздохнул, взял перо и склонился над бумагами. Дела не ждали.

Берн вышел из подвала и направился в портовый квартал, где в старом пакгаузе размещались его бойцы. Он шёл по тёмным улицам, и его тяжёлые шаги гулко отдавались от мостовой. Встречные редкие прохожие шарахались в стороны — огромный, мрачный, с вечно недобрым лицом, он внушал страх одним своим видом.

Он и был страхом. «Вышибалой» организации — так называл его Торн, и в этом была доля правды. Когда нужно было кого-то запугать, выбить информацию, освободить пленного или просто показать, что с «Тремя изумрудами» шутки плохи, — звали Берна.

Он не был жестоким по природе. Просто жизнь научила его: иногда кулак убеждает лучше слов. Особенно когда имеешь дело с имперскими прихвостнями, предателями или бандами, которые думают, что могут безнаказанно грабить тех, кто слабее.

Его бойцы ждали в пакгаузе. Двенадцать человек — отобранных лично им, проверенных в десятках стычек. Они сидели у жаровни, грелись, перебрасывались шутками. Увидев Берна, подтянулись.

— Завтра ночью выдвигаемся, — сказал он без предисловий. — Имперцы готовят карательную экспедицию к востоку от Флетледса. Наша задача — прикрыть эвакуацию деревень. Без боя, если получится. Но если придётся драться — бьём быстро и уходим. Вопросы?

Вопросов не было. Его люди знали: Берн зря слов не тратит. Сказал — значит, так и будет.

Он обвёл взглядом лица. Молодые и старые, опытные и те, кто только начинал. Все они верили в него. И он не мог их подвести.

— Отдыхайте, — сказал он. — Завтра будет тяжёлый день.

Эльза покинула подвал последней. Она двигалась бесшумно, как тень, и через несколько минут уже была на крыше соседнего здания, откуда открывался вид на портовый квартал.

Она любила высоту. Здесь, наверху, она чувствовала себя свободной. Имперские патрули не смотрели на крыши. Люди внизу не поднимали головы. Она была невидима.

Эльза стала шпионом не сразу. Когда-то, двенадцать лет назад, она была просто одной из доверенных людей Дарлиона — лучшим стрелком во всём Стоунстейте, способным попасть белке в глаз с сотни шагов. Тогда её ценили за меткость. Теперь — за умение быть незаметной.

Она изменилась. Война научила её не только стрелять, но и слушать, наблюдать, запоминать. Проникать туда, куда не проникнуть обычному человеку. Добывать информацию, от которой зависели жизни.

Сегодня ей предстояло отправиться во Флетледс — узнать всё об имперском наместнике, который готовил карательную экспедицию. Его имя, привычки, слабости. Всё, что могло стать рычагом.

Она спрыгнула с крыши, бесшумно приземлилась на балкон соседнего дома и скользнула в открытое окно. Её путь лежал на восток. Впереди были дни и ночи опасной работы. Но она не боялась. Она была тенью. А тени не умирают.

Адель покинула Тайнкор через потайной ход, о котором знали только трое. Она шла по узкому туннелю, вырубленному в скале, и её шаги отдавались эхом от влажных стен. В одной руке она держала фонарь, другая лежала на рукояти меча.

Кунцитовая рукоять была тёплой на ощупь. Три изумруда, вставленные в неё, тускло мерцали в свете фонаря. Адель иногда казалось, что они живые. Что в них осталась частица Виталии — её воли, её силы, её надежды.

Она знала, что это глупо. Изумруды — просто камни. Красивые, дорогие, но мёртвые. И всё же, когда она сжимала рукоять, ей становилось легче. Будто сам мастер Гридмер была рядом и шептал: «Не сдавайся. Продолжай».

Туннель кончился. Адель выбралась наружу в небольшой роще к северу от города. Здесь её ждала лошадь — неприметная, но выносливая, привязанная к дереву. Она вскочила в седло и направилась на северо-запад.

Куда она ехала? Она и сама не всегда знала. У неё были контакты — люди, которые помнили старые времена и верили в возрождение Стоунстейта. Были тайники с оружием и деньгами, оставленные ещё Гридмером. Были те, кто ждал только сигнала, чтобы снова взяться за оружие.

Но главное — она искала ответ. Способ победить Императора. Не в открытом бою — они уже пытались и проиграли. Что-то другое. Магию? Артефакт? Союзников за пределами острова?

Она не знала. Но верила, что ответ существует. И она найдёт его. Чего бы это ни стоило.

Меч с кунцитовой рукоятью и тремя изумрудами стал символом организации. Не официальным — «Три изумруда» не афишировали своё существование. Но каждый, кто вступал в ряды повстанцев, знал: есть меч, в котором заключена память о павших. Есть женщина, которая носит этот меч и продолжает их дело. И пока она жива — жива надежда.

Адель не искала этого символизма. Он возник сам. Люди видели, как она сражается, как принимает решения, как исчезает и возвращается, и начинали верить. Не в неё — в то, что она олицетворяла. В то, что борьба не окончена. Что королева, может быть, мертва, но её дело живёт.

И Адель несла этот груз. Молча. Без жалоб. Потому что знала: если она остановится, остановятся и они. А она не могла остановиться. Не имела права.

Она скакала сквозь ночь, и ветер трепал её плащ. Впереди была неизвестность. Позади — город, который когда-то был свободным. В руке — меч, который когда-то принадлежал человеку, верившему в свободу до последнего вздоха.

Она не знала, куда приведёт её дорога. Но знала одно: она будет идти до конца.

Ради них. Ради Виталии, Грида, Дарлиона. Ради всех, кто погиб за Стоунстейт.

Ради трёх изумрудов, которые всё ещё сияли в темноте.

Глава 5: Дорога в царство теней

Адель покинула Тайнкор на рассвете, когда первые лучи солнца только начинали золотить шпили старого замка. Она ехала одна — лёгкая кожаная броня, тёмный плащ, меч с кунцитовый рукоятью и тремя изумрудами на поясе. Никто не провожал её. Никто не знал, куда она направляется. Даже Торн, её правая рука, получил лишь короткую записку: «Вернусь через две недели. Если нет — действуйте по плану».

Путь на запад, к Пантерхолду, лежал через земли, которые когда-то были сердцем Стоунстейта. Теперь это снова была Империя. Средне-Северная Империя — государство, которое Адель ненавидела всей душой, но не могла не признавать: здесь был порядок. Настоящий, живой, дышащий порядок.

Она ехала по мощёной дороге — ровной, ухоженной, без единой выбоины. Имперские инженеры знали своё дело. Вдоль тракта через каждые несколько миль стояли постоянные дворы — чистые, с крепкими стенами и сытной едой. Поля по обе стороны дороги были возделаны, засеяны озимыми, и крестьяне, работавшие на них, не выглядели затравленными. Они поднимали головы, когда мимо проезжал всадник, иногда даже приветственно махали рукой. Дети, игравшие у обочин, с любопытством глазели на незнакомку в тёмном плаще, но не прятались, не убегали. Они не боялись чужаков — потому что в Империи чужаки не несли угрозы, если не нарушали закон.

В одной из деревень, где Адель остановилась сменить лошадь, она разговорилась с трактирщиком — пожилым, словоохотливым мужчиной с лицом, обветренным годами работы на воздухе. Трактир был чистым, добротным, с выбеленными стенами и крепкими дубовыми столами. На полках стояли глиняные кружки, над очагом висел котёл с похлёбкой, пахнущей мясом и кореньями.

— Как живётся? — спросила она, потягивая горячий сбитень.

— Да как везде, — пожал плечами трактирщик, протирая кружки. — Налоги платим, но не душат. Дороги чинят, ярмарки проводят, разбойников имперские патрули повывели. Сын вон в город подался, в ученики к кузнецу. Говорит, там всему учат по науке, не как у нас, по старинке. Может, в мастера выбьется.

— А власть? Империя? Не давит?

Трактирщик задумался, почёсывая затылок.

— Давит, если закон нарушаешь. А если живёшь честно — так и не замечаешь её почти. Оно, знаешь, даже спокойнее. Раньше-то, при старом короле, каждый управитель свои порядки устанавливал. Где-то грабят, где-то милуют. А теперь закон один для всех. Суровый, но справедливый. — Он помолчал, потом добавил тише: — Я, конечно, не жалею. Но старики говорят, раньше воля была. Своя земля, свой король... А теперь мы просто подданные. Хорошо живём, но чужие.

Адель кивнула, допила сбитень и вышла. Внутри у неё боролись противоречивые чувства. Она помнила другую Империю — ту, что пришла с огнём и мечом, ту, что убила Виталию, Грида, Дарлиона. Но сейчас, глядя на эти ухоженные поля, на сытых крестьян, на детей, бегущих в школу, она не могла не признать: для простых людей Империя стала благом. И от этого было только горше.

Потому что свобода, за которую они сражались, оказалась не нужна тем, ради кого они проливали кровь.

Дорога тянулась дальше. Адель миновала Оргред — город, который когда-то первым поднял флаг с двумя скрещенными кирками. Теперь над его воротами снова развевался чёрный имперский стяг с серебряным драконом. Но город не выглядел покорённым. Он выглядел обычным. Живым. Торговым. На улицах кипела жизнь, работали кузницы, шумели рынки. Новые здания поднимались на месте разрушенных — добротные, каменные, с высокими окнами и черепичными крышами. Империя отстраивала то, что сама же и разрушила двенадцать лет назад. И делала это хорошо.

Адель не стала задерживаться. Она сменила лошадь, купила провизии и поехала дальше. Граница бывшего Стоунстейта приближалась. А за ней начинались земли, которые теперь принадлежали Гондерфеллу.

Переход через границу был резким, как удар хлыста.

Ещё утром Адель ехала по имперской дороге — ровной, чистой, с указателями и постоянными дворами. А к полудню всё изменилось. Дорога превратилась в разбитую колею, заваленную камнями и грязью. Указатели исчезли — вместо них на развилках стояли грубые столбы с выжженными символами на незнакомом языке. Поля по сторонам были заброшены, заросли сорняками. Деревни, мимо которых она проезжала, выглядели мёртвыми — покосившиеся дома, заколоченные окна, пустые улицы. Ни детей, ни скотины, ни дыма из труб. Только ветер гулял по пустым проулкам, поднимая пыль.

Первая же живая душа, встреченная ею, подтвердила: это Гондерфелл.

Старик, копавшийся в огороде у полуразвалившейся хижины, поднял голову, когда Адель остановила лошадь. Его лицо было измождённым, глаза — пустыми, как у человека, который давно перестал надеяться. Одежда — рваная, грязная, едва прикрывавшая тело. Руки, державшие мотыгу, дрожали от слабости.

— Далеко едешь? — спросил он без всякого приветствия, и голос его был сухим, как шелест осенних листьев.

— В Пантерхолд, — ответила Адель.

Старик сплюнул на землю.

— К этим... кровососам? Ну, дело твоё. Только смотри, патрули гондерфеллские часто ездят. Останавливают всех, дань требуют. За проезд, за товар, за воздух, которым дышишь. Плати — пропустят. Нет — пеняй на себя.

— А местные власти? Наместник?

Старик горько усмехнулся, и в этой усмешке было больше боли, чем в любых словах.

— Наместник? Эти твари ничего не строят, девка. Они только собирают. Всё, что можно увезти, увозят — зерно, скот, железо, даже людей, если те здоровые и могут работать. Остальное... — он махнул рукой в сторону заброшенных полей. — Остальное гниёт. Им плевать. У них есть Малый Гондерфелл — вот там они и строят. А мы для них просто дойная корова. Дойтся — живёт. Перестала — под нож.

Он замолчал, глядя куда-то вдаль, и Адель видела, как в его глазах отражается небо — серое, тяжёлое, без проблеска надежды.

— У меня сына забрали, — сказал он вдруг, и голос его дрогнул. — В прошлом году. Пришли, сказали — здоровый, работать может. Увели. Я просил, на коленях ползал — не

помогло. С тех пор не видел. Может, жив ещё, может, нет. А я здесь землю ковыряю. Потому что если не буду — придут и меня заберут. Или просто убьют, чтоб не возиться.

Адель слушала, и внутри у неё рос холодный гнев. Она помнила, как имперские патрули проверяли документы на дорогах — вежливо, но твёрдо. Помнила, как имперские чиновники собирали налоги — много, но по закону, с расписками и отчётами. Помнила, как Империя строила — дороги, мосты, школы, больницы. Здесь было иначе. Здесь был не порядок. Здесь был грабёж, возведённый в ранг государственной политики. Гондерфелл не правил захваченными территориями — он высасывал их, как паук высасывает муху, оставляя только пустую оболочку.

Она попрощалась со стариком, оставила ему несколько серебряных монет — не из жалости, а потому что не могла иначе, — и поехала дальше.

Чем глубже она углублялась в земли, контролируемые Гондерфеллом, тем мрачнее становилось вокруг. Патрули действительно встречались часто — отряды всадников в золотистых доспехах, с длинными копьями, наконечники которых сочились ядовитой фиолетовой субстанцией. Они останавливали всех, требовали дань, обыскивали повозки. Адель, наученная горьким опытом, всегда имела при себе кошелёк с серебром — для таких случаев. Она платила, не споря, и её пропускали. Гондерфеллцы не задавали лишних вопросов тем, кто платил. Они были практичны в своей жадности.

По пути она стала свидетелем казни.

Это было в небольшом городке, названия которого она не запомнила — да оно и не имело значения. На центральной площади, под морозящим дождём, собралась толпа — мужчины, женщины, дети. Их согнали силой: патрульные в золотых доспехах ходили по улицам, стучали в двери, выгоняли всех до единого. Тех, кто пытался спрятаться или отказаться, били древками копий, тащили за волосы. Никто не смел ослушаться.

На помосте, сколоченном из грубых досок, стоял человек — молодой парень, избитый, с разбитым лицом, в рваной одежде. Его руки были связаны за спиной, ноги едва держали. Рядом с ним стоял офицер Гондерфелла — высокий, в безупречных золотых доспехах, с длинными плоскими наплечниками, каких не было у простых солдат. В руках он держал свиток, с которого зачитывал приговор на ломаном общем языке, но с явным удовольствием растягивая каждое слово.

— За укрывательство беглых рабов... за неподчинение законной власти Гондерфелла... за кражу имущества, принадлежащего народу Гондерфелла... приговаривается к смерти через обезглавливание. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Парень даже не пытался оправдываться. Он стоял, опустив голову, и ждал. Его плечи вздрагивали — то ли от холода, то ли от страха, то ли от бессильной ярости. Адель смотрела на него и думала: за что? Что он сделал? Спрятал кого-то, кто бежал от рабства? Украл кусок хлеба, потому что был голоден? Или просто оказался не в то время не в том месте?

Палач — огромный, закованный в золото, с лицом, скрытым глухим шлемом, — взмахнул топором. Лезвие сверкнуло в тусклом свете, и через мгновение голова покатилась по мокрому доскам, оставляя за собой кровавый след. Толпа ахнула. Кто-то заплакал — женщина, стоявшая в первых рядах, упала на колени, закрыв лицо руками. Кто-то отвернулся, не в силах смотреть. Дети прижимались к матерям, пряча лица в складках одежды.

Адель смотрела. Не потому, что хотела — потому, что должна была. Она должна была видеть, с чем имеет дело. С кем имеет дело.

Офицер, закончив, повернулся к толпе. Его лицо — обычное человеческое лицо, без следов жестокости или садизма, — было спокойным, почти скупающим. Он не наслаждался смертью. Он просто выполнял работу.

— Это урок, — сказал он, и его голос разнёсся над площадью, усиленный акустикой. — Гондерфелл не терпит неповиновения. Платите дань вовремя. Выполняйте приказы. Выдавайте беглых и преступников. И будете жить. Нарушите — умрёте, как этот пёс. Всем ясно?

Толпа молчала. Офицер, не дожидаясь ответа, махнул рукой.

— Все свободны. Расходитесь.

Люди начали расходиться — молча, понуро, не глядя друг на друга. Никто не подошёл к телу, не попытался забрать его для похорон. Гондерфеллцы не позволяли хоронить казнённых — их тела оставляли на съедение птицам и зверям, как последнее предупреждение.

Адель осталась стоять, глядя на обезглавленное тело, которое уже убрали с помоста. Она вспомнила имперские казни — редкие, почти тайные, проводимые в подвалах или за стенами тюрем. Империя не любила публичности в таких делах. Она решала проблемы тихо, боясь лишний раз напугать законопослушных граждан. Гондерфелл, наоборот, делал из смерти спектакль. Устрашение было их главным оружием. Они не правили — они держали в страхе.

Империя была государством чести. Она строила, крепла, помогала жителям. Она уважала тех, кто соблюдал её законы, и делала их жизнь замечательной. Гондерфелл был государством корысти. Он ничего не строил — только собирал или отбирал. Всё собранное уходило либо на родной остров, либо в Малый Гондерфелл, который они окрестили своей второй родиной. Тех, кто подчинялся, не убивали — и на том спасибо. Но за неподчинение карали публично, с обязательной явкой всего населённого пункта. Гондерфелл не правил захваченными территориями — он искал лояльных наместников, готовых исполнять волю новых хозяев. Орден Кровавой Луны стал таким наместником в Пантерхолде.

Адель знала, с кем собирается иметь дело. С вампирами. С существами, которые веками правили этой землёй из тени, питаясь кровью живых. С теми, кто заключил сделку с Гондерфеллом, чтобы выжить. Она понимала, что это сомнительные личности. Что доверять им нельзя. Что любая услуга с их стороны будет иметь свою цену — и цена эта может оказаться слишком высокой.

Но выбора не было.

Она села на лошадь и поехала дальше. Впереди был Пантерхолд. И орден Кровавой Луны.

Дорога к Телэрэну заняла ещё три дня. Три дня, наполненных серым небом, морозящим дождём и гнетущей тишиной заброшенных земель. Адель проезжала мимо деревень, которые когда-то были живыми, а теперь стояли пустыми — ни дыма из труб, ни лая собак, ни детского смеха. Поля зарастали бурьяном, дороги размывало дождями, мосты рушились, и никто не чинил их. Гондерфеллу было не до этого. Они только собирали. Остальное их не интересовало.

Наконец, на четвёртый день, впереди показались горы. Не те, к которым Адель привыкла в Стоунстейте — пологие, поросшие лесом. Эти были другими: острыми, скалистыми, чёрными, словно вырезанными из обсидиана. Они вздымались к небу, как клыки древнего чудовища, и в их тени лежала долина, прорезанная глубокими каньонами. Где-то там, в одном из этих каньонов, скрывался Телэрэн — столица Пантерхолда, город, врезанный в скалы, логово ордена Кровавой Луны.

Она въехала в ущелье, и мир вокруг изменился.

Стены каньона смыкались над головой, заслоняя небо. Свет, пробивавшийся сверху, становился всё более тусклым, призрачным, пока не сменился иным — холодным, сизо-фиолетовым сиянием, исходившим от наростов люминесцентных грибов, покрывавших скалы. Воздух стал влажным, тяжёлым, пропитанным запахом сырости, древнего камня и чего-то ещё — сладковатого, приторного, напоминавшего запах тления.

Дорога, по которой она ехала, была вырублена в скале — старая, построенная ещё до прихода Гондерфелла, с идеально ровными краями и стёртыми ступенями. Она вела всё глубже и глубже, петляя между сталактитами и сталагмитами, пересекая подземные ручьи и маленькие озёра, в тёмной воде которых отражались бледные огни грибов. Иногда Адель замечала в стенах

проходы — тёмные, уходящие в неизвестность, откуда тянуло холодом и тишиной. Она не сворачивала. Она знала: главная дорога ведёт к городу.

И вот, наконец, ущелье расширилось.

Адель выехала на край гигантского каньона и остановила лошадь, потрясённая открывшимся зрелищем как в первый раз.

Телэрен лежал перед ней, как застывшая мечта безумного архитектора. Город, врезанный в отвесные стены каньона, уходил ярусами вверх, к самому краю ущелья, где над ним нависало серое, тяжёлое небо. Башни, вырезанные из срезанных сталактитов, вздымались к облакам, мосты из живого камня — тонкие, ажурные, казавшиеся невесомыми — перекидывались между природными колоннами, соединяя разные уровни города. Свет исходил от бледных, болезненных наростов люминесцентных грибов, окрашивавших всё в сизо-фиолетовые тона. Архитектура была нетронута — Гондерфелл не разрушил город, не перестроил под себя. Он просто пришёл и взял то, что было.

Но люди изменились.

Жители Телэрена всегда были мрачным народом — подданные вампиров, поколениями жившие под властью Ордена Кровавой Луны, они привыкли к полумраку, к тишине, к вечному ожиданию. Но теперь их мрачность стала глубже, тяжелее. Они не просто сторонились чужаков — они сторонились друг друга. Их глаза, обычно пустые и покорные, теперь смотрели в землю с каким-то новым, затравленным выражением. Их походка стала дёрганой, торопливой. Они спешили по своим делам, не оглядываясь по сторонам, не останавливаясь, чтобы поговорить. Город, всегда бывший царством теней, теперь стал царством страха.

Адель тронула лошадь и начала спускаться по извилистой дороге, ведущей к главным воротам.

На улицах было немногочисленно. Те, кто встречался ей, — люди в тёмных, потрёпанных одеждах, с бледными, осунувшимися лицами — провожали её взглядами, но не заговаривали. Они видели чужака, но не проявляли ни враждебности, ни любопытства. Только усталое, привычное безразличие. Ещё одна тень в городе теней.

Она миновала несколько ярусов, поднимаясь всё выше по петляющим улочкам и лестницам, вырубленным в скале. Мосты, по которым она проезжала, были украшены древней резьбой — сценами из истории Пантерхолда, изображениями полумесяца, залитого кровью, символами ордена. Но краски потускнели, камень покрылся трещинами, и никто не спешил их обновлять. Гондерфеллу не было дела до чужой истории.

На одном из мостов ей встретился патруль — двое всадников в золотых доспехах, с копьями наперевес. Они остановились, преграждая путь. Адель, не дожидаясь вопросов, достала кошелёк и протянула несколько серебряных монет. Старший патрульный, не глядя, сгрёб деньги, кивнул и тронул лошадь, освобождая дорогу. Ни слова. Ни вопроса. Только дань. Всё, как везде.

Она поехала дальше.

Цитадель ордена Кровавой Луны возвышалась в самом центре каньона, врезанная в скалу, которая служила опорой всему ущелью. Она была огромна, мрачна, с узкими окнами-бойницами и массивными воротами, украшенными гербом ордена — полумесяцем, залитым кровью. Рядом с ним, на соседнем флагштоке, висел флаг Гондерфелла — золотой жук на фиолетовом поле. Два символа, два хозяина, одна земля.

У ворот Адель остановилась. Здесь её уже ждали — двое стражников в тёмных доспехах, с гербом Кровавой Луны на груди. Они не были вампирами — просто люди, слуги ордена. Но их глаза смотрели холодно, оценивающе, без тени эмоций.

— Цель визита? — спросил один, и голос его прозвучал глухо, как из склепа.

— У меня дело к Ордену Кровавой Луны, — ответила Адель, не слезая с лошади. — Важные новости. Меня ждут.

Стражник переглянулся с напарником, потом кивнул.

— Следуйте за мной.

Она спешила, передала лошадь конюху — такому же мрачному человеку с пустыми глазами — и вошла в цитадель.

Внутри было темно. Не просто сумрачно — именно темно, так, что глаза не сразу привыкали. Свет давали только редкие светильники — те же бледные грибы, но здесь они росли прямо на стенах, образуя причудливые узоры. Коридоры петляли, уходили вниз, вверх, разветвлялись. Адель шла за стражником, стараясь запомнить дорогу, но быстро поняла, что это бесполезно. Цитадель была лабиринтом, построенным так, чтобы чужаки в нём терялись.

Где-то впереди, в глубине этого лабиринта, её ждали те, с кем она собиралась говорить. Вампиры. Древние, могущественные, опасные. Те, кто правил Пантерхолдом из тени задолго до прихода Гондерфелла. Те, кто выжил, заключив сделку с завоевателями.

Она знала, с какими сомнительными личностями ведёт дела. Знала, что доверять им нельзя. Что любая услуга с их стороны будет иметь свою цену — и цена эта может оказаться слишком высокой.

Но выбора не было.

Она шла вперёд, в темноту, навстречу неизвестности.

Глава 6: Сделка с тенью

Коридоры цитадели Ордена Кровавой Луны были подобны внутренностям гигантского каменного зверя. Они петляли, разветвлялись, уходили вниз и вверх, пересекались в самых неожиданных местах. Стены, сложенные из тёмного базальта, были покрыты резьбой — сцены охоты, пиршеств, битв, жертвоприношений. Везде, куда падал взгляд, виднелся один и тот же символ — полумесяц, залитый кровью. Герб ордена.

Адель шла за стражником, и её шаги гулко отдавались под сводами. Она пыталась запомнить дорогу — поворот налево, лестница вниз, длинная галерея с колоннами, ещё один поворот — но быстро поняла, что это бесполезно. Цитадель была построена так, чтобы чужаки в ней терялись. Возможно, для того, чтобы они никогда не вышли обратно.

Но Адель не боялась. Она пришла сюда не как жертва, а как деловой партнёр. У неё было то, что нужно Ордену. И у Ордена было то, что нужно ей.

Она думала о том, как изменился Пантерхолд за эти годы. Когда-то, ещё каких-то пятнадцать-двадцать лет назад, Орден Кровавой Луны был легендой, страшной сказкой, которой пугали детей. Вампиры правили провинцией из тени — невидимые, неуловимые, всемогущие. О них знали только те, кому полагалось знать: наместники, старейшины, главы гильдий. Остальные лишь догадывались, шептались по углам, рассказывали истории о ночных исчезновениях и бледных фигурах, появляющихся в лунном свете.

С приходом Гондерфелла всё изменилось.

Маски пришлось скинуть. Но, как ни странно, Орден от этого только выиграл. Теперь им не нужно было прятаться. Они стали официальными наместниками завоевателей, их власть была признана, их статус — закреплён договорами и печатями. Они могли спокойно набивать карманы вместе с Гондерфеллом, собирая дань с населения, и одновременно творить те бесчинства, которые свойственны властным, бессмертным существам, не связанным человеческой моралью.

Адель знала, с кем имеет дело. Знала, что вампиры — больше не люди. Что их представления о добре и зле, о чести и справедливости отличаются от человеческих так же, как день отличается от ночи. Но ей было всё равно. Сейчас её интересовало только одно: получить то, за чем она приехала.

Она шла по коридорам в предвкушении исполнения своего плана. В предвкушении чего-то грандиозного, того, ради чего она вечно пропадала в разъездах, не объясняя никому, куда и зачем едет. Здесь, в этой цитадели, она получит то, с помощью чего сможет воплотить в жизнь

свою цель. Цель, которая, по её мнению, способна изменить положение «Трёх Изумрудов». Дать им шанс. Настоящий шанс, а не жалкое существование в подполье.

Стражник остановился у массивной двери, украшенной всё тем же символом — полумесяцем, залитым кровью.

— Вас ждут, — сказал он и отступил в сторону.

Адель толкнула дверь и вошла.

Зал, в котором она оказалась, был погружён во мрак. Не в тот мягкий полумрак, что царил в коридорах, а в абсолютную, густую темноту, которую не могли разогнать даже керосиновые свечи на стенах. Все окна — высокие, стрельчатые, занимавшие почти всю дальнюю стену, — были наглухо завешаны тяжёлыми бархатными шторами тёмно-бордового цвета. Ткань не пропускала ни лучика света, и от этого зал казался склепом.

Посреди зала стоял длинный стол из тёмного, почти чёрного дерева. Он был уставлен свечами — десятками, если не сотнями, — и их неровное, дрожащее пламя было единственным источником света. Свечи были разной высоты: одни уже почти догорели, застыв лужицами воска на столешнице, другие только начинали свой путь. Они отбрасывали длинные, пляшущие тени на стены и потолок, создавая иллюзию движения — будто сам зал был живым существом, которое дышало и наблюдало за гостьей.

Адель села за стол. Стул был жёстким, неудобным — явно не рассчитанным на долгие посиделки. Она положила руки перед собой и стала ждать.

Ждать пришлось недолго.

Из абсолютного мрака дальней части зала, куда не достигал свет свечей, вышел он. Его появление было беззвучным — ни шагов, ни звяканья доспехов. Просто в какой-то момент темнота сгустилась, обрела форму, и вот он уже стоял у противоположного конца стола.

Мужчина, закованный в тяжёлые тёмные доспехи. Они были не просто чёрными — они казались вырезанными из самой ночи, из той субстанции, что обитает в глубинах пещер, куда никогда не проникал свет. Металл был покрыт тонкой гравировкой — узорами, напоминавшими то ли древние руны, то ли стилизованные языки пламени, то ли вены, по которым текла не кровь, а что-то иное. На плечах покоился красный плащ — тяжёлый, почти бархатный, ниспадавший до самого пола. Его цвет напоминал не о благородстве, а о крови — густой, тёмной, запёкшейся.

Лицо вошедшего скрывал глухой шлем с узкой прорезью для глаз. В этой прорези не было видно ничего — только темнота, но Адель чувствовала: оттуда смотрят. Оценивают. Взвешивают.

Он сел напротив. Его движения были плавными, текучими, лишёнными той угловатости, что свойственна людям в тяжёлой броне. Казалось, доспехи были не нагружены на него, а являлись частью его самого — второй кожей, сросшейся с телом за столетия. Его поза была спокойной и собранной: руки в латных перчатках сцеплены перед ним на столе, плечи расправлены, голова чуть наклонена. В этом спокойствии чувствовалось не просто дисциплина — чувствовалось хищное терпение. Терпение существа, для которого время не имеет привычного значения. Которое может ждать год, десять лет, столетие — и не почувствовать разницы.

Адель смотрела на него и пыталась представить, что скрывается под шлемом. Воображение рисовало лицо — слишком бледное, почти лишённое тепла, с чертами, холодными и застывшими, словно высеченными из камня. Глаза — неподвижные, пронизывающие, с едва уловимым отблеском чего-то нечеловеческого. Губы — тонкие, бескровные, редко растягивающиеся в улыбке, а если и растягивающиеся, то улыбка эта не сулила ничего хорошего.

— Леди Адель, — произнёс мужчина. Голос его был слегка хриплым, но внушительным, как раскат далёкого грома. — Именно так я вас себе и представлял.

— А вы, я так понимаю, Хром? — спросила она, сохраняя спокойствие.

— Верно. — Он чуть наклонил голову, и пламя свечей отразилось в тёмном металле его шлема. — Желаете выпить или сразу к делу?

Адель позволила себе лёгкую усмешку.

— Сегодня можно и выпить. Я давно не была так близка к успеху, поэтому отметить грядущее имеет смысл.

— Вино?

— Да, было бы неплохо.

— Отлично. — Хром помолчал, и в этой паузе было что-то зловещее, как затишье перед бурей. А потом он внезапно заорал, и его крик разорвал тишину зала, как удар грома: — ГАНС! ЖИВО СЮДА, МЕРЗКОЕ ТЫ ОТРЕБЬЕ!!!

Адель вздрогнула. Она не ожидала такого — не от вампира, не от существа, которое, казалось, должно было быть воплощением холодного спокойствия. Крик Хрома был полон такой ярости, такого презрения, что у неё на мгновение перехватило дыхание. Казалось, сам воздух в зале содрогнулся от этого вопля, а пламя свечей на столе испуганно замерцало, готовое погаснуть.

Она ещё не успела прийти в себя, как из темноты, из той же дальней части зала, выбежал юноша. Он был молод — от силы лет двадцати, не больше. Одет в дорожную одежду цветов ордена: красный камзол с чёрными элементами, чёрные штаны, высокие сапоги. Ткань была качественной, явно дорогой, но на юноше она сидела как-то неправильно, будто он был не хозяином этой одежды, а её пленником.

На лице Ганса — а это был именно он — застыл явный, неприкрытый страх. Глаза бегали, руки дрожали, на лбу выступила испарина. Он подбежал к столу и замер, ожидая приказа.

Хром, который только что орал так, что, казалось, стены дрожали, вдруг заговорил спокойно, почти ласково:

— Ганс, сходи в погреб за вином и возьми два бокала.

Этот контраст — переход от бешеной ярости к светской учтивости — был настолько резким, что Адель почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она видела: перед ней сидит не просто вампир, не просто древнее существо. Перед ней — безумец. Безумец в доспехах аристократа.

Юноша, не сказав ни слова, развернулся и убежал обратно во тьму. Его шаги затихли в глубине зала.

Хром повернулся к Адель. Его голос снова был ровным, спокойным, почти дружелюбным — будто и не было только что этого жуткого крика.

— Как поживает Средне-Северная Империя? — спросил он таким тоном, каким спрашивают о погоде за чашкой чая.

Адель помолчала, обдумывая ответ. Она понимала, что вампир проверяет её, прощупывает, пытается понять, с кем имеет дело. И решила быть честной — по крайней мере, в этом вопросе.

— Буду честна: во многом лучше Пантерхолда. Захват Гондерфеллом сильно вас потрепал, и это ещё мягко сказано.

Хром издал звук, похожий на смешок — сухой, лишённый веселья.

— Нас? — переспросил он. — Ха-ха. Простых смертных, чья жизнь ни гроша не стоит, может, и потрепало. Орден — в сплошных плюсах. Ответственность за управление провинцией снизилась практически до нуля. Скрываться больше не приходится. Доход вырос в тринадцать раз. — Он сделал паузу, и в его голосе появилась лёгкая, почти незаметная насмешка. — Поэтому могу ответственно сказать: вы не туда смотрите.

Адель почувствовала, как внутри закипает гнев. Она вспомнила старика на заброшенном поле, его пустые глаза, его рассказ о сыне, уведённом в рабство. Вспомнила казнь на площади

— молодого парня, которому отрубили голову только за то, что он пытался помочь беглецам. Вспомнила мёртвые деревни, заброшенные поля, людей, которые боялись поднять голову.

— И вас вовсе не заботят проблемы ваших подданных? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы видели, во что превратилась их жизнь?

— Всем на свете не поможешь. Не так ли? — Хром пожал плечами, и его доспехи издали тихий, металлический звук.

— Да, но ведь вам по силам всё изменить! Вы — Орден Кровавой Луны! Вы правили этой землёй веками! Неужели вы не можете защитить своих людей?

— И мы изменили. — В его голосе появилась сталь. — Теперь нам не нужно прятаться, чтобы вести дела. Деньги текут рекой, а Орден на стороне победителей. Разве этого мало?

Адель поняла: спорить бесполезно. Этот вампир — каким бы могущественным он ни был — не видел в людях ничего, кроме ресурса. Для него они были скотом: полезным, пока даёт молоко и мясо, и подлежащим забою, когда перестаёт. Он не был жесток — он был равнодушен. И это было страшнее любой жестокости.

В этот момент из темноты снова появился Ганс. Он нёс бутылку вина — тёмного, в запylённой бутылки, явно очень старого и очень дорогого. Рядом с бутылкой на подносе стояли два хрустальных бокала. Юноша поставил поднос на стол и замер, ожидая дальнейших указаний.

— Ганс, налей нашей гостье, — спокойно произнёс Хром. — Не заставляй ждать её ещё больше.

Ганс открыл бутылку. Его руки дрожали, и Адель видела, каких усилий ему стоит не расплескать вино. Он наполнил бокал и пододвинул его к ней. Вино было густым, тёмно-рубиновым, с насыщенным ароматом, который она почувствовала даже на расстоянии.

— А вы? — спросила Адель, беря бокал. — Вы не пьёте?

Хром издал тот же сухой смешок.

— Отчасти. Вино действительно не пью, но ваш триумф я разделю. Ганс, я желаю выпить!

Лицо юноши исказилось. На нём отразилась целая гамма чувств — страх, отчаяние, покорность, — но он не посмел ослушаться. Медленно, будто надеясь, что приказ отменят, он опустил руку в карман камзола и достал странное устройство. Оно было металлическим, размером с ладонь, жуткое в своей утилитарной простоте: кран с вентилем, короткая трубка и острый наконечник на конце — нечто среднее между медицинским инструментом и орудием пытки. Адель смотрела на него, и её сердце сжалось от нехорошего предчувствия.

Ганс расстегнул камзол дрожащими пальцами — пуговицы выскальзывали, не слушались, — обнажив левую часть груди. Его кожа была бледной, почти белой, и на ней, чуть ниже ключицы, виднелись старые шрамы: круглые, рваные, багровые — следы предыдущих проколов, которые, казалось, не успевали зажить. Он поднял устройство, замахнулся, зажмурился — и с силой вонзил металлический наконечник себе в грудь, чуть выше сердца.

Звук, который он издал, был не криком — воплем. Высоким, пронзительным, полным такой муки, что, казалось, сам воздух в зале содрогнулся. Адель непроизвольно стиснула подлокотники кресла. Она видела, как остриё пробивает кожу, погружается в мышцы — медленно, сантиметр за сантиметром, — и как из раны начинает толчками выплёскиваться кровь. Алая, тёплая, она запузырилась вокруг наконечника, потекла по бледной груди, заливая рёбра и живот, пропитывая дорогую ткань камзола.

Ганс зажмурился, его лицо исказилось в гримасе невыносимой боли, из глаз хлынули слёзы, смешиваясь с потом, выступившим на лбу. Из горла вырывались сдавленные, животных звуки — полувсхлипы-полустоны, — но он не смел кричать в полный голос. Не после того, что услышал минуту назад.

Дрожащей рукой он взял со стола пустой бокал, поднёс его к устройству и открыл вентиль. В бокал полилась кровь.

Она была гуще вина, темнее, и пахла металлом и солью. Она наполняла бокал медленно, пульсирующими толчками — в такт биению сердца Ганса, которое, казалось, колотилось прямо в ране, пытаясь вытолкнуть чужеродный предмет. Юноша стонал, скулил, его ноги подкашивались, свободная рука судорожно вцепилась в край стола, чтобы не упасть. Адель видела, как его лицо становится всё бледнее, как губы синеют, как закатываются глаза. Но он держался — держался, потому что знал: упасть сейчас означало бы нечто худшее, чем эта боль.

Когда бокал наполнился до краёв, Ганс закрыл вентиль, поставил бокал на стол — и резким движением выдернул устройство из груди. Раздался влажный, чавкающий звук, и новая вспышка боли заставила его закричать снова — громко, отчаянно, уже не сдерживаясь. Кровь хлынула из открытой раны сильнее, заливая всё вокруг. Он зажимал её ладонью, но это не помогало — алая жидкость текла сквозь пальцы, капала на пол, на драгоценный бухарский ковер, на его одежду.

— ТЕБЕ КТО ДАЛ ПРАВА ИЗДАВАТЬ ЗВУКИ?! — голос Хрома, ещё секунду назад спокойный и учтивый, взорвался такой яростью, что пламя свечей на столе испуганно пригнулось. Он встал — резко, стремительно, его плащ взметнулся, как крыло гигантской летучей мыши. — ТЫ, НИЧТОЖЕСТВО, СМЕЕШЬ ОСКВЕРНЯТЬ СЛУХ НАШЕЙ ГОСТИИ СВОИМИ ЖАЛКИМИ ВОПЛЯМИ?!

Замах — и рука в латной перчатке обрушилась на лицо Ганса. Пощёчина была такой чудовищной силы, что юношу буквально оторвало от пола. Он отлетел на несколько футов, врезался спиной в стену и рухнул на пол, как сломанная кукла. Из разбитого рта хлынула кровь — теперь уже его собственная, смешанная с той, что он только что отдал хозяину. На скуле мгновенно вспух багровый рубец.

— ПОШЁЛ ВОН ОТСЮДА, ТУПОРЫЛОЕ ТЫ УЁБИЩЕ!!! — заорал Хром. Его голос, усиленный акустикой зала, гремел как гром, отражаясь от стен и сводов. Казалось, сам камень дрожит от этого крика. — ЧТОБЫ ГЛАЗА МОИ ТЕБЯ НЕ ВИДЕЛИ, БЕЗМОЗГЛЫЙ ТЫ КУСОК ДЕРЬМА!!!

Ганс лежал на полу, не в силах встать. Его лицо было залито кровью, губы разбиты, один глаз заплыл, второй смотрел на Хрома с выражением животного ужаса. Он попытался подняться на локтях, но руки скользили по гладкому каменному полу, размазывая кровавые пятна.

— ТЫ МЕНЯ ВООБЩЕ НЕ СЛЫШИШЬ, ГОВНОЕД ТЫ ДРЯХЛЫЙ?! — Хром шагнул к нему, замахнулся ногой в латном сапоге и с силой пнул юношу в живот. Раздался влажный, хрустящий звук — что-то хрустнуло внутри, то ли рёбра, то ли что похуже. Ганс сплюнул кровью — теперь уже изо рта, — и, собрав последние силы, пополз во тьму, из которой пришёл. Его движения были медленными, мучительными, тело содрогалось от боли, он оставлял за собой кровавый след, но не смел остановиться.

Хром проводил его взглядом, потом развернулся и вернулся к столу. Его дыхание — если он вообще дышал — было абсолютно ровным, будто ничего не произошло. Он сел, поправил плащ, взял бокал с кровью Ганса. Слегка приподнял забрало шлема — ровно настолько, чтобы можно было поднести бокал к губам, но лицо осталось скрытым, — и отпил. Медленно, со вкусом, как пьют дорогое вино. Глоток за глотком. Потом опустил забрало обратно и произнёс всё тем же спокойным, учтивым тоном:

— Извините за это недоразумение. Сами видите, с какими идиотами приходится работать.

Адель смотрела на него и чувствовала, как внутри всё холодеет. Только что, у неё на глазах, этот вампир — это древнее, могущественное существо — избил собственного слугу до полусмерти только за то, что тот посмел закричать от боли, которую сам же Хром ему и причинил. Он орал на него, унижал, пинал, а через минуту уже сидел напротив и светским тоном извинялся за «недоразумение».

Это было не просто двуличие. Это было безумие — холодное, расчётливое, абсолютное безумие, рядящееся в доспехи аристократа. С одной стороны — учтивый вельможа, ведущий светскую беседу. С другой — дикий зверь, готовый растерзать любого, кто вызовет его неудовольствие.

— Возможно, — ответила Адель максимально нейтрально. Она не собиралась ни осуждать его, ни соглашаться. У неё была цель, и она была слишком близка к ней, чтобы рисковать.

Она отпила вино из бокала. Вкус был превосходным — терпким, глубоким, с нотками вишни и дуба. Контраст между этим изысканным напитком и тем, что только что произошло в этом зале, делал его почти тошнотворным.

— А теперь давайте к делу, — сказала она, ставя бокал на стол.

Адель протянула через стол целый мешок золота — увесистый, туго набитый имперскими талерами. Рядом с ним легла небольшая стеклянная колба — простая, без украшений, с притёртой пробкой.

Хром взял колбу. Его движения были точными, экономными — ни одного лишнего жеста. Он открыл пробку, снова приподнял забрало шлема — ровно настолько, чтобы поднести колбу к лицу. Адель не видела его губ, не видела, что именно он делает, но через несколько секунд услышала тихий, влажный звук — кап, кап, кап.

Семь капель. Ровно семь.

Он опустил забрало, закрыл колбу пробкой и протянул её Адель. Та взяла её — стекло было прохладным на ощупь, — спрятала в потайной карман на поясе. Хром тем временем взял мешок с золотом, взвесил его в руке и удовлетворённо кивнул.

Адель поднялась. Дело было сделано. Она получила то, за чем приехала. Теперь нужно было убираться отсюда как можно скорее, пока вампир не решил, что одной сделки недостаточно.

Она уже направилась к двери, когда голос Хрома остановил её:

— Используй дар с умом. — В его тоне не было угрозы, скорее — предостережение. — В ином случае это может привести к проблемам.

Адель обернулась. Вампир сидел в той же позе — спокойный, собранный, руки в латных перчатках сцеплены перед ним. Пламя свечей отражалось в тёмном металле его шлема, и в этом отражении было что-то гипнотическое.

— Я учту, — ответила она и вышла.

Дверь закрылась за ней с глухим стуком. Коридоры цитадели встретили её всё тем же полумраком и тишиной. Но теперь эта тишина казалась ей угрожающей. Она шла быстрым шагом, не оглядываясь, и думала только об одном: скорее наружу, скорее на свежий воздух, скорее прочь из этого каменного склепа.

Когда она наконец вышла из ворот цитадели, когда холодный ветер ударил в лицо, а над головой раскинулось серое, но всё же настоящее небо, она позволила себе выдохнуть.

Конюх подвёл ей лошадь. Она вскочила в седло, развернула лошадь и поскакала прочь из Телэрена — вверх по извилистой дороге, через мосты, мимо мрачных жителей, которые провожали её всё теми же пустыми взглядами.

Только когда город остался позади, когда каньон сменился холмами, а воздух — свежим ветром с востока, она позволила себе остановиться. Достала из потайного кармана колбу. Внутри, на доньшке, поблёскивали семь капель вязкой, тёмной жидкости, похожей на загустевшую кровь. Семь капель слюны вампира.

Она смотрела на них и чувствовала, как сердце бьётся чаще. Это была не просто редкая субстанция. Это был ключ. Ключ к тому, что могло изменить всё.

Вампиризм — странная, пограничная стадия между жизнью и смертью. Не совсем мёртвый, но уже и не совсем живой. Бессмертный. Слюна вампира была единственным способом передать эту сущность другому существу — через внутренний контакт, через кровь. Она могла

заразить как живого человека, так и уже мёртвого, только что испутившего последний вздох. Для вампиризма не имело значения, бьётся ли ещё сердце носителя или уже остановилось. Важно было лишь одно: успеть до того, как кровь в жилах высохнет.

Двенадцать лет она искала этот ингредиент. Двенадцать лет она моталась по всему острову, собирая слухи, наводя справки, ведя переговоры с сомнительными личностями и древними существами. И вот теперь, наконец, он был у неё.

Что она собиралась с ним делать — она не рассказывала никому. Даже Торн, её правая рука, не знал, зачем ей понадобилась слюна вампира. Это была её тайна. Её план. Её надежда.

Она убрала колбу обратно в потайной карман, поправила меч с кунцитовый рукоятью и тремя изумрудами на поясе и тронула лошадь. Впереди был долгий путь обратно — в Стоунстейт, в Тайнкор, в подполье, к своим.

К «Трём Изумрудам».

К делу, которое ещё не было окончено.

Глава 7: Трещина

Адель скакала на север уже пятый день. Позади остались мрачные ущелья Пантерхолда, патрули Гондерфелла, публичные казни и цитадель Ордена Кровавой Луны. Впереди лежала граница, за которой начинались земли Империи — ухоженные, упорядоченные, почти родные.

Она гнала лошадь быстрее, чем следовало, но не могла иначе. Колба со слюной вампира, спрятанная в потайном кармане, жгла бедро, как раскалённый уголёк. Семь капель. Семь крошечных капель, ради которых она потратила двенадцать лет. Которые стоили ей бессонных ночей, опасных связей, рискованных путешествий в земли, куда нормальный человек не сунулся бы и под страхом смерти.

И вот теперь они у неё.

Она думала о том, что будет дальше. План, который она вынашивала годами, наконец-то обретал реальные очертания. Раньше это была просто мечта, абстрактная и далёкая. Теперь у неё был ключ. Осталось только найти замок.

Границу она пересекла на рассвете шестого дня.

Переход был таким же резким, как и в прошлый раз, только теперь он ощущался иначе. Там, в Гондерфелле, земля была мёртвой — заброшенные поля, разрушенные деревни, люди с пустыми глазами. Здесь, в Империи, жизнь была ключом. Дороги были ровными, поля — возделанными, деревни — живыми. Из труб вился дымок, на улицах играли дети, у колодцев судачили женщины.

Адель смотрела на это и чувствовала странную смесь горечи и облегчения. Она ненавидела Империю. Ненавидела Императора, убившего её друзей. Ненавидела систему, которая сломала их восстание. Но она не могла не признать: здесь был порядок. Настоящий, работающий порядок, который давал людям то, чего не мог дать Гондерфелл — безопасность, стабильность, надежду на завтрашний день.

И от этого было только больнее.

Потому что свобода, за которую они сражались, оказалась не нужна тем, ради кого они проливали кровь.

Она ехала через Оргред, через Флетледс, через десятки мелких городков и деревушек, и везде видела одно и то же: сытые лица, новые дома, отремонтированные дороги. Империя отстраивала Стоунстейт. Делала его частью своего огромного, работающего механизма. И люди принимали это. Они не хотели новой войны. Не хотели нового восстания. Они хотели просто жить.

К исходу девятого дня пути на горизонте показался Тайнкор.

Старые каменные стены, посеревшие от времени и дождей, вздымались над рекой, как немой укор. Когда-то этот город был сердцем свободного Стоунстейта. Отсюда Виталия и Грид

отправлялись в свои походы. Сюда они возвращались с победой. Здесь, на главной площади, Дарлион зачитывал указы и принимал присягу у новых бойцов.

Теперь над воротами снова развевался чёрный имперский стяг.

Адель въехала в город через восточные ворота. Стража скользнула по ней равнодушными взглядами — ещё одна путница, мало ли таких. Она проехала по знакомым улицам, мимо знакомых зданий, и всё здесь было прежним, но каким-то чужим. Будто город, который она знала, умер, а на его месте вырос другой — похожий, но не тот.

Она оставила лошадь в конюшне на окраине, у старого приятеля, который не задавал лишних вопросов, и дальше пошла пешком. Через проходные дворы, через старые подвалы, через тайные ходы, о которых знали только свои. Путь до убежища «Трёх Изумрудов» занял около часа.

Когда она наконец спустилась в подвал старого склада в портовом квартале, был уже вечер.

В подвале было темно и тихо. Только одинокий фонарь горел на столе, за которым, сгорбившись над бумагами, сидел Торн. Он поднял голову, когда дверь открылась, и Адель увидела в его глазах что-то новое. Не радость от встречи. Не облегчение от того, что она вернулась живой. Что-то другое. Тяжёлое, накопившееся за долгие недели ожидания.

— Вернулась, — сказал он. В его голосе не было ни тепла, ни упрёка. Просто констатация факта.

— Вернулась, — ответила Адель, снимая плащ и вешая его на крюк у двери. — Как дела?

Торн отложил перо, сцепил руки на столе. Он молчал долгую минуту, и в этой тишине Адель почувствовала: сейчас что-то будет. Что-то, что назревало уже давно.

— Ты отсутствовала почти три недели, — сказал он наконец. — Три недели, Адель. Без вестей, без связи, без единого слова о том, куда ты направляешься и когда вернёшься.

— Я предупредила, что уезжаю, — ответила она, садясь напротив. — Оставила записку.

— Записку? — Торн горько усмехнулся. — «Вернусь через две недели. Если нет — действуйте по плану». Это не записка, Адель. Это плевок в лицо тем, кто ждёт тебя здесь и надеется, что ты жива.

Адель почувствовала, как внутри закипает раздражение. Она устала. Она провела две недели в седле, проехала через земли, кишящие врагами, заключила сделку с вампиром и стала свидетельницей убийства. И теперь, вместо того чтобы дать ей отдохнуть, Торн устраивает допрос.

— Я здесь, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Живая, здоровая, с результатом. Чего тебе ещё надо?

— Мне надо знать, куда ты едешь! — Торн повысил голос, и это было так неожиданно, что Адель вздрогнула. Она никогда не слышала, чтобы старый воин кричал. Он всегда был спокойным, сдержанным, надёжным. Сейчас перед ней сидел другой человек. — Мне надо знать, зачем ты исчезаешь каждый раз, когда ты нужна здесь! Мне надо знать, что ты не просто так рискуешь своей жизнью, потому что если ты погибнешь, всё рухнет! ВСЁ, Адель! Вся организация, всё, что мы строили двенадцать лет!

— Ничего не рухнет, — холодно ответила она. — Вы справитесь.

— Справимся?! — Торн вскочил, и его стул отлетел к стене. — Ты хоть понимаешь, что тут творится, пока ты разъезжаешь по своим таинственным делам? Берн едва сдерживает своих бойцов, которые ропшут, потому что не видят смысла в том, чем занимаются! Эльза рискует жизнью каждый день, добывая сведения, а мы не можем их использовать, потому что у нас нет ни ресурсов, ни плана! Люди уходят, Адель! Те, кто верил в нас, те, кто ждал, что мы что-то изменим, — они уходят! Потому что они не видят будущего! Потому что их лидер вечно где-то пропадает, а когда возвращается, не говорит ни слова о том, что делает!

Он замолчал, переводя дыхание, и вдруг сказал то, что, видимо, держал в себе очень давно:

— Ты хочешь знать, что говорят за твоей спиной? Они говорят, что тебя не было там. В Валдерфейне. Когда мы шли на штурм, когда мы входили в тронный зал, когда умирали наши друзья — тебя не было. Ты была здесь, в безопасности, организовывала оборону. А мы — мы были там. Мы видели, как Император убил королеву. Мы видели, как пал Грид. Мы видели, как Дарлион...

Он осёкся, не в силах продолжать.

Адель замерла. Её лицо, только что бывшее маской холодного презрения, дрогнуло. На мгновение в её глазах мелькнуло что-то — боль, старая, застарелая, которую она прятала годами. Удар попал в цель.

— Торн, — произнесла она медленно, и голос её изменился. Из ледяного стал глухим, надтреснутым. — Ты смеешь упрекать меня в том, что я не была в Валдерфейне? Ты, который понятия не имеет, почему я там не была?

Она шагнула к нему, и в её глазах теперь горел не холодный гнев, а что-то куда более страшное — старая, незаживающая рана.

— Это Дарлион приказал мне остаться. Он, мой командир, мой наставник, человек, которому я доверяла больше чем многим из вас, — он лично приказал мне организовывать оборону Тайнкора. Он сказал: «Адель, ты нужна здесь. Если мы не вернёмся, город должен выстоять. И только ты сможешь это сделать». И я осталась. Не потому, что боялась. Не потому, что хотела спасти свою шкуру. А потому, что таков был приказ.

Она замолчала, глядя куда-то сквозь Торна, в прошлое.

— Я стояла на стенах Тайнкора и смотрела на север, когда они уходили. Я видела их спины — Дарлиона, Грида, Виталии, твою, Берна, Эльзы. Я провожала вас и знала, что, возможно, никогда больше не увижу. И я осталась. Потому что должна была. Потому что таков был долг.

Она перевела взгляд на Торна, и в её глазах снова вспыхнула сталь.

— А когда вы не вернулись, когда я узнала, что они мертвы, — я не позволила себе сломаться. Я держала оборону этого проклятого города, пока имперцы не вошли в ворота. Я сражалась на улицах, когда вы уже были в подполье. Я вытаскивала раненых из-под завалов, когда вы прятались по норам. И я продолжала бороться — год за годом, месяц за месяцем, — когда многие из вас уже готовы были сдаться. Так что не смей, Торн. Не смей упрекать меня в том, что меня не было в Валдерфейне.

В подвале повисла тишина. Торн стоял, опустив голову, и его плечи дрожали.

— Прости, — прошептал он. — Я не должен был...

— Нет, не должен, — оборвала его Адель. — Но ты сказал. И теперь ты знаешь правду. А правда в том, что я всегда была там, где должна была быть. И всегда делала то, что должна была делать. И если ты думаешь иначе — это твоя проблема, не моя.

Она сделала паузу, глядя на него сверху вниз. Потом продолжила — тише, но от этого не менее жёстко:

— Ты хочешь знать, куда я езжу? Хочешь знать, что я делаю? Я ищу способ победить. Не выжить, не продержаться ещё один год — победить. И я его нашла. Но детали ты узнаешь только тогда, когда придёт время. А до тех пор — просто делай то, что должен. Держи организацию на плаву. Защищай людей. Поддерживай порядок. А остальное оставь мне.

Торн поднял голову. На его лице виднелась горечь — не от слабости, от печали.

— Ты изменилась, Адель, — сказал он. — Ты стала жёсткой. Холодной. Как сталь.

— Сталь выживает, — ответила она. — А всё остальное ломается.

Она взяла со стола свой меч — тот самый, с кунцитовый рукоятью и тремя изумрудами, — и направилась к двери. На пороге остановилась, обернулась.

— Я уезжаю через три дня, — сказала она. — Снова. И когда я вернусь, у нас будет всё, что нужно для победы. А до тех пор — не мешай мне.

Она вышла, и дверь закрылась за ней с глухим стуком.

Торн остался один. Он стоял посреди пустого подвала, глядя на закрытую дверь, и чувствовал, как внутри что-то надламывается. Не вера в дело — вера в человека, который это дело возглавлял. Он помнил другую Адель. Ту, что сражалась рядом с Гридом и Виталией. Ту, что прикрывала спину Дарлиону. Ту, что верила не только в победу, но и в людей, которые шли за ней.

Теперь перед ним была другая женщина. Холодная, резкая, не терпящая возражений. Женщина, которая готова была растоптать любого, кто встанет у неё на пути. Даже своих.

Он тяжело опустился на стул, взял в руки перо, но не мог писать. Мысли путались, перед глазами стояло её лицо — прекрасное и чужое, как у статуи.

«Мы для неё — просто инструменты, — подумал он. — Как молоток или зубило. Полезные, пока работаем. Но если сломаемся — выбросит и возьмёт новые».

Он не знал, прав ли был. Не знал, заслуживал ли такого обращения. Знал только одно: что-то сломалось. Между ним и Адель, между лидером и её людьми, между прошлым и будущим «Трёх Изумрудов». И сможет ли эта трещина затянуться — покажет только время.

Берн ждал её у выхода из подвала.

Он стоял, прислонившись к стене, и его огромная фигура почти полностью перегораживала узкий коридор. Увидев Адель, он выпрямился и посмотрел на неё своим обычным, мрачным взглядом. Но сегодня в этом взгляде было что-то ещё.

— Слышал, — сказал он коротко. — Ваш разговор. Не специально. Просто мимо шёл.

Адель остановилась. Она не была удивлена — Берн часто оказывался «просто мимо» в самые неподходящие моменты. Он был вышибалой, и его работа требовала быть в курсе всего, что происходит в организации.

— И что ты думаешь? — спросила она без всякого выражения.

Берн помолчал, подбирая слова. Он никогда не был мастером говорить, предпочитая делу слова, но сейчас, кажется, решил сделать исключение.

— Думаю, ты была жестока, — сказал он наконец. — Слишком жестока. Торн — хороший человек. Он делает всё, что может. Мы все делаем.

— Я знаю, — ответила Адель.

— Тогда зачем? Зачем ты так с ним?

Адель посмотрела на Берна — на этого огромного, грубого мужчину, который когда-то был простым бойцом в отряде Дарлиона, а теперь стал одним из столпов организации. И вдруг почувствовала усталость. Не физическую — душевную. Ту, что накапливается годами и не проходит даже после самого долгого сна.

— Потому что иначе нельзя, — сказала она. — Если я покажу слабость, если я начну сомневаться, если я позволю им думать, что я такая же, как они, — всё рухнет. Они должны верить, что я знаю, что делаю. Даже если я сама не всегда в этом уверена.

— А ты уверена? — спросил Берн.

Адель помолчала. Потом ответила:

— Уверена. Теперь — да.

Она прошла мимо него, но Берн остановил её, положив руку на плечо. Его ладонь была тяжёлой, как кузнечный молот, но прикосновение — удивительно мягким.

— Мы с тобой, Адель, — сказал он. — Все мы. Даже если ты нас не ценишь. Даже если ты думаешь, что мы просто инструменты. Мы — твои люди. И мы пойдём за тобой до конца. Просто... — Он запнулся. — Просто иногда говори нам, что мы тебе нужны. Этого достаточно.

Он убрал руку и ушёл, оставив её одну в тёмном коридоре.

Адель стояла, глядя ему вслед, и чувствовала, как что-то внутри неё сжимается. Не жалость. Не раскаяние. Что-то другое, чему она не могла подобрать названия.

Она тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, и пошла дальше. Впереди были три дня отдыха. А потом — снова дорога. Снова риск. Снова тайны.

Но теперь у неё было то, чего не было раньше. Ключ. Семь капель слюны вампира. И план, который она никому не расскажет до тех пор, пока не придёт время.

Той же ночью, когда Адель уже спала в своей комнате (крошечной каморке без окон, зато с крепкой дверью и надёжным запором), Торн сидел в общем зале убежища. Свеча догорала, бумаги были отложены в сторону. Напротив него сидела Эльза.

Она вернулась из Флетледса всего час назад — уставшая, пропылённая, но довольная. Её миссия увенчалась успехом: она раздобыла сведения об имперском наместнике, который готовил карательную экспедицию, и теперь у организации был рычаг. Наместник, как выяснилось, имел любовницу на стороне и двоих внебрачных детей, о которых его жена не знала. Этого было достаточно, чтобы заставить его отложить экспедицию.

— Ты молодец, — сказал Торн, выслушав её доклад. — Это спасёт жизни.

— Надеюсь, — ответила Эльза, потягивая горячий сбитень. — Но ты не поэтому меня позвал.

Торн покачал головой.

— Ты слышала? — спросил он. — Наш разговор с Адель?

— Краем уха. — Эльза поставила кружку на стол. — Она была жестока.

— Она была жестока, — эхом отозвался Торн.

Они помолчали. Потом Эльза сказала:

— Знаешь, я много думала об этом. О ней. О том, куда она ездит и что делает. И я пришла к выводу: она что-то задумала. Что-то большое. Что-то, что может изменить всё.

— Но почему она не говорит нам? — спросил Торн. — Почему не доверяет?

— Может, потому что боится? — предположила Эльза. — Не за себя — за нас. За то, что если мы узнаем, то попытаемся её остановить. Или, наоборот, бросимся помогать и испортим всё.

— Или потому, что план настолько безумен, что она не хочет нас пугать, — добавил Торн. Эльза усмехнулась.

— Это больше похоже на правду. Адель всегда была безумной. В хорошем смысле.

— В хорошем ли? — Торн задумчиво посмотрел на догорающую свечу. — Безумие — это то, что помогает побеждать. Но оно же и разрушает. Вспомни Грида. Вспомни Виталию. Они тоже были безумны — и посмотри, чем это кончилось.

— Они погибли за то, во что верили, — тихо сказала Эльза. — Я бы хотела так же.

Торн ничего не ответил. Он смотрел на свечу и думал о том, что завтра Адель снова уедет. И снова никто не будет знать, куда и зачем. И снова они будут ждать, надеяться и бояться.

И где-то в глубине души он понимал: это никогда не изменится. Потому что такова цена. Цена лидерства. Цена борьбы. Цена надежды, которая отказывается умирать.

Глава 8: Пробуждение

Адель покинула Тайнкор на рассвете, когда город ещё спал, укрытый предутренним туманом. Она ехала на север, и на этот раз её путь лежал не через земли Гондерфелла, не через имперские тракты, а через дикие, малонаселённые территории, которые когда-то назывались Вольными землями.

Теперь это было Вольноземье.

Государство орков — молодое, недавно появившееся на картах, ещё не успевшее обрасти бюрократией и законами. Организовать орков оказалось куда сложнее, чем людей. Они не привыкли к дисциплине, не признавали авторитетов, не хотели жить по правилам, кото-

рые устанавливал кто-то другой. Поэтому фактически Вольноземье представляло собой лишь несколько городов, разбросанных среди бескрайних степей, а остальные земли — цветочные поля, холмы, перелески — всё ещё были абсолютно свободными. Дикими. Ничьими.

Именно там, в этом царстве цветов и ветра, Адель должна была встретиться с человеком, который вёз крайне ценный груз. Груз, который она не могла вывезти сама — её бы повязали под Валдерфейном, едва она попыталась бы приблизиться к Чертогу. А он мог. Человек, который за не особо длительный промежуток времени смог заработать статус лучшего в своём деле. Наёмник. Бывший ассасин. Призрак, который когда-то служил Картелю, а теперь работал на тех, кто мог заплатить.

Лиам.

Дорога заняла четыре дня. Четыре дня Адель скакала через степи, ночевала под открытым небом, питалась сушёным мясом и водой из фляги. Она не боялась — в этих землях было спокойно. Орки, если и встречались, не проявляли враждебности. Они видели одинокую всадницу, но не видели угрозы. А может, просто не считали её достойной внимания.

На пятый день она достигла цели.

Это было огромное маковое поле. Тысячи, десятки тысяч алых цветов покрывали равнину до самого горизонта, и ветер гнал по ним волны, заставляя лепестки трепетать, как языки пламени. Воздух был густым, сладким, пропитанным ароматом мёда и полыни. Посреди этого моря стояла заброшенная хижина — старая, покосившаяся, с провалившейся крышей и пустыми глазницами окон.

Адель спешила, привязала лошадь к одинокому столбу, который когда-то, возможно, был частью забора, и стала ждать.

Ждать пришлось недолго.

Сначала она услышала скрип колёс. Потом — цоканье копыт. А потом из-за холма, поросшего маками, показалась повозка.

Она была старой, повидавшая немало хозяев, с потрёпанным тентом и облупившейся краской. Лошадь, тянувшая её, выглядела немногим лучше — низкорослая, коренастая, явно не для парадов. Но Адель знала: то, что везёт эта повозка, стоит целое состояние. И человек, сидящий на козлах, — единственный, кому можно было доверить такой груз.

Лиам остановил повозку в нескольких шагах от неё. Слез, спрыгнув легко, по-кошачьи. Он сильно изменился за эти годы.

Он вырос. Не в том смысле, что стал выше ростом (хотя это тоже) — Теперь его фигура обрела ту особую, хищную крепость, которая бывает только у мужчин, прошедших через десятки смертельных схваток и вышедших из них победителями. Плечи стали шире, руки — сильнее, но при этом он не потерял своей кошачьей грации. Каждое его движение было точным, экономичным, лишённым всего лишнего.

Одежда его была прежней — та же, что и двенадцать лет назад, только ещё более потрёпанная. Кожаный шлем, точь-в-точь такой же, как у имперских легионеров, только коричневым, вытертый до блеска на лбу и висках. Рукава куртки оторваны выше локтя, открывая сильные руки, защищённые ламелярными наручами — стальными пластинами на коже. На левом плече — стальной наплечник, простой, без изысков.

Но теперь к этому добавилось новое. Лицо его, прежде гладко выбритое, покрывала лёгкая щетина — не борода, а именно щетина, придававшая ему более суровый, более зрелый вид. И на поясе, среди привычных подсумков, висели трофеи.

Несколько белых капюшонов — оторванных, смятых, потерявших всякую ценность, кроме одной: они были доказательством. Лиам убивал агентов Картеля. Своих бывших коллег. И носил их капюшоны как напоминание — или как предупреждение.

Рядом с ними висел гондерфеллский плоский наплечник — знак того, что он сражался и с людьми в золотых доспехах. Небольшая металлическая пластина с имперской символикой —

серебряный дракон на чёрном поле, — говорила о стычках с легионерами. И, наконец, рукоять дезертстейтской сабли — изящная, с позолотой и драгоценными камнями, но без лезвия. Лезвие, видимо, было сломано в бою, и теперь от сабли осталась только рукоять — ещё один трофей, ещё одно доказательство.

Лиам ничего не сказал. Он молча обошёл повозку, откинул тент и достал оттуда гроб.

Он был тяжёлым — даже для такого сильного мужчины, как он. Дерево, которым он был обит, потемнело от времени, металлические ручки покрылись патиной. Но Лиам тащил его молча, без видимых усилий. Он доволоч его до Адель, поставил на землю и протянул руку.

Адель бросила ему мешок с золотом. Тяжёлый, туго набитый имперскими талерами. Лиам поймал его одной рукой, взвесил, удовлетворённо кивнул. Потом развернулся, вскочил на козлы, хлестнул лошадь — и повозка покатила прочь, исчезая за холмом так же быстро, как появилась.

Адель осталась одна. Посреди макового поля. С гробом.

Она затащила гроб в заброшенную хижину. Это было непросто — он оказался куда тяжелее, чем выглядел, — но она справилась. Волоком, сантиметр за сантиметром, она протаскала его через порог и оставила посреди комнаты, где когда-то, возможно, стоял стол или очаг. Теперь здесь были только голые стены, покрытые паутиной, и пыльный пол, по которому гулял сквозняк.

Её руки дрожали.

Она стояла над гробом, глядя на него, и не могла заставить себя открыть крышку. Двенадцать лет. Двенадцать лет она шла к этому моменту. Двенадцать лет она моталась по всему острову, искала ингредиенты, вела переговоры, рисковала жизнью. Двенадцать лет она хранила эту тайну — даже от самых близких. И вот теперь, когда цель была достигнута, она боялась.

Боялась, что ничего не получится. Боялась, что получится, но не так, как она надеялась. Боялась того, что увидит, когда откроет крышку.

Она собралась с мыслями. Глубоко вдохнула — воздух в хижине пах пылью, старым деревом и маками. Положила руки на крышку. И открыла.

Внутри лежала Виталия.

Королева Стоунстейта. Та, ради которой они сражались. Та, которую убил Император двенадцать лет назад в тронном зале Валдерфейна.

Её тело не тронуло разложение. Это было невозможно — но факт оставался фактом. Кожа Виталии, обычно золотистая от загара, теперь была бледной, но не белой, не мертвенной. Скорее, цвета слоновой кости, чуть тронутой временем. Тёмно-золотые волосы, остриженные когда-то коротко, лежали вокруг головы, как нимб. Глаза были закрыты, губы плотно сжаты, и на лице застыло выражение — не боли, не страха, а какого-то странного, отстранённого покоя.

Вдоль всего тела, ровно посередине, проходил огромный защитный разрез. Грубые стежки, сделанные явно не целителем, а скорее бальзамировщиком, пересекали грудь, живот, уходили вниз. Адель знала, что это след от меча Императора — того самого удара, который разрубил Виталию надвое. Кто-то зашил её. Там, в катакобах под Главным Чертогом. Там, где Император хранил свои трофеи.

Морозная соль.

Адель видела её — крошечные кристаллы, всё ещё поблёскивавшие в складках одежды Виталии и в её волосах. Это был очень сильный алхимический ингредиент: он был холоднее льда в двести раз и при этом не таял. Император использовал её, чтобы сохранять тела своих поверженных врагов. Все достойные противники, все исторические личности, современником которых он стал, были похоронены там, в катакобах, замороженные солью. Как экспонаты в музее. Как напоминание о его победах.

Адель смотрела на Виталию и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Она достала из потайного кармана колбу со слюной вампира. Потом — небольшую иглоку, кото-

рую приготовила заранее. Смочила кончик иглы вязкой, тёмной жидкостью. Наклонилась над гробом.

Её рука не дрожала. Теперь — нет.

Она легонько вколола иглу в запястье трупа — туда, где под бледной кожей ещё угадывались вены, — и резко выдернула. Слюна вампира попала в кровь. Вернее, в то, что когда-то было кровью.

На мгновение ничего не происходило. А потом Виталия открыла глаза.

Она встала — резко, судорожно, как человек, вынырнувший из-под воды. Из её горла вырвался крик — не громкий, скорее сдавленный, полный боли, холода и потрясения. Тело её задрожало, забилося в конвульсиях, и она схватилась за края гроба, пытаясь удержаться. Клыки — те самые, вампирские — удлинились, заострились, проступив из-под верхней губы. Глаза, только что бывшие обычными, на мгновение вспыхнули алым, а потом снова стали прежними — зелёными, глубокими, живыми.

Вампир. Теперь она была вампиром. Живая — и неживая одновременно. Бессмертная. Воскресшая.

Виталия огляделась. Её взгляд, мутный от шока, скользнул по стенам хижины, по паутине, по пыльному полу, по лицу Адель. Она не узнала её — не сразу. Двенадцать лет прошло. И Адель изменилась.

— Г-г-г-где я? — спросила Виталия, и голос её был слабым, дрожащим, как у человека, который только что вышел из ледяной воды. — К-к-кто в-в-вы?

— Я Адель, — ответила та, не делая попытки приблизиться. — С момента вашей смерти прошло двенадцать лет. Мы не были подругами, но без вас сопротивление — ничто.

Виталия смотрела на неё долгую минуту. Потом медленно, опираясь на край гроба, встала. Соль, всё ещё покрывавшая её одежду, осыпалась на пол мелкими кристаллами, и каждый шаг давался ей с трудом. Она стряхнула с себя остатки соли — с плеч, с волос, с платья, — и снова посмотрела на Адель.

— Зачем? — спросила она.

Вопрос прозвучал просто, но в нём было столько всего — непонимание, боль, усталость. Словно она уже знала ответ, но хотела услышать его от той, кто это сделал.

— Как «зачем»? — Адель шагнула к ней. — Вы — единственная надежда сопротивления и всего Стоунстейта. Вы — королева. Вы — символ. Люди пойдут за вами. Они ждали вас! Двенадцать лет ждали!

Виталия покачала головой. Медленно, печально.

— Я мертва, — сказала она. — А за мертвецом никто не пойдёт.

— Но...

— Адель. — Виталия подняла руку, останавливая её. Голос её окреп, перестал дрожать. — Я понимаю твоё желание вернуть былую славу нашего дела. Но оно больше не «наше». Оно — твоё. Теперь ты будешь вести неравнодушных за собой. А я... — Она замолчала, глядя куда-то вдаль, сквозь стены хижины. — Я хочу вернуться к нему.

Адель не нужно было спрашивать, кого она имеет в виду. Грид. Гридмер. Алхимик, который любил её больше жизни. Который погиб, пытаясь спасти её. Который ждал её там, за границью, уже двенадцать лет.

Виталия огляделась и нашла в углу хижины небольшую вазочку с крышкой — старую, потрескавшуюся, но целую. Она взяла её, стряхнула пыль и протянула Адель.

— И ещё, — сказала она. — Перед тем как я вернусь к Гриду, у меня будет одна просьба.

— Какая? — голос Адель дрогнул.

— Отвези мой прах в Тайнкор. Пусть он вернётся домой.

Адель взяла вазочку. Её пальцы сжали холодную керамику, и она почувствовала, как к горлу подступает ком.

Виталия направилась к выходу из хижины. Её шаги были лёгкими, почти невесомыми, как будто она уже наполовину принадлежала иному миру. Но на пороге её остановила Адель — положила руку на плечо, не в силах отпустить.

— Вы в этом уверены? — спросила она, и голос её сорвался.

Виталия обернулась. В её глазах — зелёных, глубоких, тех самых, что когда-то заставляли людей идти за ней в огонь, — была тихая, спокойная печаль.

— Да, — сказала она. — Так будет правильно.

— Тогда... — Адель замолчала, чувствуя, как по щекам текут слёзы — первые за много лет. — Тогда передайте привет Гриду. Я крайне скучаю.

Виталия улыбнулась — кроткой, мягкой улыбкой, в которой не было ни горечи, ни сожаления. Только покой.

— Передам, — сказала она.

И вышла наружу.

На улице стоял солнечный день.

Яркий, тёплый, залитый золотым светом. Маковое поле вокруг хижины полыхало алым, и небо над ним было чистым, голубым, без единого облачка. Ветер гулял по цветам, заставляя их кланяться, и в этом движении было что-то почтительное — будто сама природа склонялась перед той, кто когда-то была королевой.

Виталия шагнула в этот свет.

И начала рассыпаться.

Это было не страшно — скорее, красиво. Её кожа, её волосы, её одежда — всё это обращалось в мелкий, серебристый прах, который подхватывал ветер и уносил в небо. Она не кричала, не плакала. На её лице застыла та самая кроткая улыбка — улыбка человека, который наконец-то обрёл покой.

Адель стояла в дверях хижины и смотрела. Слёзы текли по её лицу, но она не вытирала их. Она видела, как прах Виталии поднимается в воздух, как ветер закручивает его в спираль, и — может, ей показалось, а может, так и было — на мгновение этот прах принял образ королевы. Тонкий, прозрачный, сотканный из света и пыли, он на секунду замер над маковым полем, а потом ветер подхватил его и понёс — прямо к Адель, в вазочку, которую она всё ещё сжимала в руках.

Прах закружился над вазой, как маленький смерч, и мягко опустился внутрь. Адель закрыла крышку. Завинтила. Прижала вазу к груди.

И упала на колени.

Всё, что она делала. Все эти годы. Все эти разъезды, сделки, риск. Всё это было зря.

Она надеялась на чудо. На то, что Виталия вернётся, возглавит сопротивление, вдохнёт новую жизнь в угасающее дело. Но королева выбрала иное. Она выбрала покой. Она выбрала его.

И Адель не могла её винить.

Она встала. Отряхнула колени. Подошла к лошади, которая терпеливо ждала у столба. Положила вазу в седельную сумку, туда, где раньше лежала колба со слюной вампира — теперь пустая, ненужная. Села в седло.

Теперь ей предстояло выполнить последнюю просьбу королевы.

Отвезти её прах в Тайнкор. Вернуть его домой.

Она тронула лошадь и поскакала на юг, туда, где за холмами и степями лежал старый каменный город, когда-то бывший сердцем свободного Стоунстейта. Ветер дул ей в спину, и маковое поле колыбалось вокруг, как море, провожая её в последний путь.

Адель не оглядывалась. Она смотрела вперёд. Туда, где её ждали живые.

Глава 9: Совет танов

Ихт, древнейший город тёмных эльфов, встретил рассвет серым, тяжёлым небом. Тучи, гонимые ветром с Эмейского моря, нависали над башнями из тёмного камня и причудливого дерева, обещая дождь. В гавани, укрытой в глубокой, защищённой скалами бухте, покачивались на волнах корабли — изящные эльфийские клиперы с чёрными парусами, торговые когги людей, драккары с севера. Город жил своей обычной жизнью: рыбаки выгружали улов, купцы раскладывали товары, стражники патрулировали улицы. Но в воздухе чувствовалось напряжение. Сегодня был особенный день.

В замке тана, высеченном в скале над гаванью, собирался Совет танов Тёмных земель.

Это случалось нечасто — раз в несколько лет, когда того требовали обстоятельства. Обычно каждый тан правил своим городом самостоятельно, не вмешиваясь в дела соседей. Но сейчас, когда весь остров бурлил, когда Империя на севере наращивала мощь, Гондерфелл на юго-западе высасывал ресурсы из захваченных провинций, а в горах Гиганттауна и вовсе творилось нечто невообразимое, — сейчас требовалось принять решение. Одно на всех. И каждый тан прибыл в Ихт, чтобы отстаивать свой взгляд на будущее Тёмных земель.

Зал Совета находился в самом сердце замка. Это было огромное круглое помещение, вырубленное в скале, с высоким сводчатым потолком, терявшимся в полумраке. Стены, сложенные из чёрного базальта, были украшены древней резьбой — сценами из истории тёмных эльфов, от прихода на остров до великих битв с людьми. В специальных нишах горели магические светильники — не факелы, а кристаллы, излучавшие ровный, холодный, сиреневый свет. Их мерцание придавало лицам собравшихся неестественный, почти потусторонний оттенок.

В центре зала стоял огромный круглый стол из чёрного дерева, инкрустированный серебряными рунами. Вокруг него, на одинаковом расстоянии друг от друга, располагались высокие кресла с резными спинками — по одному для каждого тана. Сейчас почти все они были заняты.

Морвейн, тан Ихта, сидела во главе стола. Не потому, что имела больше прав, чем остальные, — формально все таны были равны. Но Ихт был крупнейшим портом Тёмных земель, а сама Морвейн, несмотря на молодость (по человеческим меркам ей было около девятнадцати, по эльфийским — почти ребёнок), уже успела заслужить репутацию решительного и дальновидного правителя. Она заняла должность тана три года назад, когда предыдущий управитель — её наставник — погиб при загадочных обстоятельствах. И за эти три года доказала, что достойна своего места.

Рядом с ней, чуть позади, стоял её отец — Диром. Бывший глава Тёмного Ордена, маг фиолетовой стихии, человек, чьё имя когда-то произносили с трепетом и страхом. Теперь он был просто отцом — высоким, широкоплечим, с лицом, которое трудно было назвать красивым, но которое притягивало взгляд: волевое, мужественное, с лёгкой асимметрией, делавшей его живым, настоящим. В простых, но дорогих ножнах на его поясе висел меч с фиолетовым камнем в форме ромба на рукояти — тот самый, что когда-то принадлежал павшему Тёмному Ордену. Он не вмешивался в разговор, но одно его присутствие придавало Морвейн уверенности.

Остальные таны расселись вокруг стола. Морвейн обвела их взглядом, мысленно отмечая каждого.

Напротив неё, в кресле с подчёркнуто прямой спиной, сидел тан Корвин из Ундерспайра — города ремесленников и шахтёров, что лежал в глубине гор, вдали от моря. Корвин был самым старым из присутствующих — его возраст уже перевалил за двести лет. Его лицо, покрытое сетью глубоких морщин, напоминало потрескавшуюся кору древнего дерева, а глаза — маленькие, острые, цепкие — смотрели на мир с холодным, расчётливым прищуром. Он был консерватором до мозга костей. Всё новое вызывало у него подозрение, а любые перемены казались угрозой устоям, на которых держались Тёмные земли последнюю тысячу лет. Одет он был в строгие тёмные одежды без всяких украшений — единственной дорогой вещью при нём был массивный перстень с чёрным опалом, символ его власти.

Рядом с Корвином, чуть развалившись в кресле, сидел тан Ордок из Кармнила — города грибных рощ и подземных садов. Ордок был полной противоположностью Корвину: молодой (по эльфийским меркам — около восьмидесяти пяти лет), амбициозный, с вечной усмешкой на губах и блеском в глазах, который не предвещал ничего хорошего. Его одежда была яркой, вызывающей — тёмно-фиолетовый камзол с золотым шитьём, массивные перстни на пальцах, серьга с рубином в ухе. Он любил роскошь, любил власть и не скрывал этого. Говорили, что свой пост он получил не столько благодаря мудрости, сколько благодаря умению плести интриги и заключать выгодные союзы. Но нельзя было отрицать: Кармнил под его управлением процветал, и это давало ему вес в Совете.

Дальше, в кресле с высокой спинкой, сидела тан Элира из Мглистого Залива — приморского города, известного своими верфями и суровыми рыбаками. Элира была единственной женщиной-таном, кроме самой Морвейн. Ей было около девяносто лет, и она правила своим городом уже полвека. Лицо её, с резкими, почти мужскими чертами, было обветрено морскими ветрами, а руки, лежавшие на столе, были грубыми, как у простого рыбака. Она не любила политику, не любила долгие разговоры и не скрывала этого. Её интересовало только одно: чтобы её город жил в мире и чтобы торговля шла бесперебойно. Всё остальное было для неё пустой тратой времени.

Чуть поодаль сидел тан Аркен из Зайта — города-крепости на северной границе Тёмных земель, у самого перевала, ведущего в Лесные земли. Аркен был воином до мозга костей: высокий, жилистый, с лицом, покрытым шрамами, и глазами, которые, казалось, никогда не теряли бдительности. На нём не было парадных одежд — только практичный дорожный костюм из плотной ткани, усиленный кожаными вставками, и меч на поясе, с которым он, похоже, не расставался даже во сне. Он видел слишком много битв. И он знал: новая война не за горами. Его задачей было защитить северные рубежи, и он был готов к этому.

Рядом с Аркеном расположился тан Велон из Тал'мера — города, стоявшего на пересечении торговых путей, связывавших все города Тёмных земель. Велон был дипломатом по призванию: мягкий в обращении, с неизменной доброжелательной улыбкой и внимательным, изучающим взглядом. Его одежда была богатой, но не вызывающей — тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой. В разговоре он всегда старался сгладить острые углы, найти компромисс, примирить враждующие стороны. Это делало его полезным посредником, но некоторые считали его слабым и нерешительным. Впрочем, сам Велон относился к этому с философским спокойствием — он знал, что мягкость тоже может быть оружием.

И наконец, последней среди танов была тан Мордра из одноимённого города Мордра — самого южного форпоста Тёмных земель, граничившего с территорией, захваченной Гондерфеллом. Мордра была воином, как и Аркен, но совершенно иного склада. Если Аркен был холоден и расчётлив, то Мордра — горяча и порывиста. Её лицо, красивое и хищное, было покрыто тонкими ритуальными шрамами, обозначавшими высокий статус. Она правила городом, который сама же и основала, и назвала его в свою честь — что было древней традицией, восходящей к первым векам тёмноэльфийской истории. Она говорила мало, но каждое её слово било точно в цель. И она не боялась никого — ни людей, ни гондерфеллцев, ни собственных сородичей.

— Итак, — произнесла Морвейн, и её голос, чистый и твёрдый, разнёсся под сводами зала. — Совет танов Тёмных земель объявляю открытым. Все мы знаем, зачем собрались. Положение на острове ухудшается с каждым месяцем. Империя на севере крепнет. Гондерфелл на юго-западе высасывает ресурсы из захваченных провинций. Догурцы в Гиганттауне готовятся к войне. А мы, Тёмные земли, остаёмся зажатыми между этими силами, как орех в тисках. Мы должны решить, что делать дальше. Ждать, пока нас раздавят? Или взять судьбу в свои руки?

Она сделала паузу, обводя взглядом собравшихся.

— У меня есть предложение. Основанное на многомесячных расчётах. Мы можем провозгласить независимость от Элфтенхолда. Полную. Окончательную. И, если понадобится, сменить правящую династию Экри, которая тысячу лет держит нас в подчинении.

Тишина, повисшая после её слов, была оглушительной.

А потом зал взорвался.

— Безумие! — Корвин стукнул кулаком по столу, и его старческий голос зазвенел от возмущения. — Ты хочешь разорвать союз, который держался двадцать лет, а до этого ещё тысячу? Из-за каких-то расчётов? Из-за твоих фантазий?

— Это не фантазии, тан Корвин, — спокойно ответила Морвейн. — Это трезвый анализ. Экри правят нами, но не защищают нас. Они заняты своими распрями с лесными эльфами, своей грызнёй за власть, а мы остаёмся беззащитными перед внешними угрозами.

— И что ты предлагаешь? — Ордок подался вперёд, и его глаза блеснули. — Провозгласить независимость и надеяться, что нас не сожрут? Или свергнуть Экри и посадить на трон... кого? Тебя?

— Я не претендую на трон, — отрезала Морвейн. — Я предлагаю, чтобы Тёмные земли управлялись Советом танов. Без короля. Без династии. Каждый город сам решает свою судьбу, а общие вопросы мы решаем вместе.

— Анархия, — буркнул Корвин. — Ты хочешь анархии.

— Я хочу свободы, — возразила Морвейн. — Свободы от гнёта лесных эльфов, которые считают нас низшей расой. Свободы от династии, которая использует нас как пешек в своих играх. Неужели вы этого не видите?

— Я вижу другое, — вмешалась Элира. Её голос, грубый, как скрежет корабельного днища о камни, прозвучал неожиданно громко. — Я вижу, что наши порты работают. Что торговля идёт. Что люди живут и не жалуются. Зачем нам рисковать всем этим ради каких-то абстрактных свобод? Что они нам дадут?

— Они дадут нам право самим решать свою судьбу, — ответила Морвейн. — Сейчас нашу судьбу решают за нас. Король Патрир Экри. Совет старейшин Элфтенхолда. Лесные эльфы, которые смотрят на нас как на грязь под ногами. Вы хотите и дальше жить под их пятой?

— Я хочу, чтобы мои рыбаки спокойно выходили в море, — отрезала Элира. — Чтобы мои верфи работали. Чтобы мои люди не боялись завтрашнего дня. А ты предлагаешь мне ввязаться в авантюру, которая может стоить нам всего этого.

— Авантюру? — Морвейн вскинула голову. — Ты называешь авантюрой наше право на существование?

— Я называю авантюрой то, что ты предлагаешь, — парировала Элира. — Потому что ты молода и горяча. Ты не видела, что бывает, когда такие, как ты, рвутся к свободе. Я видела. Пятьдесят лет назад. Когда подняли восстание в Зайте. Помнишь, чем это кончилось, тан Аркен?

Аркен, сидевший молча всё это время, поднял голову. Его лицо, покрытое шрамами, было бесстрастным.

— Помню, — сказал он коротко. — Король прислал карательный отряд. Восставших перебили. Город горел три дня.

— Вот именно, — кивнула Элира. — И ты хочешь, чтобы мы повторили это? Сейчас, когда вокруг нас сжимается кольцо?

— Ситуация изменилась, — возразила Морвейн. — Тогда мы были одни. Теперь у нас есть союзники.

— Союзники? — Ордок рассмеялся. — Кто? Империя, которая нас же и сожрёт при первой возможности? Гондерфелл, который видит в нас только ресурс? Догурцы, которые вообще не разговаривают с людьми и эльфами?

— У нас есть мы, — твёрдо сказала Морвейн. — У нас есть наши города, наши ресурсы, наша армия. И у нас есть право на самоопределение. Разве этого мало?

— Мало, — отрезал Корвин. — Потому что ты забываешь о самом главном: о стабильности. Тысячу лет мы жили под властью Экри. Тысячу лет у нас был порядок. Да, не идеальный. Да, нас не всегда уважали. Но у нас был мир. А ты хочешь разрушить всё это ради какой-то призрачной свободы, которую, скорее всего, мы не сможем удержать.

— Порядок? — Морвейн встала, и её голос зазвенел от гнева. — Ты называешь порядком то, что происходит сейчас? Когда наши братья и сёстры в других провинциях гибнут под гнётом чужаков? Когда Гондерфелл выкачивает ресурсы из Пантерхолда и Флеттенхолда, а мы сидим и ждём, когда наступит наша очередь? Когда Империя на севере наращивает мощь, а мы даже не можем договориться между собой? Это ты называешь порядком, тан Корвин?

Корвин побагровел, но не успел ответить — его перебил Ордок.

— Ты забываешь ещё об одном варианте, — сказал он, и его усмешка стала шире. — О том, о котором никто не хочет говорить вслух.

— О каком? — спросила Морвейн.

— О второй гражданской войне, — произнёс Ордок, и в зале повисла мёртвая тишина. — О том, чтобы выжечь лесных эльфов с нашей территории. Раз и навсегда. Пусть убираются обратно в свои леса или сгорят в них. Геноцид, если называть вещи своими именами.

— Ты сошёл с ума, — прошептала Элира.

— Нет, — Ордок покачал головой, и его глаза горели холодным, опасным огнём. — Я просто смотрю правде в глаза. Лесные эльфы нас ненавидят. Они всегда ненавидели. Они считают нас грязью, ошибкой природы, низшей расой. И они никогда не перестанут нас ненавидеть. Так почему бы не решить проблему радикально?

— Потому что это приведёт к войне со всем Элфтенхолдом! — воскликнул Корвин. — Ты хочешь, чтобы нас уничтожили?

— Я хочу, чтобы мы перестали быть жертвами! — отрезал Ордок. — Хватит прятаться! Хватит надеяться на милость короля! Да, это будет война. Но мы можем её выиграть. У нас есть ресурсы, у нас есть армия, у нас есть маги. И у нас есть право на месть за столетия унижений!

— Мечь? — Аркен вдруг заговорил, и его голос, низкий и хриплый, заставил всех замолчать. — Ты говоришь о мести, тан Ордок. Но я скажу тебе, что такое мечь. Я видел мечь. Я видел, как мой город горел пятьдесят лет назад. Я видел, как убивали моих людей — мужчин, женщин, детей. Ради чего? Ради того, чтобы доказать, что мы сильнее? Мы не сильнее. Мы — выжившие. И наша сила не в оружии, не в магии, не в числе. Наша сила в том, что мы умеем ждать. Мы умеем терпеть. Мы умеем выживать там, где другие гибнут. И если ты хочешь бросить всё это в топку войны — ты глупец.

Ордок вспыхнул, но сдержался. Аркена уважали даже те, кто не соглашался с ним. Его слово имело вес.

— Я с трудом могу представить себе подобное, но я соглашусь с Аркеном, — неожиданно произнесла Мордра. Её шрамы на лице, казалось, стали глубже в сиреновом свете. — Я живу на границе с землями Гондерфелла. Я знаю, что такое враг, который не уходит. Мои патрули каждую неделю находят их следы. Мои люди гибнут в стычках. И я знаю одно: война на два фронта нас уничтожит. Если мы ударим по лесным эльфам сейчас, Гондерфелл воспользуется этим и ударит с юга. А Империя — с севера. Нас сотрут в порошок.

— Так что же ты предлагаешь? — спросил Ордок с вызовом. — Сдаться?

— Я предлагаю выждать, — ответила Мордра. — Гондерфелл и Империя рано или поздно столкнутся. И когда это произойдёт, им будет не до нас. Вот тогда мы и ударим. Не по лесным эльфам — по тем, кто действительно нам угрожает.

— Разумно, — кивнул Велон, подавая голос впервые за всё время. Он сидел, сложив руки на столе, и его лицо выражало спокойную, почти безмятежную доброжелательность. —

Очень разумно. Но есть одна проблема: мы не знаем, когда они столкнутся. Это может случиться завтра, через год или через десять лет. А до тех пор нам нужно как-то жить. Торговать. Защищаться.

— Именно поэтому, — продолжил он, — я предлагаю компромисс. Мы не провозглашаем независимость открыто. Мы не свергаем Экри. Но мы начинаем действовать так, как будто мы уже независимы. Укрепляем армию. Расширяем торговлю. Заключаем союзы — тайные, неофициальные, но реальные. А когда придёт время — мы будем готовы.

— Компромисс? — фыркнул Корвин. — Это не компромисс. Это откладывание неизбежного.

— Это мудрость, — возразил Велон. — Мудрость, которая позволяет выжить.

— Мудрость или трусость? — подала голос Мордра. — Ты предлагаешь прятаться, тан Велон. Прятаться и ждать, пока другие решат нашу судьбу. Я не согласна. Мы должны действовать. Но не так, как предлагает Ордок, и не так, как предлагает Морвейн. Мы должны ударить первыми. Не по лесным эльфам — по Гондерфеллу.

В зале поднялся шум. Даже Корвин, казалось, был потрясён.

— Ты сошла с ума, — выдохнула Элира. — Напасть на Гондерфелл? В одиночку?

— Не в одиночку, — возразила. — Мы можем заключить союз с Империей. Они ненавидят Гондерфелл не меньше нашего. Если мы предложим им нашу помощь в обмен на признание нашей независимости...

— Империя нас сожрёт, — оборвал её Аркен. — Они не признают ничьей независимости. Для них есть только Империя и всё остальное.

— Тогда с догурцами, — не сдавалась. — Они воюют с Гондерфеллом уже много лет. Им нужны союзники.

— Догурцы не разговаривают с эльфами, — напомнил Велон. — Они вообще ни с кем не разговаривают.

— Мы можем их заставить, — упрямо сказала. — Если покажем, что мы готовы сражаться...

— Хватит! — Морвейн ударила ладонью по столу, и все замолчали. — Мы ходим по кругу. Каждый из вас предлагает свой путь — и каждый отвергает пути других. Корвин хочет сохранить статус-кво. Элира хочет мира любой ценой. Ордок хочет войны с лесными эльфами. Аркен хочет обороняться. Велон хочет компромисса. Мордра хочет наступать. И никто не хочет слушать друг друга.

Она обвела взглядом собравшихся.

— Я предложила вам план. План, основанный на расчётах, на фактах, на анализе. Вы его отвергли. Что ж, это ваше право. Но я не отступлю. Я продолжу готовить Ихт к независимости. И когда придёт время — а оно придёт, — я буду готова. С вами или без вас.

Она встала.

— Совет объявляю закрытым.

Вечером, когда последние таны покинули Ихт, Морвейн стояла у окна в своих покоях и смотрела на гавань. Корабли покачивались на волнах, огни фонарей отражались в тёмной воде. Город затихал, готовясь ко сну. Но в душе её не было покоя.

Диром вошёл бесшумно, как всегда. Она не слышала его шагов, но почувствовала его присутствие — знакомое, родное, успокаивающее.

— Тяжёлый день? — спросил он, останавливаясь рядом.

— Невыносимый, — ответила она, не оборачиваясь. — Они ничего не хотят слушать. Каждый твердит своё. Корвин — «традиции, традиции». Элира — «стабильность, торговля». Ордок вообще предложил геноцид. Аркен хочет сидеть за стенами и ждать, пока враг сам уйдёт. Велон предлагает компромисс, который ничего не решает. Мордра хочет напасть на Гондерфелл в одиночку. И никто из них не хочет признать, что прав может быть кто-то другой.

Диром кивнул. Он знал их всех — старых, упрямых, осторожных. Знал, что переубедить их почти невозможно.

— Они не готовы, — сказала Морвейн, и в её голосе зазвучала горечь. — Никто из них не готов. Они видят угрозу, но не хотят действовать. Они ждут, что всё решится само собой. Но оно не решится, отец. Оно никогда не решается само собой.

— Ты права, — ответил Диром.

— Тогда почему? — Она обернулась, и в её глазах, тёмных, глубоких, с вертикальными зрачками, стояли слёзы — не от слабости, от бессильной ярости. — Почему они не видят? Почему они такие... упёртые бараны? Они не готовы идти на компромиссы! Каждый из них уверен, что только его путь — правильный. И никто не хочет уступить ни на шаг!

Диром усмехнулся уголками губ.

— Потому что они боятся.

— Чего?

— Перемен. Потерь. Ответственности. — Он пожал плечами. — Ты молода, Морвейн. Ты не видела того, что видели они. Ты не пережила восстание в Зайте. Ты не помнишь, как горели дома, как гибли люди. Они помнят. И этот страх сидит в них глубоко, как заноза, которую не вытащить.

— Но это было пятьдесят лет назад! — воскликнула она. — Мир изменился! Мы изменились!

— Мир изменился, — согласился Диром. — А они — нет. И это не их вина. Они такие, какие есть. Консерваторы. Прагматики. Осторожные. Они не плохие правители. Они просто... не лидеры. Лидер — тот, кто ведёт, когда остальные боятся. Тот, кто берёт на себя ответственность, когда остальные прячутся. Ты — лидер, Морвейн. Поэтому тебе так тяжело с ними.

Она отвернулась, снова глядя на гавань.

— Я устала, отец. Я так устала. Каждый день — борьба. С танами, с чиновниками, с купцами, с собственным народом. Я пытаюсь их убедить, пытаюсь показать, что есть другой путь. А они... они не слушают. Или слушают, но не слышат. И никто не готов идти на компромисс. Все стоят на своём, как стадо упрямых баранов, и ни на шаг не сдвинутся.

— А ты продолжай, — сказал Диром. — Не останавливайся. Даже если они не слышат сейчас — они услышат потом. Когда придёт время. Когда страх перед будущим перевесит страх перед переменами.

— А если не перевесит?

— Тогда мы будем действовать сами. — Он положил руку ей на плечо. — Как всегда.

Морвейн вздохнула, прижалась щекой к его ладони. На мгновение она снова стала не таном Ихта, не лидером, не стратегом — просто дочерью, которой нужен был отец. И он был рядом. Всегда.

— Спасибо, — прошептала она.

— За что?

— За то, что ты есть.

Диром ничего не ответил. Он просто стоял рядом, глядя на ночную гавань, на огни кораблей, на тёмную воду. И в его молчании было больше поддержки, чем в любых словах.

Где-то далеко, за морем, за горами, за лесами, зрела буря. Война, которой они так боялись, приближалась с каждым днём. И когда она наконец разразится, Тёмным землям придётся выбирать: сдаться, бежать или сражаться.

Морвейн знала, что выберет она.

Она выберет сражаться.

До конца.

Глава 10: Обитель знаний

Рассвет над Валдерфейном наступал не с первыми лучами солнца, а с первым ударом колокола на Башне Порядка. Его низкий, протяжный гул растекался над городом, проникая в каждое окно, в каждую щель, в каждый ещё не проснувшийся разум. Для большинства жителей столицы это был сигнал к началу трудового дня. Для Коллегии Свободного Изучения Магической Природы — призыв к знаниям.

Здание Коллегии, бывшая строительная контора, а ныне — одно из самых уважаемых учебных заведений Империи, просыпалось раньше всех. Ещё затемно в окнах загорались огни: магические светильники, питаемые кристаллами, не требовали растопки и не давали копоти. Ученики в серых формах — кожаных или бархатных, с бронзовыми заклёпками и брошью на правом плече — спешили по коридорам, прижимая к груди книги и свитки. Опоздание на первую лекцию каралось строго: дополнительные часы в библиотеке или, что хуже, чистка лабораторных котлов после алхимиков.

В главном холле, куда выходили двери всех основных корпусов, было многолюдно. Студенты сновали туда-сюда, собирались в группки, обсуждали лекции и предстоящие экзамены. Их мантии — серые у новичков, синие у старших, зелёные у специализирующихся на природной магии, красные у боевых магов — мелькали повсюду, создавая пёструю, живую картину. Высокий стоячий воротник, кожаный жилет-корсет с V-образным вырезом, массивные бронзовые заклёпки по краям, ремни с подсумками через плечо — форма СИМП была функциональной и при этом сохраняла ту самую готическую элегантность, которая всегда отличала эту Коллегию от прочих учебных заведений.

Воздух в холле был наполнен гулом голосов, шелестом страниц, стуком каблучков по каменному полу. Пахло воском, старой бумагой и лёгким, едва уловимым запахом магии, пропитавшей эти стены за долгие годы. Огромные часы на дальней стене, подарок от гильдии часовщиков Валдерфейна в благодарность за помощь в расчётах, отсчитывали минуты с бесстрастной точностью.

— Эй, смотри под ноги! — воскликнул кто-то, когда молодой ученик в серой мантии, погружённый в чтение на ходу, едва не врезался в группу старшекурсников.

— Простите! — пискнул тот, не поднимая головы, и заспешил дальше.

Старшекурсники — трое в синих мантиях с зелёными вставками — проводили его насмешливыми взглядами.

— Первогодки, — фыркнул один из них, высокий эльф с заострёнными ушами. — Вечно витают в облаках.

— Ты сам таким был два года назад, — заметил второй, коренастый парень с лицом, покрытым веснушками.

— Я не витал, — возразил эльф. — Я парил. Это другое.

Они рассмеялись и направились к лестнице, ведущей на второй этаж, где располагались аудитории факультета зачарования.

Факультет зачарования занимал огромную восьмиугольную башню с медной крышей, которая тускло поблёскивала в утреннем свете. Здесь учили создавать артефакты, вплетать магию в предметы, делать то, что всегда было главной гордостью СИМП. Внутри башни кипела работа — старшие ученики под руководством мастеров создавали первые серьёзные вещи: амулеты защиты, усилители магического дара, кольца, способные накапливать энергию.

В одной из лабораторий, заставленной столами с тиглями, пинцетами и увеличительными стёклами, мастер-зачарователь, пожилая женщина с седыми волосами, убранными в тугой пучок, объясняла группе учеников тонкости работы с лунным серебром.

— Главное — не температура, — говорила она, вода пинцетом над крошечным тиглем, в котором плавился металл. — Главное — намерение. Когда вы вкладываете энергию в предмет, вы должны точно знать, что хотите получить. Если ваши мысли будут путаться, артефакт

получится нестабильным. А нестабильный артефакт — это не просто брак. Это опасность. Понятно?

— Да, мастер Элмин, — хором ответили ученики.

— Вот и славно. А теперь — попробуйте сами. Только осторожно. В прошлый раз, когда Келвин пытался зачаровать ложку, она три дня летала по столовой и била всех по лбу. Я до сих пор не знаю, как он это сделал.

Ученики захихикали. Келвин, стоявший в заднем ряду, покраснел до корней волос.

Факультет призыва элементарей располагался в башне пониже, но более широкой в основании. Здесь пахло озоном и чем-то ещё — первородной стихией. В главном зале, где пол был испещрён кругами призыва, мастер-стихийник — высокий, сухощавый мужчина с лицом, изрезанным морщинами, — показывал группе старших учеников, как правильно чертить руны для вызова духа воздуха.

— Линия должна быть непрерывной, — говорил он, ведя мелом по каменному полу. — Если вы прервётесь хотя бы на долю секунды, поток энергии нарушится, и вместо послушного элемента вы получите дикий вихрь, который разнесёт пол-лаборатории. Такое уже бывало. Дважды.

Ученики слушали с напряжённым вниманием. Никто не хотел повторять судьбу тех, кто «уже бывал».

В это же время в соседней аудитории, где занимались новички, происходило нечто менее опасное, но не менее важное. Молодой мастер, недавний выпускник, учил первокурсников основам концентрации.

— Закройте глаза, — говорил он, расхаживая между рядами. — Представьте, что у вас в ладони лежит маленький шарик света. Он тёплый, но не обжигает. Он пульсирует в такт вашему сердцу. Почувствуйте его. А теперь — откройте глаза.

Несколько учеников действительно смогли создать крошечные, едва заметные огоньки. Большинство — нет. Но мастер не огорчился.

— Это нормально, — сказал он. — У вас всё получится. Не сегодня, так через месяц. Главное — не сдаваться.

Аудитории для стихийных школ были разбросаны по всему главному корпусу. Огненные маги занимались в помещениях с толстыми стенами и усиленной вентиляцией, чтобы случайный выплеск энергии не уничтожил всё вокруг. Сейчас там как раз шла лекция о контроле температуры пламени.

— Огонь — это не просто жар, — вещал мастер-пиромант, высокий мужчина с обожжёнными бровями и руками, покрытыми шрамами. — Огонь — это жизнь. Он дышит, он чувствует, он подчиняется вашей воле. Но если вы дадите слабину — он вас сожрёт. Буквально.

Он щёлкнул пальцами, и над его ладонью взметнулся язык пламени — оранжевый, почти белый в центре. Ещё один щелчок — и пламя сменило цвет на синий, потом на зелёный, потом на фиолетовый.

— Каждый цвет — это разная температура, — объяснил он. — Синий — самый горячий. Фиолетовый — самый холодный, если так можно сказать об огне. Сегодня мы будем учиться менять цвет. Кто хочет попробовать первым?

Желающих не нашлось. Мастер вздохнул.

— Ладно, тогда начнём с теории.

Водные стихийники работали в помещениях с бассейнами и сложной системой каналов. Воздушники — в высоких башнях с открытыми окнами, откуда открывался вид на весь Валдерфейн. Земные маги — в подвальных помещениях, где можно было работать с камнем, не опасаясь разрушить здание.

И везде кипела жизнь. Студенты спорили, смеялись, ошибались, пробовали снова. Коллегия была не просто учебным заведением — она была живым организмом, который дышал, рос и менялся с каждым днём.

Библиотека СИМП была гордостью Коллегии. Огромный зал с высоченными стеллажами, уходящими под самый потолок, вмещал десятки тысяч томов. Здесь были книги по всем мыслимым разделам магии: от элементарных учебников для новичков до запретных гримуаров, доступ к которым имели лишь высшие магистры. Вдоль стен стояли лестницы на колёсиках, и библиотекари, похожие на бесшумных призраков, скользили по ним, доставая нужные фолианты.

Воздух в библиотеке был особым — сухим, пахнущим старой бумагой, кожей переплётков и лёгким, едва уловимым запахом магии, пропитавшей эти стены за долгие годы. Тишина здесь была не просто отсутствием звука — она была плотной, осязаемой, как бархат. Даже шаги гасли в ней, даже шёпот казался кощунством.

Библиотекарь — старая женщина по имени Элмин (не та, что вела зачарование, а другая, её дальняя родственница) — сидела за массивной конторкой у входа и перебирала карточки каталога. Она работала здесь с первого дня основания новой Коллегии и знала каждый том, каждую страницу, каждую пометку на полях. Говорили, что она могла найти нужную книгу с закрытыми глазами — просто по запаху.

— Доброе утро, мастер Элмин, — поздоровался молодой ученик, подходя к конторке.

— Доброе, — ответила она, не поднимая головы. — Что ищешь?

— Трактат о природе магических кристаллов. Третий том.

— Третий стеллаж, четвёртая полка, между «Основами геомантии» и «Свойствами лунного камня». Только аккуратно — корешок надорван, страницы могут выпасть.

Ученик кивнул и исчез между стеллажами. Элмин проводила его взглядом и вернулась к каталогу. Она знала, что через час он вернётся и попросит ещё что-нибудь. Они всегда возвращались.

В дальнем углу библиотеки, за стеллажами с книгами по истории, сидел Маромал.

Он не изменился за эти годы — не внешне, во всяком случае. Та же измождённая фигура, те же глубокие тени под глазами, та же ранняя седина на висках. Но что-то в нём стало иным. Неуловимо, необъяснимо — как будто он научился носить свою усталость иначе. Не как бремя, а как часть себя.

На нём была простая серая мантия без знаков отличия — одежда, которую в Коллегии выдавали самым младшим студентам. Не потому, что он не заслужил более высокого ранга. Напротив, его дар, его уникальная звёздная магия, ставила его выше большинства магистров. Но Маромалу было всё равно на звания и регалии. Он отказался от них много лет назад и с тех пор не менял своего решения.

Перед ним на столе лежала книга. Недавняя находка — её обнаружили при раскопках старого догурского кургана на востоке Стоунстейта. Кожаный переплёт потрескался от времени, страницы пожелтели и стали хрупкими, как осенние листья. Но чернила, которыми были написаны строки, сохранились — тёмные, почти чёрные, они, казалось, впитали в себя века.

Книга была о лиридах.

Маромал перевернул страницу — осторожно, кончиками пальцев, боясь повредить ветхий пергамент. На него смотрел рисунок: маленькое, кругловатое существо, напоминающее лягушку. Ростом оно было не больше шестидесяти-семидесяти сантиметров — по пояс взрослому человеку. Кожа его, судя по описанию, варьировалась от салатного до болотно-зелёного, с тёмными пятнами на спине. Глаза — большие, выпуклые, с вертикальными зрачками. Рот — широкий, растянутый в подобии вечной, безмятежной улыбки. Передние лапы — короткие, с длинными, чувствительными пальцами. Задние — мощные, приспособленные для прыжков.

Лириды. Малоразвитая разумная раса. Они имели своё небольшое государство на востоке современного Стоунстейта. Не примитивное — скорее, простое. Они строили деревни из глины и тростника, выращивали съедобные грибы в подземных пещерах, плели корзины и лепили горшки. У них было примитивное наречие — набор гортанных звуков и посвистываний, которые они использовали для общения. Они не знали письменности, не знали металлургии, не знали магии. Но они знали другое: как жить в гармонии с природой, как слушать землю, как чувствовать приближение дождя за день до того, как он начинался.

Они были древними. Очень древними. Когда первые люди ступили на остров Родера, лириды уже жили здесь тысячелетиями. Они не воевали с пришельцами — просто отступали всё дальше на восток, в болота и топи, куда люди не хотели заходить. Они надеялись, что их оставят в покое.

Их надежды не оправдались.

Маромал перевернул ещё одну страницу. Здесь была карта — схематичная, но достаточно подробная, чтобы понять: государство лиридов занимало почти всю восточную часть современного Стоунстейта. От болот у подножия гор до самых берегов моря. Тысячи деревень, десятки тысяч лиридов. Целая цивилизация, которая никому не угрожала, ни с кем не воевала, никому не мешала.

А потом пришли люди.

Война между людьми и догурцами длилась долго — никто уже не помнил, сколько именно. Но закончилась она в один день. Ритуал «Последнее желание» — отчаянная попытка догурцев переломить ход войны. Они призвали силу, которую не могли контролировать. И эта сила ударила не только по людям.

Маромал читал строки, написанные ровным, почти бесстрастным почерком — видимо, автор книги был учёным, который записывал факты, а не эмоции. Но даже сквозь этот сухой слог пробивался ужас.

«Когда ритуал завершился, — гласила книга, — земля содрогнулась до самых оснований. Разлом прошёл через весь восток, от гор до моря. Болота, которые были домом для лиридов, ушли под воду. Деревни были сметены. Те, кто выжил, пытались бежать, но бежать было некуда. Через три дня после ритуала от государства лиридов не осталось ничего. Через месяц исчезли последние выжившие. Через год о них забыли все».

Вымерли. За один день. Потому что кто-то, кого они даже не знали, решил применить силу, которую не понимал.

Маромал откинулся на спинку стула. Его звёздная сила, всегда дремавшая где-то на границе сознания, отозвалась — тихим, едва уловимым гулом. Так бывало всегда, когда он погружался в древние тайны. Словно звёзды, к которым он был подключён, тоже хотели знать. Или помнили.

Лириды. Он никогда не слышал о них раньше. Никто не слышал. Они исчезли так давно, что даже память о них стёрлась. Только эта книга, случайно уцелевшая в каком-то кургане, напоминала о том, что они были. Жили. Дышали. Смотрели на небо своими большими, выпуклыми глазами и улыбались своей вечной, безмятежной улыбкой.

Теперь их нет.

Маромал закрыл книгу. Посидел немного, глядя в пространство перед собой. Потом встал, взял фолиант под мышку и направился к выходу из библиотеки.

Вечером, когда занятия закончились и ученики разбрелись по своим комнатам, Маромал сидел в своей лаборатории на верхнем этаже главного корпуса. Книга о лиридах лежала перед ним на столе, рядом с грудой других книг и свитков. Он перечитывал её уже в третий раз, пытаясь найти то, что, возможно, ускользнуло от него при первых прочтениях.

Лириды не знали магии. Но они что-то чувствовали. В книге упоминалось, что они могли предсказывать погоду, чувствовать приближение опасности, находить подземные источники

воды. Всё это — без единого заклинания, без единого артефакта. Просто потому, что они были частью природы. Частью этого мира.

«Может быть, — подумал Маромал, — они были не так просты, как кажется».

Он сделал пометку на полях своим угловатым, неразборчивым почерком. Потом отложил перо и подошёл к окну.

Ночь над Валдерфейном была звёздной. Тысячи огней горели в вышине, холодные, далёкие, вечные. Маромал смотрел на них и чувствовал, как его звёздная сила отзывается — тихим, едва уловимым гулом. Она всегда была с ним. Всегда будет.

Он думал о лиридах. О том, что они исчезли не потому, что были слабы или глупы. Они исчезли потому, что кто-то другой решил их судьбу. Ритуал, призванный уничтожить людей, уничтожил тех, кто даже не участвовал в войне. Случайная жертва. Побочный ущерб. Строка в древней книге, которую никто не читает.

«Мы не так уж отличаемся от них», — подумал Маромал. Коллегия тоже могла исчезнуть. Двенадцать лет назад, когда генерал Дорлинг призвал небесный камень, СИМП была стёрта с лица земли. Если бы не Император, если бы не его странная, почти болезненная любовь к библиотеке, — ничего бы не осталось. Ни башен, ни книг, ни памяти.

Так же, как от лиридов.

Он отошёл от окна, вернулся к столу. Открыл книгу на первой странице, где был изображён лирид — маленький, кругленький, с вечной улыбкой на широком рту.

— Теперь, я не забуду вас, — прошептал Маромал. — Определённо.

За окном зажигались огни Валдерфейна. Город жил своей жизнью, не зная, что в этот самый момент, в лаборатории на верхнем этаже, архимаг СИМП давал обещание существам, которые исчезли тысячу лет назад. И, может быть, именно это обещание было самым важным из всего, что он делал за последние годы.

Потому что помнить — значит сохранять жизнь. Даже после смерти.

Глава 11: Голос в песках

Маромал покинул Валдерфейн на рассвете, когда город ещё спал, укрытый предутренней дымкой. Он ехал один — верхом на низкорослой, выносливой лошадке, каких использовали имперские курьеры для дальних поездок. С собой он взял только самое необходимое: дорожный плащ, запас провизии, флягу с водой и, конечно, книгу о лиридах. Она лежала в седельной сумке, завернутая в промасленную ткань, чтобы не испортилась от сырости.

Путь на юго-восток лежал через земли, которые когда-то были сердцем Стоунстейта. Теперь это снова была Империя. Дороги — ровные, ухоженные, размеченные указателями — вели мимо возделанных полей, чистых деревень и новых мостов, отстроенных после войны. Всё здесь дышало порядком. Тем самым имперским порядком, который Маромал когда-то не особо любил, а теперь... теперь он не знал, что чувствует.

Он слишком долго жил в Валдерфейне. Слишком долго пользовался покровительством Императора. Слишком долго видел, как его Коллегия растёт и крепнет под имперским крылом. Ненависть, которая когда-то жгла его изнутри — ненависть к Императору, убившему Грида и Виталию, — не исчезла. Но она притупилась. Затянулась, как старая рана, которая уже не болит, но всё ещё ноет в сырую погоду.

Он гнал эти мысли прочь. Не время. Не место. Сейчас его ум был занят другим.

Лириды.

Они не отпускали его. С того самого дня, как он впервые открыл книгу, найденную в старом догурском кургане, эти маленькие кругловатые существа с вечной улыбкой на широких ртах преследовали его во сне и наяву. Не как кошмар — скорее, как загадка, которую он должен был разгадать. Как незавершённое дело, которое требовало завершения.

Он прочитал книгу трижды. От корки до корки. Изучил каждую карту, каждую схему, каждую пометку на полях. Он знал, где находилось государство лиридов — Липидар. Оно

занимало почти всю восточную часть современного Стоунстейта, от болот у подножия гор до самой границы с Элфтенхолдом. Он знал, как они жили, чем питались, во что верили. Он знал, что они погибли тысячу тридцать лет назад, когда догурский ритуал «Последнее желание» обрушил землю и утопил болота.

Но ему было мало этого. Он хотел узнать больше. Не просто факты — он хотел понять. Понять, кем были эти существа. Что они чувствовали, глядя на звёзды своими большими выпуклыми глазами. О чём думали, сидя у своих очагов в деревнях из глины и тростника. Почему их вечная улыбка казалась ему такой знакомой, такой... важной.

А ещё — и это он не признавал даже самому себе — он надеялся, что лириды могут быть связаны с его даром. Со звёздной магией. С той силой, что текла через него, соединяя с холодными огнями далёких созвездий. Он не знал, почему так думал. Это была просто интуиция — та самая, что вела его всю жизнь.

Дорога заняла пять дней. Пять дней он ехал через поля и леса, через деревни и городки, и везде видела одно и то же: мир. Спокойный, размеренный, почти скучный. Люди работали, торговали, растили детей. Никто не помнил о войне. Никто не помнил о восстании. И уж точно никто не помнил о лиридах.

На шестой день он достиг цели.

Старый догурский курган находился в глухом лесу, в стороне от дорог и деревень. Когда-то, тысячу лет назад, это было священное место — здесь догурцы хоронили своих вождей и совершали ритуалы. Теперь от него остался только холм, поросший мхом и кустарником, да тёмный провал входа, заваленный камнями.

Маромал спешился, привязал лошадь к старому дубу и подошёл ко входу. Камни, преграждавшие путь, были сдвинуты — видимо, те, кто нашёл здесь книгу, проделали эту работу до него. Он зажёл магический светлячок — маленький шар голубоватого света, повисший над его плечом, — и шагнул внутрь.

В кургане было холодно. Не тем холодом, что бывает зимой, а другим — древним, могильным, пропитанным веками забвения. Воздух пах сыростью, камнем и чем-то ещё — тленом? Нет, скорее, временем. Самим временем, которое застыло здесь, как комар в янтаре.

Маромал шёл по узкому коридору, вырубленному в скале. Стены были покрыты резьбой — догурскими рунами, сценами охоты и битв, изображениями драконов и каких-то странных существ, которых он не мог опознать. Светлячок выхватывал из темноты то одно, то другое лицо, и каждый раз Маромалу казалось, что они смотрят на него. Следят. Ждут.

Он нашёл комнату, где, судя по всему, и была обнаружена книга. Пустой постамент, обломки глиняной посуды, истлевшие остатки какой-то ткани. И — груда камней в углу, на которую он сначала не обратил внимания.

Интуиция заставила его подойти ближе. Он разгрёб камни — и замер.

Под ними, в небольшой нише, лежала карта.

Она была начерчена на тонком, почти прозрачном пергаменте, который чудом сохранился за столетия. Линии были едва различимы, но Маромал, прищурившись, разобрал очертания восточного Стоунстейта, границы Липидара и... точку. Маленький крестик в самом центре бывшего государства лиридов, у истока древней реки, которая давно исчезла с лица земли.

— Вот оно, — прошептал он. — Сердце Липидара.

Ещё два дня пути — и он нашёл это место.

Это была заброшенная, заросшая местность к востоку от современной границы Стоунстейта, там, где когда-то простирались болота. После ритуала «Последнее желание» земля здесь изменилась: болота ушли под воду, реки пересохли, а на их месте выросли густые, непроходимые леса. Но кое-что осталось.

Каменное сооружение.

Оно стояло на небольшом холме, окружённое вековыми дубами, чьи корни оплели его стены, как змеи. Это была небольшая пирамида, сложенная из тёмного, почти чёрного камня. Широкое основание, сужающееся кверху, и на самой вершине — плоская площадка, на которой, возможно, когда-то горел огонь. Или стояла статуя. Или приносились жертвы. Теперь здесь не было ничего — только камень, мох и тишина.

Стены пирамиды были покрыты трещинами, из которых пробивались трава и молодые деревца. Вход — две небольшие двери из потемневшего от времени камня — почти полностью заросли плющом и кустарником. Маромалу пришлось потратить почти час, чтобы расчистить их.

Двери были тяжёлыми — каменными, без петель, просто вставленными в пазы. Он упёрся плечом, надавил — и одна из створок медленно, с жутким скрежетом, отъехала в сторону. Изнутри пахло холодом, пылью и чем-то ещё — древним, забытым, но всё ещё живым.

Проход был узким. Очень узким. Маромал, при его-то росте, не мог войти туда даже согнувшись. Пришлось опуститься на колени и ползти.

Он полз долго. Очень долго. Час, может быть, больше. Время в этой крошечной тьме, нарушаемой только светом его магического светлячка, потеряло всякий смысл. Стены давили на плечи, потолок царапал спину, а воздух становился всё более спёртым, тяжёлым. Несколько раз он останавливался, чтобы перевести дух, и каждый раз его посещала одна и та же мысль: «Зачем я здесь? Что я ищу?»

Но он продолжал ползти. Потому что не мог иначе. Потому что где-то там, впереди, был ответ. Он чувствовал это.

И вот, наконец, туннель кончился.

Маромал выбрался из узкого лаза и встал во весь рост. Перед ним был огромный зал.

Он был круглым, с высоким сводчатым потолком, терявшимся в темноте. Стены, сложенные из тёмного, почти чёрного камня, были покрыты барельефами — сценами из жизни лиридов. Маленькие кругловатые существа с широкими ртами и большими глазами собирали грибы, плели корзины, танцевали под луной, смотрели на звёзды. Всё это было вырезано с таким мастерством, с такой любовью к деталям, что казалось — фигуры вот-вот оживут.

В центре зала, на невысоком каменном постаменте, стояла статуя. Лирид — ростом с человека, что было, видимо, художественным преувеличением, — смотрел вверх, на невидимое небо, и его широкий рот был растянут в той самой вечной, безмятежной улыбке, которую Маромал уже видел в книге. Одна лапа — короткая, с длинными чувствительными пальцами — была прижата к груди. Другая — вытянута вперёд, будто он указывал на что-то.

Маромал сделал шаг вперёд. Под его ногами захрустел песок — мелкий, белый, непохожий на обычный. Он покрывал весь пол зала ровным слоем.

Архимаг хотел было подойти к статуе, рассмотреть её поближе, но вдруг замер.

Ветер.

В этом подземном зале, на глубине десятков метров под землёй, откуда-то подул ветер. Лёгкий, тёплый, пахнувший чем-то незнакомым — не пылью, не камнем, а... пылью? Мёдом? Чем-то, чего здесь не могло быть.

Ветер коснулся песка под ногами Маромала. И песок зашевелился.

Архимаг отступил на шаг, глядя, как белые крупинки приходят в движение — не хаотичное, а осмысленное. Они скользили по полу, собираясь в линии, в буквы, в слова. Через несколько мгновений перед ним, прямо на песке, проступила надпись:

«Ты ведь не о лиридах информацию ищешь. Ведь так?»

Маромал замер. Сердце его, всегда бившееся ровно, пропустило удар. Он смотрел на слова, и в его голове билась одна-единственная мысль: «Кто это? Кто со мной говорит?»

— Что? — выдохнул он, и его голос эхом разнёсся под сводами.

Ветер, будто услышав его, подул снова. Песок заскользил, стирая старую надпись и создавая новую:

«Тебе не нужны лириды. Ты хочешь узнать о своём даре. Но наивно полагаешь, что с этим могут быть связаны лириды».

Маромал прочитал эти слова дважды. Трижды. И с каждым прочтением внутри него росло странное чувство — не страх, не гнев, а скорее облегчение. Словно кто-то наконец-то сказал вслух то, что он сам боялся признать.

— Да, — сказал он, и на этот раз голос его был твёрдым. — Да, ты прав. Я ищу ответы о своём даре. О звёздной магии. О том, что я такое. Но я думал... я надеялся, что лириды могут быть как-то связаны...

Ветер снова изменил надпись:

«Тогда не там и не то ты ищешь. Ответы на свои вопросы ты найдёшь на Алкирийском острове».

Маромал замер. Алкирийский остров. Он никогда не слышал этого названия. Ни в одной книге. Ни в одной легенде. Ни на одной карте.

— Что? Где это?! — вырвалось у него.

Но песок молчал.

Маромал ждал минуту, другую, третью. Ветер стих так же внезапно, как появился. Песок лежал неподвижно, и слова на нём постепенно расплывались, теряли форму, становились просто белой пылью. Статуя лирида, стоявшая в центре зала, всё так же улыбалась своей вечной улыбкой, но теперь в этой улыбке Маромалу чудилась насмешка. Или печаль.

— Алкирийский остров, — прошептал он. — Алкирийский остров...

Он понял, что больше ничего не узнает. Ни здесь, ни сейчас. Ответ, если он существовал, лежал где-то в другом месте. И найти его он мог только в одном месте — в библиотеке СИМП.

Он вылезал из храма тем же путём, что и вошёл, — ползком, на коленях, обдирая локти о камень, чувствуя, как песок забивается под одежду и хрустит на зубах. Но теперь он почти не замечал неудобств. Его мысли были заняты другим.

Алкирийский остров.

Это название звучало в его голове, как колокол. Как заклинание. Как ключ, который должен был открыть дверь, о существовании которой он даже не подозревал.

Кто говорил с ним? Ветер? Духи лиридов? Или что-то иное — что-то, что не имело имени, что-то, что существовало здесь веками, задолго до лиридов, задолго до людей, задолго до самой памяти? Он не знал. Но он знал, что это «что-то» видело его насквозь. Видело его дар. Видело его сомнения. Видело его страх перед самим собой — страх, который он так тщательно скрывал даже от себя. И указало ему путь.

Он выбрался наружу, когда солнце уже садилось. Лес вокруг храма был залит багровым светом заката, и длинные тени деревьев тянулись по земле, как палыцы, указывающие на запад. Маромал вдохнул свежий воздух полной грудью — впервые за долгое время. Запах мха, прелых листьев и далёкого дыма ударил в ноздри, и этот простой, земной запах показался ему самым прекрасным на свете.

Он подошёл к лошади, привязанной у старого дуба. Та встретила его тихим ржанием — кажется, она тоже была рада снова увидеть хозяина. Маромал потрепал её по холке, проверил подпругу, подтянул ремни.

— Ну что, — сказал он, обращаясь то ли к лошади, то ли к себе, — пора домой.

Он вскочил в седло. На мгновение задержался, бросив последний взгляд на каменное сооружение. Статуя лирида, скрытая в его глубинах, всё так же улыбалась своей вечной улыбкой. И в этой улыбке ему чудилось что-то новое — не насмешка, не печаль, а скорее ободрение. Словно маленькое существо говорило ему: «Иди. Ты на верном пути».

Маромал тронул лошадь и поскакал на северо-запад, в сторону заходящего солнца.

Путь обратно занял пять дней. Пять дней он ехал через те же поля и леса, через те же деревни и городки, что и неделю назад. Но теперь всё казалось ему иным. Словно пелена спала с глаз, и мир открылся в новых красках.

Он видел крестьян, работающих в полях, и думал: «Они живут, не зная, что когда-то здесь жили другие. Лириды. Маленькие, кругловатые, с вечной улыбкой. Они смотрели на эти же холмы, на это же небо, на эти же звёзды. И их больше нет».

Он видел детей, играющих у дороги, и думал: «Они вырастут и умрут, так и не узнав, что мир гораздо больше, чем кажется. Что есть острова, о которых не пишут в книгах. Что есть сила, которая не подчиняется обычным законам. Что есть тайны, которые ждут своего часа».

Он видел звёзды по ночам — те самые звёзды, к которым был подключён его дар, — и думал: «Что вы такое? Откуда вы? Почему вы говорите со мной — и молчите для других?»

Ответов не было. Только тишина. Только ветер в кронах деревьев. Только стук копыт по имперскому тракту.

На третий день пути, когда он остановился на ночлег в небольшой придорожной таверне, ему приснился сон. Ему снились лириды — тысячи, десятки тысяч, — и они стояли на берегу моря и смотрели на запад. Туда, где за горизонтом скрывался Алкирийский остров. Они не говорили ни слова — только смотрели. И в их больших, выпуклых глазах отражались звёзды.

Он проснулся на рассвете с ощущением, что кто-то положил ему руку на плечо. Но в комнате никого не было.

На пятый день на горизонте показался Валдерфейн.

Город-мечта. Город-утопия. Его безупречные проспекты, его статуи Прогресса и Порядка, его шпили Главного Чертога, устремлённые в небо, как иглы. Маромал смотрел на него и думал о том, что этот город построен на костях. Не в буквальном смысле — в переносном. Здесь когда-то был пустырь. Здесь когда-то была граница между Нордлендом и Стоунстейтом, которую Император стёр своей железной волей. И никто теперь не помнил, что было раньше.

Так же, как никто не помнил лиридов.

Он въехал в город через восточные ворота. Стража узнала его — ещё бы, архимага СИМП знали в Валдерфейне все — и пропустила без вопроса. Он проехал по знакомым улицам, мимо знакомых зданий, и впервые за долгое время этот идеальный, вылизанный до блеска город не вызвал у него раздражения. Он просто был. Часть его жизни. Часть его пути.

Впереди ждала Коллегия. И библиотека. И ответы, которые он надеялся найти.

Глава 12: Повесть об Алкире

Коллегия встретила Маромала привычным гулом голосов, шорохом мантий и запахом старых книг. Он вошёл в главный холл, даже не взглянув на сновавших туда-сюда учеников, и сразу направился к библиотеке. Его походка была быстрой, решительной — так ходят люди, у которых есть цель. И он действительно знал, куда и зачем идёт.

Библиотека СИМП в этот час была почти пуста. Утренние занятия ещё не закончились, и длинные ряды стеллажей, уходящих под самый потолок, стояли в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием магических светильников да шорохом страниц, переворачиваемых невидимой рукой где-то в дальнем углу. Воздух был сухим, пах старым пергаментом, кожей переплёт-тов и лёгким, едва уловимым запахом магии.

За массивной конторкой у входа, как всегда, сидела Элмин. Старая библиотекарьша под-няла голову, увидела Маромала, и её лицо, обычно бесстрастное, озарилось лёгкой улыбкой.

— Архимаг! Вы вернулись. Я уж думала, вы там, на востоке, решили поселиться.

— Нет, — коротко ответил Маромал, подходя к конторке. Он не был настроен на долгие разговоры. — Элмин, мне нужна информация.

— Как всегда, — вздохнула она, откладывая карточки каталога. — Что на этот раз?

— Алкирийский остров.

Элмин нахмурилась, пытаясь вспомнить. Её пальцы, униженные перстнями с мелкими магическими камнями, забарабанили по столу.

— Алкирийский остров... Кажется, я где-то слышала это название. Но очень давно. И очень смутно.

— Поищите, — попросил Маромал. — Всё, что есть. Любые упоминания.

Элмин кивнула, поднялась с кресла и скрылась между стеллажами. Маромал остался ждать. Он стоял у конторки, нервно постукивая пальцами по дереву, и думал. Думал о ветре в подземном храме. О песке, который складывался в слова. О странном, незнакомом названии, которое теперь не выходило у него из головы.

Прошло полчаса. Час. Маромал уже начал терять терпение, когда Элмин наконец вернулась. В руках у неё был почти новый, каплю потрёпанный фолиант в тёмно-синем переплёте. Книга была небольшой — страниц двести, не больше, — но выглядела так, будто написана только что. Кожа переплёта гладкая, уголки страниц острые, а на корешке угадывалось яркое название.

— «Повесть об Алкире», — прочитал Маромал вслух, принимая книгу из рук библиотекаря. — Это всё, что у нас есть?

— Всё, — подтвердила Элмин. — Я проверила каталог трижды. Никаких других упоминаний Алкирийского острова в нашей библиотеке нет. Только эта книга. И, честно говоря, я даже не знала, что она у нас есть. Она лежала в секции «География западных островов», но туда никто не заглядывает уже очень давно.

— Спасибо, — сказал Маромал. — Я займу дальний стол.

Он взял книгу и направился в самый тихий угол библиотеки, туда, где стоял его любимый стол — массивный, дубовый, с удобным креслом и хорошим освещением. Сел, положил фолиант перед собой и открыл первую страницу.

Книга начиналась с предисловия, написанного выцветшими чернилами. Почерк был мелким, убористым — видимо, автор старался уместить как можно больше информации на ограниченном количестве страниц. Маромал пробежал глазами по строкам.

«Сия повесть составлена мною, летописцем Торвальдом из Нордленда, в год 1015-й от основания Винтерпорта, со слов старого шахтёра по имени Бьорн, который утверждал, что в молодости знал самого Алкира. Истинность его рассказов не подтверждена, но я счёл своим долгом записать их для потомков, дабы память о сем удивительном человеке не канула в Лету».

Маромал перевернул страницу.

«В море, близ границы песчаных барханов и снежных буранов, стоит остров. Над островом возвышается гора».

Он остановился, перечитал эти строки ещё раз. «Песчаные барханы» — это, несомненно, Дезертстейт, земли пустынь. «Снежные бураны» — Нордленд. А остров, соответственно, находится где-то между ними, к западу от основного массива суши. Это совпадало с тем, что он уже знал.

Он продолжил чтение.

Книга рассказывала историю человека по имени Алкир. Он родился в Нордленде, в бедной шахтёрской семье, и с детства знал, что такое тяжёлый труд. Его отец, дед и прадед были шахтёрами — они добывали железо, медь, серебро в глубоких, тёмных штольнях, проводили под землёй большую часть жизни и умирали молодыми от болезней лёгких. Алкир не хотел такой судьбы.

Он мечтал. Мечтал найти что-то новое. Не просто руду, не просто металл — что-то, что изменит его жизнь. Что-то, что сделает его имя известным. И однажды, когда ему было уже за тридцать, он решился.

Он продал всё, что имел, купил небольшую лодку и отправился в море. Один. Без карты, без компаса, без провизии на долгий срок. Просто на запад. Туда, где, по слухам, лежали неоткрытые земли.

Плавание длилось много дней. Алкир почти умер от голода и жажды, когда наконец увидел землю. Это был остров — небольшой, скалистый, с одинокой горой, возвышавшейся в центре. Он высадился на берег, не веря своей удаче. И первое, что он обнаружил, — это руда. Богатейшие залежи железа, меди, серебра и даже золота. Гора была буквально набита драгоценными металлами.

Алкир назвал остров в свою честь. Основал небольшую шахту, потом — поселение. Вернулся в Нордленд, рассказал о своём открытии. Власти заинтересовались. Они отправили на остров экспедицию, подтвердившую слова Алкира, и вскоре Алкирийский остров стал частью Нордленда. Сам Алкир был назначен его управителем — в награду за находку.

Началась эпоха процветания. Шахта росла, добыча увеличивалась, поселение превратилось в небольшой городок. Десятки, сотни шахтёров прибывали на остров в поисках работы и лучшей доли. Алкир правил справедливо, заботился о своих людях, и те платили ему уважением.

Но ничто не вечно.

Залежи руды начали истощаться. Сначала иссякло золото, потом — серебро, потом — медь. Осталось только железо, да и того становилось всё меньше. Люди начали уезжать. Поселение пустело. Алкир, уже глубокий старик, умер, оставив остров своему сыну. Но сын не обладал ни харизмой, ни умом отца. При нём упадок ускорился.

А потом грянула война.

Великая война, потрясшая весь остров Родера. Нордленд воевал с Чернокаменным союзом, и ему было не до крошечного островка на задворках. Поставки продовольствия прекратились. Гуманитарная помощь иссякла. Шахтёры, оставшиеся на Алкирийском острове, оказались брошены на произвол судьбы.

Маромал перевернул страницу и углубился в следующую главу.

После создания Средне-Северной Империи, когда Нордленд и Стоунстейт объединились под властью Вечного Императора, про Алкирийский остров попросту забыли. Семь лет о нём не вспоминали. Семь лет туда не приходили корабли с провизией и медикаментами, не приезжали чиновники с проверками, не слали гонцов с указами. Остров исчез из отчётов, выпал из реестров, растворился в бюрократической паутине, как будто его никогда не существовало.

За эти семь лет единственное поселение на острове, и без того уже едва державшееся на плаву после истощения шахты, почти полностью вымерло от голода и болезней. Люди умирали целыми семьями. Те, кто ещё мог двигаться, пытались рыбачить, но рыбные запасы вокруг острова были скудны. Те, кто не мог — просто ждали смерти.

К тому моменту, когда имперские чиновники наконец заметили ошибку и доложили Императору, на острове оставалось не больше пятнадцати жителей. Пятнадцати истощённых, больных, отчаявшихся людей, которые уже не надеялись на спасение.

Император, узнав об этом, принял решение. На первый взгляд — великодушное. Он подарил Алкирийский остров Дезертстейту.

Маромал остановился, перечитал последнюю фразу. Подарил. Просто взял и подарил клочок земли, который когда-то был частью Нордленда, другому государству. Жест, достойный Императора — не просто правителя, но и стратега, думающего на десять ходов вперёд.

Потому что, как становилось ясно из дальнейшего текста, этот «подарок» был палкой о двух концах. С одной стороны — щедрый дар выстоявшему людскому народу, жест доброй воли, символ единства. С другой — Император просто сбавил истощившуюся шахту с вымирающим населением, избавившись от проблемы чужими руками. И, что более важно, он создал прецедент. Если бы Дезертстейт принял подарок и оставил остров в том же плачевном состо-

янии, это дало бы Империи повод для вмешательства. «Вы не заботитесь о своих землях, — сказал бы Император. — Значит, мы сделаем это за вас». И под этим предлогом присоединил бы к своим владениям ещё одну провинцию.

Но Дезертстейт поступил иначе.

В тот же день, когда был подписан договор о передаче острова, султан Али-аль-Рашид отправил туда три корабля. Три огромных, гружёных до ватерлинии корабля, набитых гуманитарной помощью, колонистами, солдатами и строительными материалами.

Это был не просто жест. Это была демонстрация. Дезертстейт показывал Империи — и всему миру, — что он способен заботиться о своих землях. Что он не просто принимает подарки, но и вкладывается в них. Что он — не слабый сосед, которого можно проглотить при случае, а сильное государство, с которым нужно считаться.

И это сработало.

За год остров преобразился. Старая шахта, почти выработанная, была закрыта — но взамен открылись новые. Геологи Дезертстейта обнаружили залежи, о которых нордлендцы даже не подозревали. Поселение, бывшее при Алкире небольшим городком, а потом превратившееся в деревню-призрак, было отстроено заново. Теперь это была мощная колония — с крепкими домами, портом, системой ирригации, способной превращать солёную морскую воду в пресную. Население выросло в десять раз. Торговля процветала. Алкирийский остров стал жемчужиной Дезертстейта — и наглядным доказательством того, что султан Али-аль-Рашид умеет править не хуже, а может, и лучше Вечного Императора.

Маромал закрыл книгу.

Он сидел, глядя в пространство перед собой, и мысли его текли медленно, вязко, как смола. Значит, Алкирийский остров существует. Это не миф, не легенда, не выдумка. Это реальное место, которое можно найти на карте. Более того, это место под протекторатом Дезертстейта — государства, с которым, теоретически, можно договориться.

Но что ему там нужно? Голос в песках сказал: «Ответы на свои вопросы ты найдёшь на Алкирийском острове». Что это за вопросы? О его даре? О звёздной магии? О том, что он такое? И почему ответы лежат именно там, на этом крошечном клочке суши, затерянном между песчаными барханами и снежными буранами?

Он снова открыл книгу, пролистал до описания острова. «В море, близ границы песчаных барханов и снежных буранов стоит остров. Над островом возвышается гора». Гора. А что, если в этой горе скрыто нечто большее, чем просто руда? Что, если там, в глубине, есть что-то, связанное с его даром?

В книге не было ответов на эти вопросы. Только история Алкира, его мечты, его открытия, его падения. Только рассказ о том, как остров переходил из рук в руки, пока не стал колонией Дезертстейта. Ни слова о магии. Ни слова о звёздах. Ни слова о том, что могло бы заинтересовать такого человека, как Маромал.

И всё же он чувствовал: это не случайность. Голос в храме лиридов не стал бы говорить с ним просто так. Если он указал на Алкирийский остров — значит, там действительно что-то есть. Что-то, что Маромал должен найти.

Он встал из-за стола, вернул книгу Элмин и направился к выходу из библиотеки. Его шаги были медленными, задумчивыми. Он уже принял решение.

Он поедет в Дезертстейт.

Это будет непросто. Дезертстейт — государство независимое, гордое, не слишком доверяющее чужакам, особенно имперским магам. Придётся получать разрешения, договариваться с властями, искать проводников. Но Маромал был готов к этому. Он слишком долго ждал. Слишком долго искал. И теперь, когда у него появилась зацепка — настоящая, первая за многие годы, — он не собирался упускать её.

Он вышел в главный холл Коллегии. Ученики, сновавшие туда-сюда, расступались перед ним, почтительно склоняя головы. Маромал не замечал их. Его мысли были уже далеко — там, где за песчаными барханами и снежными буранами возвышалась одинокая гора на острове, носящем имя человека, который когда-то мечтал найти что-то новое.

Как и он сам.

Он поднялся в свою лабораторию, сел за стол и начал писать письмо. Письмо султану Дезертстейта Али-аль-Рашиду. Официальное прошение о разрешении посетить остров с научной целью.

Закончив, он отложил перо, перечитал написанное и кивнул. Теперь оставалось только ждать ответа.

И готовиться к долгой дороге.

Глава 13: Вольный ветер

Прошло два месяца. Два долгих, тягучих месяца, наполненных ожиданием, рутиной и бесконечными попытками занять себя чем-то полезным. Маромал читал лекции, проверял работы учеников, разбирал старые фолианты в библиотеке — но мысли его были далеко. Там, на западе, за песчаными барханами и снежными буранами, где возвышалась одинокая гора на острове, носящем имя человека, который когда-то мечтал найти что-то новое.

Он отправил письмо султану Дезертстейта через официальные каналы — через имперскую канцелярию, через посольство, через все инстанции, которые полагалось пройти. Архимаг СИМП имел право на такое обращение. Его статус позволял ему рассчитывать на ответ.

И ответ пришёл.

Был серый, дождливый день — один из тех, что так часто случаются в Валдерфейне поздней осенью. Маромал сидел в своём кабинете, просматривая отчёты факультетов, когда в дверь постучали. Вошёл секретарь — молодой человек в серой форме с бронзовыми заклёпками — и протянул ему запечатанный свиток.

— Архимаг, послание из Дезертстейта. С печатью султанского дворца.

Маромал взял свиток. Руки его, обычно такие твёрдые, чуть дрогнули. Он сломал печать — изящную, с изображением песчаного вихря и скрещенных сабель — и развернул пергамент.

Письмо было коротким. Слишком коротким.

Он читал его, и с каждой строкой внутри него росло разочарование, смешанное с холодной, отрезвляющей ясностью. Это был ответ не от самого султана — от его советника. Некого визиря по имени Амир ибн-Хашим, чьё имя Маромалу ни о чём не говорило, но чей тон говорил о многом.

«Архимагу Коллегии Свободного Изучения Магической Природы, Маромалу, — гласило письмо. — Его Величество султан Али-аль-Рашид, да продлятся его дни, благодарит вас за проявленный интерес к землям Дезертстейта. Однако вынужден сообщить, что в настоящее время официальные визиты представителей Средне-Северной Империи на территорию султана не представляются возможными. Равно как и научные экспедиции, и любые иные формы сотрудничества, предполагающие присутствие имперских подданных на наших землях. Мы надеемся на ваше понимание и желаем вам успехов в ваших изысканиях на благо Империи».

Маромал перечитал письмо дважды. Потом отложил его в сторону и долго смотрел в окно на серое небо.

Вежливый отказ. Очень вежливый. Настолько вежливый, что за этой вежливостью сквозило неприкрытое: «Магам Средне-Северной Империи в Дезертстейте не рады. И уж тем более не рады архимагам, которые что-то там ищут на наших островах. Держитесь подальше».

Он не мог винить их. После всего, что случилось за последние годы, после войны, после развала Чернокаменного союза, после того, как Империя поглотила Стоунстейт и продолжала наращивать мощь, — Дезертстейт имел все основания не доверять имперским чиновникам.

Особенно тем, кто носил мантию мага. Особенно тем, кто просил разрешения посетить отдалённый остров без объяснения причин.

Значит, официального пути не будет. Значит, придётся добираться самому. Без разрешений, без сопровождения, без имперского флага. Тихо, незаметно, не привлекая внимания.

Он откинулся на спинку кресла и задумался. Ему нужен был спутник. Кто-то, кто знает те края. Кто-то, кто сможет помочь добраться до Алкирийского острова и не задавать лишних вопросов. Кто-то, кто не побоится рискнуть.

И он знал, где искать таких людей.

Нордленд встретил его холодным ветром и запахом моря. Маромал прибыл в Фортсити — один из крупнейших городов северной провинции — ранним утром, когда туман ещё стелился над заснеженными кустами, а кроны сосен, росших в лесу, казались призрачными силуэтами, проступающими из серой мглы.

Он не стал задерживаться на пейзажах леса. Вместо этого он направился в город — туда, где, как он знал, собирались те, кто не любил официальных каналов. Те, кто работал за золото, а не за идею. Те, кто мог найти дорогу куда угодно — при условии, что цена будет правильной.

Таверны Фортсити были особым миром. Здесь, в полумраке, под низкими закопчёнными потолками, собирались наёмники, контрабандисты, беглые матросы и искатели приключений всех мастей. Здесь пахло дешёвым пивом, жареным мясом и дымом от каминов. Здесь можно было найти кого угодно — от бывшего пирата до разорившегося купца, готового на всё ради пары золотых.

Маромал обошёл их одну за другой. «Северный медведь», «Три селёдки», «Коготь дракона», «Весло и парус», «Железный якорь» — названия менялись, но суть оставалась той же. Он садился за стойку, заказывал кружку пива (к которому почти не притрагивался) и заводил разговор с трактирщиком. Осторожно, намёками, не называя себя. Ему нужен был проводник. Кто-то, кто знает западные воды. Кто-то, кто бывал в Дезертстейте. Кто-то, кто не побоится отправиться на Алкирийский остров.

Реакция была одинаковой. Сначала — интерес. Потом — узнавание названия. И наконец — отказ.

— Алкирийский? — переспросил один из трактирщиков, здоровенный мужик с рыжей бородой и руками, покрытыми шрамами. — Это ж та дыра, где вулкан рванул? Не, я туда не хожу. У меня жена, дети.

— Я не прошу вас плыть, — терпеливо объяснял Маромал. — Мне нужен тот, кто знает кого-то, кто может это сделать.

— А, ну, — трактирщик почесал бороду, — был тут один. Но он уехал. Кажется, в Междуречье. Или в Элфтенхолд. Или ещё куда. Короче, нету его.

И так раз за разом.

В другой таверне, «Моржовая отрыжка» (название которой полностью соответствовало запаху внутри), Маромал наткнулся на старика, который утверждал, что лично бывал на Алкирийском острове. Но когда архимаг начал расспрашивать его подробнее, выяснилось, что старик путает Алкирийский остров с каким-то другим — «или, может, это вообще был не остров, а сон, мне бабка в детстве рассказывала».

В «Трёх селёдках» ему попался молодой парень с горящими глазами, который был готов отправиться хоть на край света. Но когда Маромал упомянул, что нужно именно на Алкирийский, парень вдруг вспомнил, что у него «срочные дела в Гиганттауне, очень важные, никак не отложить».

— Какие дела? — спросил Маромал.

— Ну... э... родственник заболел. Троюродный брат. Или сестра. Я не помню точно. Но болеет. Очень.

— В Гиганттауне?

— Да. Там... э... воздух лечебный. Для брата. Или сестры. Короче, я побежал.

И парень действительно побежал — буквально выскочил из таверны, забыв на столе недопитую кружку.

Маромал вздохнул и продолжил поиски.

Дни шли за днями. Он обошёл, кажется, все таверны Фортсити, от самых уважаемых до самых злых, от тех, где подавали вино в хрустальных бокалах, до тех, где пили из глиняных кружек, шершавых по краям. Он говорил с десятками людей — с капитанами, лоцманами, контрабандистами, рыбаками, даже с парой пиратов, которые по случайности оказались на суше. И везде — одно и то же.

Никто не хотел плыть на Алкирийский остров.

Всё изменилось на седьмой день.

Маромал сидел в таверне «Железный якорь» — мрачном заведении на окраине портового квартала, куда обычно заходили только те, кто не хотел, чтобы их видели. Он уже почти потерял надежду и допивал очередную кружку пива, когда дверь таверны открылась и на пороге появился человек.

Маромал узнал его сразу.

Лиам.

Он вошёл, как всегда, бесшумно — несмотря на тяжёлые сапоги и стальной наплечник на левом плече. Его фигура, облачённая в потрёпанную дорожную одежду, излучала ту особую, хищную уверенность, которая бывает только у людей, прошедших через десятки смертельных схваток и вышедших из них живыми. Кожаный шлем, вытертый до блеска, скрывал верхнюю часть лица, но Маромал видел достаточно: лёгкая щетина на подбородке, холодные, внимательные глаза, привыкшие подмечать каждую деталь.

На поясе у Лиам висели трофеи. Несколько белых капюшонов — символы его побед над агентами Картеля. Гондерфеллский плоский наплечник. Небольшая пластина с имперской символикой. Рукоять дезертстейтской сабли без лезвия. Каждый из этих предметов рассказывал историю — историю человека, который выжил там, где другие погибли.

Лиам остановился у стойки, заказал кружку пива (настоящего, не для вида) и оглядел зал. Его взгляд скользнул по Маромалу — и задержался. Он узнал его. Не по имени — они никогда не встречались лично, — но по репутации. Архимага СИМП знали многие, даже те, кто предпочитал держаться подальше от Коллегии.

Лиам взял кружку и подошёл к столу, за которым сидел Маромал.

— Архимаг, — сказал он без приветствия. Голос его был низким, ровным, без эмоций. — Ищите кого-то?

— Ищу, — ответил Маромал, не видя смысла скрывать. — Того, кто знает дорогу в Дезертстейт. И на Алкирийский остров.

Лиам хмыкнул. Отпил пива. Помолчал.

— Я знаю те края, — сказал он наконец. — Бывал там. Несколько раз.

Маромал почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Вы могли бы сопроводить меня?

— Мог бы. — Лиам снова отпил пива. — За круглую сумму.

— Сколько?

Лиам назвал цену. Она была высокой — очень высокой, — но Маромал, не торгуясь, кивнул. Деньги у Коллегии были. Император щедро финансировал СИМП, и часть этого финансирования Маромал, с одобрения совета магистров, мог тратить на исследования. В конце концов, поездка на Алкирийский остров была именно исследованием — пусть и не совсем обычным.

— Хорошо, — сказал Лиам, допивая пиво. — Выходим завтра на рассвете. В Винтерпорте найдём корабль.

Маромал кивнул. Он не спрашивал, почему Лиам согласился. Не спрашивал, почему тот, кто когда-то был ассасином Картеля, теперь работает наёмником. Не спрашивал, откуда у него столько трофеев. Это было не его дело. Его дело было — добраться до Алкирийского острова.

Винтерпорт, древнейший город Нордленда, встретил их суровым ветром с моря и запахом рыбы. Маромал и Лиам прибыли туда через три дня пути — верхом, по старому тракту, что вёл до побережья. Город был огромен — один из трёх величайших городов севера, основанных ещё первыми людьми, ступившими на остров Родера. Его каменные стены, сложенные из серого гранита, видели десятки осад, сотни бурь, тысячу лет истории.

Гавань была забита кораблями. Рыбацкие лодки, торговые суда, военные галеры с имперскими флагами — всё это теснилось у причалов, создавая лес мачт, уходящий в серое небо.

Лиам уверенно направился в торговую часть порта. Здесь, как он объяснил Маромалу, можно было найти капитанов, которые ходили в Дезертстейт. Нужно было только найти подходящего — и заплатить.

Они обошли нескольких капитанов. Разговор с каждым начинался одинаково: Лиам спрашивал о рейсах на запад, капитан с готовностью рассказывал о своих маршрутах, о товарах, которые возит, о ценах за проезд. Но когда речь заходила об Алкирийском острове, всё менялось.

Первый капитан — пожилой нордлендец с обветренным лицом и седой бородой — вдруг вспомнил, что его корабль «как раз сегодня встаёт на ремонт». И ремонт этот, по его словам, должен был занять «месяца два, не меньше».

— Что именно ремонтируете? — спросил Лиам.

— Всё, — ответил капитан, не моргнув глазом. — Киль, мачты, паруса, обшивку. Всё сразу.

— И как же вы собираетесь ремонтировать киль, не вытаскивая корабль из воды?

Капитан замялся, что-то пробормотал о «новых технологиях» и поспешил ретироваться.

Второй капитан — молодой, амбициозный, с золотой серьгой в ухе — сказал, что его команда «недавно вся слегла с какой-то странной болезнью».

— Что за болезнь? — поинтересовался Маромал.

— Ну... э... — капитан задумался. — Аллергия. На воду. Да, точно. Аллергия на морскую воду. Очень редкая, но бывает. Как только выходят в море — сразу сыпь, кашель, и всё такое. Так что мы пока на берегу. Может, через год пройдёт.

— Аллергия на морскую воду у команды моряков, — медленно повторил Лиам. — Это что-то новое.

— Да, медицина не стоит на месте! — бодро ответил капитан и быстро ушёл, сославшись на срочную встречу с врачом.

Третий капитан — старый, хромой, с лицом, изрезанным шрамами — даже не стал придумывать отговорки. Он просто сказал: «Нет», развернулся и ушёл.

— Даже не спросил, сколько мы заплатим, — заметил Маромал.

— Значит, дело не в деньгах, — ответил Лиам. — Они боятся.

Четвёртый капитан — суетливый человечек с бегающими глазами — выдал самую безумную отговорку из всех. Он сказал, что не может плыть, потому что «звёзды сегодня не в том положении».

— В каком положении? — уточнил Маромал, который, как никто другой, разбирался в звёздах.

— Не в том! — уверенно заявил капитан. — Они... э... перевернулись. Задом наперёд. И пока они не встанут обратно, я в море ни ногой. Это древняя нордлендская примета. Очень древняя. Вы, маги, просто не понимаете.

Лиам и Маромал переглянулись.

— Звёзды перевернулись задом наперёд, — произнёс Лиам, и в его голосе впервые за всё время послышалась тень веселья. — Я многое слышал, но такое — впервые.

Капитан обиженно фыркнул и удалился, бормоча что-то о «невежественных южанах, которые не чтят традиции».

Пятый капитан сказал, что его корабль «проклят».

— Кем? — спросил Маромал.

— Не кем, а чем, — зловеще прошептал капитан, оглядываясь по сторонам. — Морским духом. Он является по ночам и поёт песни. И тот, кто их слышит, — он сделал паузу, — ...тот начинает подпевать. А когда начинаешь подпевать — всё, пропал. Уже не остановиться. Трое моих матросов так и поют до сих пор. Днём ничего, работают, а ночью — хором. Жуть.

— И вы не можете выйти в море из-за поющих матросов? — уточнил Лиам.

— И из-за духа, — добавил капитан. — Он обидится, если я уплыву без его разрешения.

Лиам проводил его взглядом, потом повернулся к Маромалу.

— Знаете, архимаг, — сказал он, — кажется, нам нужен другой подход.

Лиам решительно направился в другую часть гавани — туда, где стояли не торговые суда, а рыбацкие лодки. Здесь пахло рыбой, солью и дёгтем, а люди говорили прямо, без лишних церемоний. Лиам шёл мимо причалов, всматриваясь в лица рыбаков, и наконец остановился у одной из лодок — старой, но крепкой, с потрёпанными парусами и облупившейся краской на бортах.

На палубе, перебирая сети, сидел человек. Он был немолод — лет пятидесяти, может, больше. Лицо его, обветренное морскими ветрами, было покрыто глубокими морщинами, а глаза — светло-серые, почти выцветшие — смотрели на мир с тем спокойным, чуть насмешливым прищуром, который бывает только у тех, кто слишком долго провёл в море. Одежда его была простой и практичной: штопаная куртка из плотной шерсти, высокие сапоги, вязаная шапка, надвинутая на самые брови. В углу рта торчала трубка, из которой поднимался тонкий шнурок дыма.

— Аддвар, — произнёс Лиам, и в его голосе прозвучало что-то, похожее на теплоту.

Рыбак поднял голову, прищурился, узнал — и его лицо расплылось в широкой, почти беззубой улыбке.

— Лиам! — воскликнул он, откладывая сети. — Сколько лет, сколько зим! А я уж думал, тебя где-нибудь прикопали. Или ты сам кого прикопал и теперь прячешься.

— Всякое бывало, — уклончиво ответил Лиам. — Как рыбалка?

— Рыба ловится, ветер дует, — философски ответил Аддвар. — А ты, я смотрю, не один. Кто твой спутник?

— Маромал, архимаг СИМП, — представился Маромал, выступая вперёд.

Аддвар присвистнул.

— Архимаг? На моей скромной посудине? Какая честь. И что же вам нужно? Уж точно не рыба.

— Нам нужно на Алкирийский остров, — сказал Лиам без обиняков.

Аддвар не стал придумывать никакого бреда. Он просто не любил этого. Вместо этого он вытащил трубку изо рта, сплюнул за борт и посмотрел на них долгим, изучающим взглядом.

— Ужасное место, — сказал он наконец. — Не поплыву. Да и вам там делать нечего. Это помойка, в которой кроме пепла вы ничего не найдёте.

Маромал нахмурился.

— Подождите, — сказал он. — Какого пепла?

Аддвар усмехнулся — невесело, скорее горько.

— А вы не знаете? Ну да, откуда бы. Недавно выяснилось, что та гора, из которой при Алкире качали ресурсы, оказалась вулканом. А узнали об этом, когда эти горе-песчанники

полезли в шахту в надежде найти новые месторождения и копнули куда не надо, тем самым пробудив давно спящий вулкан.

Он затаился трубой, выпустил клуб дыма и продолжил:

— Сейчас там столько пепла, что песчанники ещё не все свои дома откопали. Половина колонии под слоем этой дряни. Хорошо хоть, людей успели эвакуировать — султан прислал корабли, как только дым увидели. Но остров теперь — выжженная земля. Ничего там нет. Только пепел, камни и тишина.

Аддвар снова затаился, а потом вдруг расхохотался — громко, раскатисто.

— Зато у них теперь как на родине! Ха-ха-ха! Песок, жара, пепел — всё, что нужно для счастья!

Отсмеявшись, он вытер слёзы и посмотрел на Маромала.

— Но вам-то туда зачем? Вы ж маг. У вас вон целая Коллегия. Что вы забыли на этом пепелище?

— Это очень важно, — ответил Маромал. — Для меня. Для моих исследований. Я не могу объяснить всего, но... от этого зависит многое.

Аддвар долго смотрел на него. Потом перевёл взгляд на Лиаму. Тот молча кивнул — просто, без слов, но в этом кивке было всё, что нужно.

— Ладно, — сказал Аддвар. — Только из-за уважения к Лиаму я согласен. Не потому, что мне интересно, и не потому, что вы, маги, меня убедили. А потому, что он когда-то вытащил меня из такой передраги, из которой не вытаскивают. И я ему должен.

Лиам ничего не ответил. Только чуть заметно качнул головой — не отрицая, но и не подтверждая.

— Когда отплываем? — спросил Аддвар.

— Как только будете готовы, — ответил Маромал.

— Тогда грузитесь. У меня всё готово — я всегда готов выйти в море. Рыба не ждёт.

Они погрузились на судно Аддвара в тот же вечер. Это был не корабль — скорее, большая рыбацкая лодка с одной мачтой и небольшим трюмом, где обычно хранился улов. Места было мало, пахло рыбой и солью, но Маромала это не смущало. Он привык к спартанским условиям — годы осады СИМП закалили его лучше любой тренировки.

Лиам устроился на носу, положив меч на колени. Он смотрел на запад — туда, где за горизонтом лежал Дезертстейт и Алкирийский остров. Его лицо, как всегда, было непроницаемым.

Аддвар стоял у руля, покрикивая на пару матросов — таких же старых, обветренных морем, как и он сам. Они готовили лодку к отплытию: поднимали парус, крепили снасти, проверяли запасы воды и провизии.

Солнце садилось в море, окрашивая небо в багровые и золотые тона. Ветер, солёный и прохладный, наполнял парус, и лодка, качнувшись, отошла от причала.

Винтерпорт оставался позади. Его серые стены, его башни, его мачты — всё это уменьшалось, таяло в сумерках, пока не превратилось в тонкую полоску на горизонте. А потом исчезло и оно.

Впереди было только море. Бескрайнее, тёмное, полное тайн. И где-то там, далеко на западе, за песчаными барханами и снежными буранами, ждал остров. Остров, на котором, возможно, скрывались ответы на вопросы, мучившие Маромала всю его жизнь.

Он стоял на палубе, держась за борт, и смотрел на закат. Ветер трепал его седые волосы, солёные брызги оседали на лице. Он не знал, что найдёт на Алкирийском острове. Может быть, ничего. Может быть, пепел и камни, как сказал Аддвар. А может быть — то, что изменит всё.

Лиам подошёл и встал рядом. Он ничего не говорил — просто стоял и смотрел на закат вместе с ним.

— Спасибо, — сказал Маромал.

Лиам не ответил. Но уголок его губ чуть дрогнул — то ли усмешка, то ли улыбка.

Лодка шла на запад, в темноту, в неизвестность. Впереди был Дезертстейт. И Алкирийский остров. И ответы, которые ждали своего часа.

Глава 14: Пепел и звёзды

На третий день плавания на горизонте показалась земля.

Сначала это была просто тень — едва заметное пятно на границе между морем и небом. Но чем ближе подходила лодка, тем отчётливее проступали очертания. И Маромал, стоявший на носу, вдруг понял, почему в «Повести об Алкире» была та самая строчка.э

«Над островом возвышается гора».

Это было не преувеличение. Не поэтическая метафора. Это было буквальное описание.

Гора, возвышавшаяся над Алкирийским островом, была огромной. Не просто большой — колоссальной. Её склоны, покрытые пеплом, вздымались из воды, как спина исполинского зверя, и уходили в небо, теряясь в серой дымке. Сам остров казался лишь подножием, небольшим клочком суши, прилепившимся к основанию этого титана. Если смотреть издалека, возникало странное, почти сюрреалистическое ощущение: это не остров с горой, а гора с островом. Гора была главной. Остров — лишь дополнением.

Верхушка горы светилась. Даже сквозь пелену пепла, даже сквозь туман и дымку было видно яркое, оранжевое сияние — то ли лава, то ли раскалённый камень, то ли сам огонь, пробудившийся в сердце вулкана. Это сияние окрашивало облака над островом в зловещие багровые тона, создавая картину одновременно пугающую и завораживающую.

— Ничего себе, — выдохнул Маромал, не в силах оторвать взгляд.

— Я же говорил, — отозвался Аддвар, попыхивая трубкой. — Помойка. Красивая помойка, но помойка.

По мере приближения к острову воздух начал меняться. Сначала это была лёгкая дымка — едва заметная, почти неощутимая. Потом она стала гуще, плотнее, и вскоре Маромал почувствовал, как на языке появляется горьковатый привкус золы. Пепел был не только на острове — он висел в воздухе вокруг него, смешиваясь с туманом и морскими брызгами, создавая странную, удушливую взвесь. Дышать становилось труднее. Одежда покрывалась тонким серым налётом.

— Проклятое место, — пробормотал один из матросов, кутаясь в плащ. — Рыба здесьдохнет. Вся. Мы пробовали ловить — сети пустые. Только пепел.

Аддвар кивнул, подтверждая свои же слова.

— Вулкан отравил воду. Пепел оседает, смешивается с солью, рыба этого не выдерживает. Те, кто выжил после извержения, остались без рыбного промысла. Единственный источник еды — и тот исчез. Так что, если бы не помощь султана, они бы все здесь передохли.

Маромал слушал и думал о том, сколько бедствий обрушилось на этот крошечный клочок суши. Сначала — истощение шахты. Потом — забвение Империи. Потом — голод и вымирание. Затем — возрождение под властью Дезертстейта. И наконец — извержение вулкана, превратившее возрождённую колонию в пепелище. Казалось, сама судьба ополчилась против этого места.

Лодка вошла в гавань. Это была не столько гавань, сколько огромная пристань — длинный деревянный пирс, уходящий в воду на добрых полсотни метров. Когда-то здесь, вероятно, швартовались торговые суда, привозившие припасы и увозившие руду. Теперь пирс был пуст, если не считать нескольких рыбацких лодок, привязанных у дальнего конца. Вся конструкция была покрыта толстым слоем пепла — серого, мелкого, похожего на пыль.

Аддвар ловко подвёл лодку к пирсу. Матросы закрепили швартовы. Маромал и Лиам сошли на берег.

Под ногами захрустел пепел. Он был повсюду — на досках пирса, на камнях, на крышах домов, видимых в отдалении. Весь остров, насколько хватало глаз, был серым. Серое небо,

серая земля, серые постройки. И только далёкая верхушка горы светилась оранжевым — как напоминание о том, что огонь всё ещё жив.

У пирса их уже ждали.

Дезертстейтский воин стоял неподвижно, как статуя. Его доспехи — тяжёлые, тщательно подогнанные по фигуре — создавали ощущение цельной, почти монолитной формы. Металл был матовым, местами потёртым, с лёгким узором гравировки, придававшим ему не только защитную, но и декоративную ценность. Наплечники, сегментированные и накладывающиеся друг на друга, обеспечивали подвижность, но при этом выглядели массивно и угрожающе.

Шлем полностью закрывал голову, плотно облекая её форму. Он был лишён лишних выступов — его линии плавные и обтекаемые, с узкой горизонтальной прорезью для глаз, за которой скрывалась тьма. Из-за этого невозможно было увидеть лицо воина — только ощущение холодного, отстранённого взгляда. Нижняя часть шлема слегка уходила к шее, словно продолжая защиту вниз, делая силуэт более цельным.

Поверх доспеха был накинут плотный плащ, закреплённый у плеч. Ткань тяжёлая, с заметной фактурой, ниспадала крупными складками и частично закрывала броню. Её края были изношены — это говорило о долгих походах и сражениях, о ночах, проведённых под открытым небом, о битвах, в которых этот воин участвовал.

Руки защищали латные перчатки, каждая пластина которых была точно подогнана под движение пальцев. В правой руке воин держал изогнутый клинок — оружие с тонким балансом между элегантностью и смертельной эффективностью. Лезвие, слегка выгнутое, сужалось к острию и выглядело ухоженным, несмотря на общий боевой износ.

Стойка воина была уверенной и устойчивой: ноги расставлены ровно, корпус прямой, без лишнего напряжения. В нём чувствовалась дисциплина и опыт — не демонстративная сила, а сдержанная готовность к действию.

Он стряхнул с плеча очередной слой пепла — движение медленное, почти ритуальное, — и произнёс:

— Цель визита?

Голос его был глухим, искажённым шлемом, но всё ещё различимым. В нём не было враждебности — только холодная, официальная отстранённость.

— Э-э-э, — начал Маромал, лихорадочно подбирая слова.

— Путешествуем, — спешно перебил его Лиам, выступая вперёд. Его голос был ровным, уверенным, без тени сомнения.

Воин медленно повернул голову, и Маромалу показалось, что из-за узкой прорези шлема на него смотрит что-то древнее, всезнающее. Пауза затянулась.

— Сомнительное вы выбрали место для путешествий, — произнёс наконец стражник. — Это территория Дезертстейта. Это не Империя. И раз уж вы тут — соблюдайте наши законы.

— Непременно! — ответил Лиам с той же непроницаемой уверенностью.

Стражник фыркнул — звук, искажённый шлемом, был похож на треск статического электричества. Он развернулся и зашагал прочь, его плащ взметнулся, подхваченный ветром, и с него посыпался пепел.

Маромал выдохнул.

— Спасибо, — сказал он Лиаму. — Я не ожидал, что нас встретят.

— Всегда ждите, — ответил Лиам. — Особенно в таких местах. Они не любят чужаков. Но и не трогают без причины. Пока.

Они двинулись вглубь острова. Дорога — вернее, то, что когда-то было дорогой, — вела от пирса к поселению. Она была едва различима под слоем пепла, и идти приходилось осторожно, чтобы не споткнуться о скрытые обломки.

Поселение встретило их тишиной. Той особенной, мёртвой тишиной, которая бывает только в местах, переживших катастрофу. Дома — те, что уцелели, — стояли вдоль единствен-

ной улицы, как надгробия. Их было немного: Маромал насчитал около десяти построек, не больше. Остальные, видимо, были погребены под пеплом или разрушены извержением.

Крыши домов были провалены, стены покрыты трещинами, окна зияли пустыми глазницами. Но кое-где из труб поднимался дымок — значит, здесь ещё теплилась жизнь.

И действительно: у одного из домов Маромал заметил старика, расчищавшего крыльцо от пепла. Он работал медленно, методично, без тени спешки — как человек, который давно смирился с тем, что его труд никогда не будет завершён. Одежда его была старой, латанной-перелатанной, но чистой. Лицо, изрезанное морщинами, выражало спокойную, почти философскую отрешённость.

— Добрый день, — поздоровался Маромал, подходя ближе.

Старик поднял голову, прищурился, разглядывая незнакомцев.

— И вам того же, — ответил он. Голос его был скрипучим, как несмазанная дверь. — Вы кто такие будете? Имперцы? Или песчанники новых прислали?

— Мы путешественники, — ответил Маромал. — Прибыли из Нордленда.

— Из Нордленда? — старик хмыкнул. — А я уж думал, про нас все забыли. Кроме песчанников, конечно. Эти не забывают. — Он кивнул в сторону стражников, патрулировавших улицу. — Приходят каждый день, проверяют, не сбежали ли мы. Как будто отсюда есть куда бежать.

— Вы живёте здесь? — спросил Маромал. — После всего, что случилось?

— А куда мне деваться? — старик пожал плечами. — Я здесь родился. Мой отец здесь родился. Мы жили на этом острове ещё до того, как пришли песчанники. До того, как Империя про нас забыла. До того, как шахта истощилась. До всего.

Он обвёл рукой окрестности.

— Здесь был город. Небольшой, но город. Школа, часовня, рынок. Люди работали в шахте, растили детей, жили. А теперь... — он усмехнулся, — теперь нас осталось двенадцать. Те, кто отказался эвакуироваться. Глупцы, да? Но это наш дом. Мы не могли его бросить.

Маромал слушал, и в его груди росло странное, щемящее чувство. Эти люди — потомки первых шахтёров, пришедших на остров вместе с Алкиром, — пережили всё. Истощение шахты. Забвение Империи. Голод. Приход Дезертстейта. Извержение вулкана. И всё равно остались здесь. Потому что это был их дом.

А ещё здесь были стражники. Маромал заметил их сразу — несколько фигур в таких же доспехах, что и воин на пристани, патрулировавших улицу или помогавших расчищать дома от пепла. Они не бежали, потому что таков был приказ султана: охранять эти земли ценой своей жизни. И они выполняли его — молча, без жалоб, с той же спокойной дисциплиной, которая чувствовалась в каждом их движении.

Маромал вдруг почувствовал это снова. Ветер. Тот самый — лёгкий, тёплый, пахнущий чем-то незнакомым. Не пеплом, не морем, не гарью. Чем-то иным. Чем-то, что не имело названия.

Он дул с севера. Из глубины острова. От горы. Маромал повернулся в ту сторону и увидел тёмный провал входа в шахту — тот самый, о котором говорилось в книге. Тот самый, который когда-то был источником богатства, а потом стал источником гибели.

— Мне туда, — сказал он, не оборачиваясь.

Лиам проследил за его взглядом и кивнул. Они двинулись к шахте.

Проход в шахту был завален — не камнями, а баррикадой из деревянных щитов и железных прутьев, явно установленной недавно. Рядом стоял ещё один стражник — такой же, как те, что патрулировали улицу. Его доспехи, покрытые пеплом, делали его похожим на серую статую.

— Вход воспрещён, — произнёс он глухим, искажённым шлемом голосом. — Приказ султана. Шахта нестабильна. Опасно для жизни.

Маромал, не говоря ни слова, достал из поясной сумки увесистый мешок. Серебро звякнуло, когда он бросил его стражнику. Тот поймал мешок одной рукой, взвесил, и за прорезью шлема, казалось, мелькнула тень улыбки.

— Опасность, говорите, — произнёс стражник, убирая мешок за пазуху. — Что ж, я вас предупредил. Дальше — ваша забота.

Он отступил в сторону, освобождая проход. Маромал и Лиам, не теряя времени, проскользнули внутрь.

Шахта встретила их темнотой и холодом.

Маромал зажёл магический светлячок — тот самый, что вёл его в кургане и в храме лиридов. Голубоватый свет выхватил из мрака стены, покрытые копотью и какими-то минеральными наростами. Воздух был спёртым, тяжёлым, пах гарью и чем-то ещё — едким, химическим, напоминавшим запах после грозы.

Они двинулись вглубь. Туннель разветвлялся — один проход, более широкий и утоптаный, вёл в ту сторону, где, судя по всему, работали шахтёры Дезертстейта. Оттуда доносились отдалённые звуки: скрежет металла о камень, приглушённые голоса. Но Маромала интересовал другой путь. Зброшенный. Тот, что уходил влево, в темноту, куда явно никто не заходил уже очень давно.

— Нам сюда, — сказал он, и в его голосе прозвучала странная, почти неестественная уверенность.

Лиам не стал спорить. Он просто последовал за ним, держа руку на рукояти меча.

Зброшенный туннель был уже, мрачнее. Стены здесь не были укреплены — только грубый камень, местами покрытый трещинами. Под ногами хрустели обломки породы и что-то ещё — может быть, кости? Маромал не стал проверять. Ветер — тот самый, незримый, тёплый — дул впереди, указывая путь. Он петлял, сворачивал, уводил всё глубже и глубже, пока наконец не привёл их в тупик.

— Здесь ничего нет, — произнёс Лиам, оглядывая глухую каменную стену.

— Нет, — ответил Маромал. — Есть.

Ветер дул прямо в стену.

Архимаг поднял руку. На его ладони, как когда-то давно, в пещере, когда он впервые убил человека, начала формироваться звезда. Не та, крошечная, что он показывал Гриду много лет назад, — настоящая. Ослепительный, остроугольный диск золотого света с розовой окантовкой, ревущий, как ураган. Он рос, пульсировал, наполняя туннель жаром и светом, а потом Маромал выпустил его вперёд.

Звезда ударила в стену.

Грохот был оглушительным. Камень треснул, раскололся, разлетелся обломками. Когда пыль осела, перед ними открылся проход. А за ним — комната.

Это было небольшое помещение, вырубленное в скале. Стены его были покрыты странными отметинами — не рунами, не письменами, а чем-то иным. Линиями, изгибами, узорами, которые, казалось, складывались в созвездия. Такие же узоры Маромал иногда видел во сне — в тех снах, где он летел сквозь космическую пустоту, окружённый холодными огнями далёких звёзд.

В центре комнаты стоял каменный стол — грубый, массивный, явно вырубленный здесь же, а не принесённый откуда-то. На его поверхности была высечена надпись. Маромал подошёл ближе, поднял светлячок повыше и прочитал вслух:

«И когда-нибудь забытый творец найдёт избранного и пропустит через него свою силу».

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камень.

Маромал перечитал их снова. И снова. И с каждым прочтением внутри него росло странное чувство — не разочарование, не радость, а скорее... узнавание. Как будто он всегда знал это. Как будто эти слова были написаны для него — и ждали его здесь очень, очень долго.

Забытый творец. Избранный. Сила, пропущенная через него.

Это был ответ. Но ответ вне контекста. Ключ без замка. Разгадка без загадки. Маромал знал, что «забытый творец» — это кто-то, связанный со звёздами, со звёздной магией, с тем даром, который жил в нём. Но кто? И почему он «забытый»? И что значит «пропустит через него свою силу»?

— Очередная загадка, — произнёс он вслух.

Лиам, стоявший у входа, молчал. Он не спрашивал, что это значит. Не предлагал толкований. Он просто ждал — терпеливо, как умеют ждать только те, кто привык иметь дело с неизвестностью.

Маромал ещё раз обвёл взглядом комнату, запоминая каждую деталь. Отметины на стенах. Надпись на столе. Ветер, который привёл его сюда и теперь стих, будто выполнив свою задачу.

— Здесь больше ничего нет, — сказал он наконец. — Пора возвращаться.

Они выбрались из шахты, когда солнце уже клонилось к закату. Пепел, висевший в воздухе, окрасился в багровые тона, и на мгновение Маромалу показалось, что весь остров охвачен пламенем. Но это была лишь игра света.

Аддвар ждал их у пирса, невозмутимо покуривая трубку. Увидев их, он вытащил её из рта и сплюнул в воду.

— Ну что, посмотрелись на пепелище? Едем обратно?

— Едем, — ответил Маромал. — В Нордленд. А оттуда — в Валдерфейн.

Они погрузились на лодку. Матросы отвязали швартовы, подняли парус. Ветер, на этот раз обычный, морской, солёный, наполнил его, и лодка, качнувшись, отошла от пирса.

Алкирийский остров оставался позади. Его серая громада, увенчанная оранжевым сиянием, уменьшалась, таяла в сумерках. Маромал стоял на корме и смотрел на него, пока тот не превратился в точку. А потом исчез.

Он думал о том, что узнал. «Забытый творец». «Избранный». «Сила». Это были ключевые слова. Ключи к разгадке, которая пока ускользала. Но теперь у него была зацепка. Не просто смутное предчувствие, не просто интуиция — реальная надпись, высеченная в камне. Доказательство того, что его дар — не случайность. Что за ним стоит кто-то или что-то. И что ответы существуют.

В Валдерфейне, в библиотеке СИМП, могли храниться книги, которые прольют свет на эти загадки. Возможно, «забытый творец» упоминался в каких-нибудь древних манускриптах, которые ещё не попадались ему на глаза. Возможно, там будет что-то, что проявит лица на размытой картинке. Что соединит разрозненные фрагменты в единое целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.